

КАЗАНСКИЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№4 2018

Казань - 2018

УДК 08
ББК 72
К4 94

К4 94 Казанская наука. №4 2018г. – Казань: Изд-во Казанский Издательский Дом, 2018. – 136.

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

Журнал зарегистрирован в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций ПИ № ФС77-59615.

Журнал размещен в открытом бесплатном доступе на сайте www.kazanscience.ru.

Журнал включен ВАК РФ в перечень научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Главный редактор А.Р. Шагимуллин

Редакционная коллегия

Р.Ф. Бекметов – к.филол.н., доцент; *В.В. Кондратьев* – д.пед.н., профессор;
Н.С. Найденова – д.филол.н., доцент; *А.М. Саяпова* – д.филол.н., профессор;
Р.Р. Хуснуллина – д.филол.н., профессор.

В журнале отражены материалы по теории и практике направлений науки, наиболее интенсивно развивающихся в настоящее время. Представлены труды ученых и специалистов вузов, институтов РАН, организаций, учреждений и предприятий, представителей органов власти.

Материалы журнала будут полезны преподавателям, научным работникам, специалистам научных предприятий, организаций и учреждений, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

УДК 08
ББК 72

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

© Казанский Издательский Дом, 2018 г.

СОДЕРЖАНИЕ

10.01.00 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Ю.З. Богданова</i> ДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ ОЦЕНОЧНОЙ ЛЕКСИКИ (НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК)	7
<i>Е.Н. Дьячкова</i> НРАВСТВЕННО-ФИЛОСОФСКИЕ ИСКАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ МОРДОВСКОЙ ПОЭЗИИ	10
<i>Н.В. Захарова</i> РОМАН ШИ ЮЙКУНЯ «ТРОЕ ХРАБРЫХ, ПЯТЕРО СПРАВЕДЛИВЫХ» И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ЭВОЛЮЦИЮ АВАНТЮРНОГО ЖАНРА В ЛИТЕРАТУРЕ КИТАЯ В НАЧАЛЕ ХХ В.	13
<i>М.И. Очиллова</i> СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЦЕННОСТЬ ТОЛКОВАНИЯ «АЛЬ-КАШШАФ» ЗАМАХШАРИ	16
<i>Д.А. Сухоева</i> ОСОБЕННОСТИ ИЗОБРАЖЕНИЯ ГОРОДА В ЛИРИКЕ В.Ф. ХОДАСЕВИЧА ПЕРИОДА ЭМИГРАЦИИ	19
<i>Д.Н. Фатеев</i> РЕЧЕВАЯ НОМИНАЦИЯ ФУТБОЛЬНЫХ КОЛЛЕКТИВОВ МОСКВЫ И САНКТ-ПЕТЕРБУРГА В КРИЧАЛКАХ БОЛЕЛЬЩИКОВ И СМИ (ЧАСТЬ I: ФК «ДИНАМО», ФК «ЗЕНИТ», ФК «ЛОКОМОТИВ»)	22
<i>Д.А. Филатова, С.А. Ларин</i> «В ЦЫГАНСКОМ ТАБОРЕ...»: МАТЬ И ДОЧЬ В ПЬЕСЕ А.Н. ОСТРОВСКОГО «БЕСПРИДАННИЦА»	25
<i>Б.Б. Шагдарова</i> БУРЯТ-МОНГОЛЬСКИЙ КОМИТЕТ ПО ДЕЛАМ РАДИОВЕЩАНИЯ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД (1931-1933 ГГ.)	28

10.02.00 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Г.Т. Аллахвердиева</i> ПОЛЕ «БОЛИ» И «СТРАДАНИЯ» В РУССКОМ И АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКАХ	31
<i>Амитирова-Тургенева Дарья Львовна</i> ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ИЗУЧЕНИИ РАЗЛИЧИЙ МЕЖДУ БРИТАНСКИМ И АМЕРИКАНСКИМ ВАРИАНТАМИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ	34
<i>Н.С. Андрианова</i> РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА GUERRE ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИМИ СРЕДСТВАМИ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА	37
<i>Б.Б. Базарова</i> ИНТЕРПРЕТИРУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ НЕОЛОГИЗМОВ	40
<i>Е.В. Белова, О.В. Ермоленко</i> МОДЕЛЬ АРГУМЕНТАЦИИ В БЫТОВОМ КОНФЛИКТЕ	43
<i>У.А. Борецкая</i> СПОСОБЫ И СРЕДСТВА ОТРАЖЕНИЯ РЕАЛЬНОСТИ В ЖАНРЕ АНГЛИЙСКОЙ НАРОДНОЙ БАЛЛАДЫ	46
<i>И.А. Борисенко, И.В. Уварова</i> ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕКУЛЬТУРНЫХ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА	50
<i>Н.В. Горохова</i> КАТЕГОРИАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЗНАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПОДЪЯЗЫКА ТРУБОПРОВОДНОГО ТРАНСПОРТА)	53
<i>Е.И. Григорьев, Л.Г. Карандеева</i> ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ПРОЦЕССЕ УСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ	57
<i>Д.А. Демидкина, И.В. Марзоева</i> О СООТНОШЕНИИ АСПЕКТУАЛЬНОГО И РЕФЕРЕНЦИАЛЬНО-ВРЕМЕННОГО СТАТУСОВ ВРЕМЕННЫХ ФОРМ СО ЗНАЧЕНИЕМ АОРИСТА ВО ФРАНЦУЗСКОМ, АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ	64
<i>Л.М. Дзуганова, Ф.М. Ордокова, Л.А. Пхеишхов</i> ЧАСТНЫЕ КЛАССИФИКАЦИИ ТЕРМИНОВ ЭКОНОМИКИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА	67

<i>А.Е. Жижина</i> К СУПЕРСТРУКТУРЕ И МАКРОСТРУКТУРЕ ТЕКСТОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРЕДВЫБОРНОГО ДИСКУРСА В.В. ЖИРИНОВСКОГО)	71
<i>Инь Сяо</i> УДАРЕНИЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ТОНЫ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ	75
<i>А.В. Кириллова, Д.Е. Меренкова, М.В. Шурупова</i> ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА СНИЖЕННОЙ ЛЕКСИКИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ	77
<i>А.Ю. Константинова, О.Ш. Назаров</i> ОТРАЖЕНИЕ ЖАНРА ПОКАЗАНИЙ ПОТЕРПЕВШЕГО В ТЕКСТЕ ПРИГОВОРА СУДА	80
<i>Н.Н. Кузнецова</i> ПОДТЕКСТ КАК ЧЕРТА ПОЭТИЧЕСКОГО ИДИОСТИЛЯ И.БРОДСКОГО	83
<i>Е.К. Кузьмина</i> ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ПАРАДИГМЕ	86
<i>Н.В. Левчаева</i> ОСОБЕННОСТИ ПУБЛИЧНОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ В ЛИНГВОКОММУНИКАТИВНОМ АСПЕКТЕ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕНИЯ	89
<i>Н.В. Малышева, А.Е. Божедонова</i> ФОНОСТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯКУТСКИХ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ, ОПИСЫВАЮЩИХ «РЫЖУЮ» МАСТЬ ЛОШАДИ	92
<i>Н.С. Морева</i> ФРАНЦУЗСКИЙ ПРИЧИННЫЙ СОЮЗ <i>car</i> И ЕГО ПЕРЕВОДНЫЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ	95
<i>М.С. Попова, Д.С. Федорова</i> КОЛЛОСТРУКЦИОННЫЙ АНАЛИЗ КОНСТРУКЦИИ <i>N1VN2 FROM GERUND</i> В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	98
<i>М.В. Ретина, Е.В. Сивакова, И.П. Назарова</i> СИМВОЛИКА ЦВЕТА В РОМАНЕ Г. К. ЧЕСТЕРТОНА «ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОН КИХОТА»	101
<i>Д.А. Романов</i> ОШИБКИ ПЕРЕВОДА С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ЯЗЫК ИНФИНИТИВНОЙ КОНСТРУКЦИИ "PASSIVE VERB / LINK VERB + TO-INFINITIVE"	104
<i>Ф.Г. Сабирова, А.Г. Садыкова</i> ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА АНГЛИЙСКОЙ СКАЗКИ	107
<i>Ф.К. Сагдеева, А.Я. Хусаинова, А.А. Бадртдинова</i> ФОНЕТИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В УСЛОВИЯХ ДВУЯЗЫЧИЯ (НА ПРИМЕРЕ СОГЛАСНЫХ)	110
<i>С.Н. Саможенов</i> СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ	113
<i>Е.Г. Сулова</i> КОННОТАЦИИ УСТНОЙ КУЛЬТУРЫ, ПОВТОР И ГРАДАЦИЯ В РАННЕМ РЫЦАРСКОМ РОМАНЕ	116
<i>Г.Н. Фахретдинова</i> ЭКСПРЕССИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ В ТАТАРСКОЙ РЕКЛАМЕ	119
<i>Н.И. Хомутская, А.М. Шабанова</i> ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ НЕМЕЦКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ	122
АННОТАЦИИ	126

THE RELEASE MAINTENANCE

10.01.00 – PHILOLOGICAL SCIENCES – LITERARY CRITICISM

<i>Y.Z. Bogdanova</i> DIDACTIC POTENTIAL OF NEGATIVE SENTIMENT LEXICON (GERMAN)	7
<i>E.N. Dyachkova</i> MORAL-PHILOSOPHICAL TRENDS IN CONTEMPORARY MORDOVIAN POETRY	10
<i>N.V. Zakharova</i> THE NOVEL OF SHI YUKUN «THREE BRAVE, FIVE FAIR» AND ITS INFLUENCE ON THE EVOLUTION OF THE ADVENTUROUS GENRE IN THE LITERATURE OF CHINA IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY	13
<i>M.I. Ochilova</i> STYLISTIC FEATURES AND THE ARTISTIC VALUE OF ZAMAHSHARI'S INTERPRETATION OF "AL-KASHSHAF"	16
<i>D.A. Sukhoeva</i> THE PECULIARITIES OF THE CITY IMAGE IN THE POETRY OF V.F. KHODASEVICH IN EMIGRATION	19
<i>D.N. Fateev</i> SPEECH NOMINATION OF MOSCOW AND ST-PETERSBURG FOOTBALL CLUBS IN FAN CHANTS AND MASS MEDIA (PART I: FC "DINAMO", FC "ZENIT", FC "LOKOMOTIV")	22
<i>D.A. Filatova, S.A. Larin</i> «IN THE GYPSY CAMP...»: MOTHER AND DAUGHTER IN A. N. OSTROVSKY'S PLAY «BESPRIDANNITSA»	25
<i>B.B. Shagdarova</i> BURYAT-MONGOLSK COMMITTEE ON BROADCASTING IN THE PRIMARY PERIOD (1931-1933)	28

10.02.00 - PHILOLOGICAL SCIENCES –LINGUISTICS

<i>G.T. Allahverdiyeva</i> FIELD OF "PAIN" AND "SUFFERING" IN RUSSIAN AND AZERBAIJANI LANGUAGE	31
<i>D.L. Amitirova-Turgeneva</i> STUDY OF DIFFERENCES BETWEEN BRITISH ENGLISH AND AMERICAN ENGLISH IN RUSSIAN LINGUISTICS. MAIN TRENDS	34
<i>N.S. Andrianova</i> REALIZATION OF THE GUERRE CONCEPT BY PAREMIOLOGICAL MEANS OF THE FRENCH LANGUAGE	37
<i>B.B. Bazarova</i> INTERPRETING POTENTIAL OF NEOLOGISMS	40
<i>E.V. Belova, O.V. Ermolenko</i> MODEL OF ARGUMENTATION IN THE EVERYDAY CONFLICT	43
<i>U.A. Boretckaia</i> SPECIFIC MEANS OF THE REALITY'S REFLECTION IN THE ENGLISH FOLK BALLAD	46
<i>I.A. Borisenko, I.V. Uvarova</i> FOREIGN LANGUAGE IN FORMING CULTURAL AND PROFESSIONAL COMPETENCES IN MEDICAL STUDENTS	50
<i>N.V. Gorokhova</i> CATEGORICAL DIVISION OF THE PROFESSIONAL KNOWLEDGE (ON THE BASIS OF PIPELINE TRANSPORT LANGUAGE)	53
<i>E.I. Grigorjev, L.G. Karandeeva</i> FEATURES OF REALIZATION OF SPEECH INFLUENCE IN THE PROCESS OF ORAL COMMUNICATION	57
<i>D.A. Demidkina, I.V. Marzoeva</i> ABOUT THE RELATION OF ASPECTUAL AND REFERENTIAL-TEMPORAL STATUS OF AORISTIC TEMPORARY FORMS IN FRENCH, ENGLISH AND RUSSIAN	64
<i>L.M. Dzugznova, F.M. Ordokova, L.A. Pksheshkhov</i> PRIVATE CLASSIFICATIONS OF THE TERMS OF ECONOMICS OF AGRICULTURE	67
<i>A.E. Zhizhina</i> TOWARDS THE SUPERSTRUCTURE AND MACROSTRUCTURE OF POLITICAL TEXTS (BASED ON THE PRE-ELECTORAL DISCOURSE OF V.V. ZHIRINOVSKIY)	71
<i>Yin Xiao</i> THE STRESS IN THE RUSSIAN LANGUAGE AND TONE IN THE CHINESE LANGUAGE	75

<i>A.V. Kirillova, D.E. Merenkova, M.V. Shurupova</i> THE PECULIARITIES OF TRANSLATION OF LOWER WORDS IN FICTION	77
<i>A.Yu. Konstantinova, O.Sh. Nazarov</i> REFLECTION OF THE GENRE TESTIMONY OF THE VICTIM IN THE TEXT OF THE SENTENCE	80
<i>N.N. Kuznetsova</i> SUBTEXT AS A FEATURE OF POETIC IDIOSTYLE OF I. BRODSKY	83
<i>E.K. Kuzmina</i> TRENDS OF LINGUISTIC DEVELOPMENT IN THE MODERN PARADIGM	86
<i>N.V. Levchaeva</i> FEATURES OF PUBLIC SPEECH IN THE LINGU-COMMUNICATIVE ASPECT OF CULTURE OF COMMUNICATION	89
<i>N.V. Malysheva, A.E. Bozhedonova</i> PHONOSTRUCTURE FEATURES YAKUT ADJECTIVES, DESCRIBING THE "RED" SUIT HORSES	92
<i>N.S. Moreva</i> FRENCH CAUSAL CONJUNCTION CAR AND ITS TRANSLATION EQUIVALENTS	95
<i>M.S. Popova, D.S. Fedorova</i> COLLOSTRUCTIONAL ANALYSIS OF THE CONSTRUCTION N_1VN_2 FROM GERUND IN CONTEMPORARY ENGLISH LANGUAGE	98
<i>M.V. Repina, E.V. Sivakova, I.P. Nazarova</i> SYMBOLISM OF COLOR IN G. K. CHESTERTON'S NOVEL «THE RETURN OF DON QUIXOTE»	101
<i>D.A. Romanov</i> CASES OF INCORRECT TRANSLATION OF THE INFINITIVE STRUCTURE "PASSIVE VERB / LINK VERB + TO-INFINITIVE" FROM ENGLISH INTO RUSSIAN	104
<i>F.G. Sabirova, A.G. Sadykova</i> LINGUOCULTURAL AND SEMANTIC FEATURES OF THE LANGUAGE OF ENGLISH FAIRY TALES	107
<i>F. Sagdeeva, A. Khusainova, A. Badrtdinova</i> PHONETIC INTERFERENCE OF CONSONANTS WITHIN THE CONTEXT OF BILINGUALISM (ON THE EXAMPLE OF CONSONANTS)	110
<i>S.N. Samozhenov</i> SEMANTIC-STYLISTIC FEATURES OF DEFINITIONAL STRUCTURES IN MODERN GERMAN LANGUAGE	113
<i>E.G. Suslova</i> CONNOTATIONS TO THE ORAL TRADITION, THE USE OF REPETITION AND GRADATION IN THE EARLY CHIVALRIC ROMANCE	116
<i>G.N. Fakhretdinova</i> EVOCATIVE AND STYLISTIC DEVICES IN TATAR ADVERTISING	119
<i>N.I. Khomutskaya, A.M. Shabanova</i> LINGUISTIC WORLDVIEW REFLECTION IN GERMAN PHRASEOLOGICAL UNITS	122
ABSTRACTS	126

10.01.00 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ - ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

10.01.10

Ю.З. Богданова канд. филол. наукФГБОУ ВО ГАУ Северного Зауралья
Тюмень, bogdanowa2907@mail.ru**ДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ ОЦЕНОЧНОЙ ЛЕКСИКИ
(НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК)**

Данная статья посвящена проблеме дидактического потенциала отрицательной оценочной лексики немецкого языка. Выявлены особенности пейоративов в немецкой картине мира. Объяснены механизм и необходимость использования пейоративов в программах обучения немецкому языку.

Ключевые слова: *Немецкая отрицательная оценочная лексика, пейоративы, языковая картина мира, интерференция.*

Рассмотрение дидактического потенциала оценочной отрицательной лексики или пейоративов в литературе связывается с основными методами отражения языковой семантики и использования языковых универсалий.

Обращение к языковой картине мира изучаемого языка, я считаю, необходимо, т.к. значительно упрощает процесс обучения. Например, перенос названий животных на человека и реальный мир, является одним из эффективных способов образования отрицательной оценочной лексики, представляя собой «универсальный способ выражения оценочных значений» [2, с. 90]. Многие коннотации универсальны в различных языках. Поэтому, необходимо использовать некоторую универсальность данного типа лексики для преодоления интерференции.

Возможность применять эту лексику при изучении языка подтверждают также условия искусственного билингвизма либо, иначе говоря, условия обучения языку. Общеизвестно, что в соответствии с характеристикой условий изучения и применения иностранных языков выделяются «естественный и искусственный билингвизм».

Наличие языковых элементов, свойственных для языковых систем большей части мировых языков, то есть языковых универсалий» [1, с. 69]. Необходимо также иметь в виду, что в ходе изучения иностранного языка «второй язык воспринимается через первый и оказывается «привязанным» к нему [3, с. 17]. Это значит, что опорный компонент представлен все-таки подобной лексикой родного языка.

Это явление можно легко объяснить с позиций методики обучения иностранным языкам. Иностранные языки изучают люди, у которых уже присутствует картина мира, созданная в контексте родного языка. Языковое сознание таких людей является системой координат, с позиций которой дается оценка всем поступающим в сознание компонентам изучаемого языка.

Если обучающийся будет обобщать иноязычный материал на основе законов родного языка, то образ иностранного языка в его сознании не будет соответствовать действительности.

При изучении иностранного языка «обучающийся должен интерпретировать значения иноязычной культуры, наделяя их смыслом, что реализуется при включении их в индивидуальный контекст» [4, с. 265].

Целесообразно, как считает А.Р.Яковлев, сформировать некую структуру, в которую будут входить уже имеющиеся представления как интерпретаторы нового концепта, внедряемого в концептуальную систему.

В связи с тем, что обучающийся иностранному языку уже имеет сформированную картину мира, которая включает в себя родной язык и свойственную ему систему значений, иные представления, при помощи которых он смог бы интерпретировать материал иностранного языка, у него просто отсутствуют».

В связи с этим пейоративы в родном языке должны выступить в роли опоры в ходе изучения иностранного языка.

Все подлежащие изучению категории в иностранном языке необходимо представлять на родном, так как он является единственным инструментом познания, и, разумеется, сравнивать с аналогичными категориями в родном языке с целью установить смысловые отношения между ними.

Преподавая пейоративы немецкого языка, важно считаться также с речевым опытом учеников в родном языке. Очевидно при этом, что в процессе занятий должен присутствовать элемент родного языка. К примеру, на родном языке можно обеспечить учебную коммуникацию, т.е. указания, инструкции к упражнениям, пояснение цели урока, объяснение речевых ситуаций в начальных классах.

Эффективность запоминания лексических единиц может снизить интерференция.

То есть, ситуация, «когда запоминаются слова иностранного языка, одни из которых еще не отложились в долговременной памяти, (и уже забыты для кратковременной), а другие в это же время только начинают изучаться». Поэтому, в организации обучения должен быть учтен коммуникативный принцип, являющийся наиболее важными с точки зрения организации ситуации искусственного билингвизма.

Родной язык успешно задействуется в таких видах заданий как перевод слов с родного языка на иностранный. Например, «это один из приемов составления словаря для кроссворда, наряду с такими приемами, как рисунки, контекст, синонимы, антонимы, дефиниции». В данном случае, родной язык, как уже было сказано выше, является также «эффективным средством активизации оперативной памяти и мышления учащихся в процессе чтения или аудирования». В данной функции родной язык должен использоваться преимущественно на начальной и средней степени обучения.

Языковые универсалии родного языка пейоративы не только можно, но и нужно использовать в процессе формирования языковой компетенции. Так, например, на материале немецких и русских сказок был изучен ряд универсальных номинаций пейоративов с ассоциантом «животные», которые можно использовать при освоении оценочной лексики.

Рассмотрим схему их изучения. Характерной чертой зоонимов русского и немецкого языков является высокая степень идиоматичности и образности с сильным содержанием номинативности. Сходные по денотативным значениями зоонимы в разных языках отличаются образностью, поскольку ассоциативные представления о животных в различных языках не совпадают.

Если согласно картине мира немцев *gusь schlau, klug* (*хитрый, лукавый, умный, толковый, разумный*), то согласно русской картине мира, в сказках он глупый, ленивый. Кот в немецкой сказкографии *findig, tapfer, schlau* (*находчивый, смелый, умный*), а в русской *хитрый*.

Учитывая эти различия необходимо уделять внимание упражнениям на основе использования данных метафор. Именно на начальном этапе обучения можно предложить обучающимся задание устно или письменно «Дополнить той или иной компонент словосочетания» (см. таблица 1).

Таблица 1. Упражнение: внесите компонент в словосочетание

<i>... und Schwein sind keine Freunde</i>	<i>Гусь свинье не товарищ</i>
<i>Das macht der ... keinen Buckel</i>	<i>Видит кот сало, а силы мало</i>
<i>Bei Nacht sind alle Katzen ...</i>	<i>Ночью все кошки серые</i>
<i>die ... hat neun Leben</i>	<i>кошка: как ты его не брось, а он все на ноги становится / кошку только девятая смерть уморит</i>
<i>Die ... weiß, wo sie genascht hat</i>	<i>Знает кот, чье сало съел</i>
<i>Wer sich vor dem ... fürchtet, geht nicht in den ...</i>	<i>Волк в овечьей шкуре</i>
<i>... und Pferd sind keine Freunde</i>	<i>Волк стареет, но не добреет</i>
<i>Der ... stirbt in seiner Haut</i>	<i>Волк линяет, а нрав не меняет</i>
<i>Alter ... geht nicht zweimal ins Garn</i>	<i>Смотрит лисичкой, а думает волком.</i>
<i>Auf den ... schlägt man, den ... meint man</i>	<i>Бьют по мешку, ослу наука</i>
<i>Um des ... Schatten streiten</i>	<i>Спорить о том, что выведенного яйца не стоит, спорить с тенью осла</i>
<i>Er ist bekannt wie ein bunter ...</i>	<i>С собакой дружи, а палку в руках держи</i>

На наш взгляд, пейоративы, данные в таком контексте запоминаются намного проще.

Во-первых, наличие расхождений между языками обуславливает проблему овладения иностранными языками и родным языком. Характеристики отрицательной оценочной лексики в немецкой и русской языковых картинах мира, отмечены этнической спецификой и дают представление об эмотивных и поведенческих стереотипах наций. Во-вторых, необходимо предпринять анализ двух языков для выявления фактов расхождения и совпадения и для выявления «опасных моментов», которые необходимо учесть при обучении для предотвращения интерференции. В-третьих, языковые универсалии пейоративы являются готовым и ценным дидактическим материалом для освоения немецкой оценочной лексики.

Список источников

1. *Верещагин Е.М.* Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). - М., 1969. - 160 с.
2. *Кунин А.В.* Английская фразеология. Теоретический курс. - М.: Высш. шк., 1970. - 344 с..
3. *Китросская И.И.* Некоторые вопросы методики обучения второму иностранному языку (В свете психолингвистического анализа явления переноса) [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / И.И. Китросская. - М., 1970. - 227 с.
4. *Яковлев А.Р.* Языковое сознание. Содержание и функционирование / А.Р. Яковлев. М., 2000. - 286 с.

10.01.00

Е.Н. Дьячкова

Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева,
филологический факультет, кафедра родного языка и литературы,
Саранск, dyachkova_92@inbox.ru

ПРАВСТВЕННО-ФИЛОСОФСКИЕ ИСКАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ МОРДОВСКОЙ ПОЭЗИИ

В статье обозначены преобладающие доминанты нравственно-философских исканий в современной поэзии Мордовии. Выявлены основные проблемно-тематические и стилистические особенности многовекторных смыслов и способов в освоении поэтической реальности. На примере произведений А. В. Арапова, Н. И. Ишуткина, Р. К. Орловой прослеживается глубинное единство окружающего мира и внутреннего состояния лирического героя.

Ключевые слова: современная мордовская поэзия, философская лирика, нравственно-философские искания, лирический герой, поэтика.

Современная поэзия Мордовии представлена самыми разными именами, жанрами и жанровыми модификациями. Значительное место в поэтическом пространстве занимает философская лирика, взгляд на которую в аспекте ее культурно-исторического бытования зачастую приводит к пониманию устойчивости ее содержания. Поэты в своих произведениях стремятся переосмыслить происходящие процессы в современном обществе, правдиво воспроизвести действительность, отражая сложность и противоречивость всех ее граней, раскрыть сквозь призму собственного мировосприятия отношение к жизни и времени.

Философская лирика имеет место в творчестве поэтов разных поколений, что определяется рядом объективных и субъективных факторов. По утверждению О. И. Налдеевой, среди таких факторов, прежде всего, следует выделить социально-исторические условия, породившие «ощущение миропорядка и заблуждения личности» [5, с. 60]. Исследователь отмечает, что «поэты начинают осознавать, что необходимо не только отразить художественными средствами окружающую действительность, но и акцентировать внимание на вечных проблемах человеческого бытия» [5, с. 60].

Наряду с плеядой молодых авторов, продолжают создавать произведения поэты старшего поколения, чье творчество стало уже хрестоматийным и вошло в школьные и вузовские учебники. К числу таких авторов относятся А. В. Арапов, Н. И. Ишуткин, Р. К. Орлова и др. Основные тенденции развития их творчества позволяют судить о современном поэтическом процессе Мордовии в целом.

Известный поэт Александр Васильевич Арапов, стихи которого опубликованы во многих коллективных сборниках, изданных в Саранске, Самаре, Москве, а также в Финляндии и Эстонии, писал не только на родном эрзянском, но и на русском языке. В своей философской лирике А. В. Арапов пытается осмыслить сложный современный мир и через стихи выразить отношение к окружающей действительности: «Господи, все нам зачтется...// Что проклинать и тужить...// Что еще нам остается? // А остается нам жить. // А остается терпенье, / И ничего не проси. // А остается смиренность – / Так повелось на Руси. // Вот и зима за окошком, / Все как положено – снег. // Только вот грустно немножко, / Что на исходе твой век...» [1, с. 26]. Несмотря на сложную жизненную ситуацию, лирический герой не впадает в уныние. Он с грустью осознает, что человеческая жизнь бременна.

Значимую функцию в произведениях А. В. Арапова выполняют пейзажные зарисовки. Так, в стихотворении «Одиноки и печальны...» пейзаж проникнут оттенками тихой грусти, что способствует более глубокому восприятию художественного текста философского содержания: «Одиноки и печальны / На закате купола. // Расставаться, удивляться, / Изумляться – жизнь *была*... // На пороге у безмолвья / Задышаться от бессилья. // А за окнами – молчанье, / В белом саване Россия. // Вслед себе смотреть и плакать, / Отвернуться и уснуть. // ... Снег в России грустный-грустный, / Тихий, как последний путь» [1, с. 5]. Индивидуальность художественного стиля А. В. Арапова заключается в подборе особых «ключевых» лексических средств. Среди них в особенности следует отметить присутствие глаголов. В стихотворении преобладают глаголы настоящего времени. Глаголы *расставаться, удивляться, изумляться* выполняют функцию репрезентации цикличности бытия. Их неопределенная форма усиливает ощущение многократности, повторяемости происходящих процессов. Очень точно подобрана художественная лексика: *закат, жизнь, порог, саван, снег, путь*, которая также указывает на цикличность времени.

В целом, для философской лирики А. В. Арапова характерен глубокий психологизм, желание лирического героя обрести душевное спокойствие, стремление к гармонии с окружающим миром. Мотивы скоротечности бытия, предчувствия смерти оставляют острое ощущение ценности времени.

Подобные мотивы слышны и в творчестве эрзянского поэта Николая Ивановича Ишуткина. Размышления лирического героя о тленности и скоротечности человеческой жизни нашли свое отражение в стихотворении «Осень тихо крылом задела...»: «Осень тихо крылом задела / Головешки черные волос. // Тяжело. // Наверное, всерьез / Ты, душа, уныньем / Заболела?» [3, с. 30]. В произведении чувствуется душевная боль поэта об ушедшей молодости. Лирический герой с грустью и сожалением говорит о растроченном впустую времени: «Боже мой, / Ведь жизнь почти прошла...» [3, с. 30].

Лирические произведения Н. И. Ишуткина отличает особая искренность и злободневность. Уничтожение моральных принципов, падение нравственности острой болью отражены во многих его произведениях. Так, нравственные проблемы поставлены автором в стихотворении «Болель». В центре художественного мировосприятия находятся морально-философские раздумья лирического героя о добре и зле. Зло понимается поэтом как явление, заключающее в себе разрушительную силу, как для личности, так и для общества в целом: «Заболела, видно, наша жизнь: / Тяжело так крылья поднимает. // Зло – в нарывах! // Снова нарываешь...» [3, с. 31]. Метафорические образы: «зло в нарывах», «ржавость душ», «заболела жизнь» – способствуют обличению зла в современном обществе.

Лирический герой многих произведений Н. И. Ишуткина представляется глубоко мыслящей, нередко страдающей личностью, которую не оставляют в покое извечные вопросы о бренности человеческого бытия. За внешней стороной его поэтических откровений стоят земные тревоги и проблемы современного человека.

Философское осмысление действительности характерно для творчества современной мордовской поэтессы Раисы Константиновны Орловой. Ее философская лирика отличается особой поэтической символикой, образностью и ассоциативностью. Так, например, в стихотворении «Синяя птица» прослеживается ассоциативное слияние мира человека с Вселенной, их полная гармония: «Девочка по имени Валда, / Нет ничего выше правды. // Есть между жизнью и смертью / Песня – дорога в бессмертье...» [6, с. 96].

Несомненный интерес приобретает выбор автором лексических средств для создания художественного образа. Слово «валда» в переводе с мокшанского языка означает «светлый». «Девочка по имени Светлая» – ассоциативный образ, несущий эмоционально-психологическую нагрузку. Этот образ есть некое объединение земного и духовного, символизирует внутренний душевный свет лирической героини «неделимый, негасимый лучик света», ее чистоту помыслов, гармонию, к которой она стремится, ее твердую веру в существование правды на этой грешной земле. Валда – свет, ведущий к истине. Поэтесса приходит к выводу, что счастлив лишь тот человек, в душе которого живет добро: «Всякое

благо – есть счастье того, кто им обладает, / А среди грешных людей не тот лишь скорбит-страдает, / Кто пустоту бережет в роднике злого сердца, / И кто не может нигде и ни с кем отогреться...» [6, с. 4]. Слова автора звучат как наставление, призыв к переосмыслению человеком собственных ценностей.

Таким образом, анализ философской лирики ведущих поэтов Мордовии, позволяет констатировать о нравственно-философских исканиях современной мордовской поэзии в целом. Художественная специфика философской лирики проявилась в стремлении наиболее точного и яркого воссоздания действительности, отображении многоликости жизненных перипетий. Поэты, акцентировав внимание на вечных проблемах человеческого бытия, стремятся расширить рамки познания духовного мира лирического героя, проникнуть вглубь процессов современности, философски осмыслить и эмоционально отразить происходящие изменения, сквозь призму собственного мировосприятия дать ответ на волнующие вопросы.

Список литературы

1. *Арапов А. В.* Взмах: Стихи / А. В. Арапов. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2001. – С. 26, 5.
2. *Жиндеева Е. А.* Философская лирика Мордовии конца XX – начала XXI века: монография / Е. А. Жиндеева, Н. В. Карабанова, С. Н. Степин [и др.]; Мордов. гос. пед. ин-т. – Саранск, 2011. – С. 9, 81.
3. *Ишуткин Н. И.* Пейзаж души / Н. И. Ишуткин : Стихи / перевод с эрзянск. А. Громыхина; – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1998. – С. 30, 31.
4. *Лельков А. А.* Философская поэзия Л. Мартынова и особенности развития лирики 60-70-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. А. Лельков. – Москва, 1993. – С. 7.
5. *Налдеева О. И.* Современная мордовская поэзия: основные тенденции и художественные ориентиры: монография / О. И. Налдеева; Мордов. гос. пед. ин-т. – Саранск, 2013. – С. 60.
6. *Орлова Р. К.* Письма странницы: стихотворения, песни / Р. К. Орлова. – Саранск, 2014. – С. 96, 4.
7. *Штец Т. П.* Русская философская поэзия рубежа XIX-XX веков как культурно-историческая рефлексия национального мировоззрения: автореф. дис. ... канд. философ. наук / Т. П. Штец. – Мурманск, 2003. – С. 5.

10.01.03

Н.В. Захарова канд. филол. наук

Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН
Отдел литератур стран Азии и Африки
Москва, radaeva2002@gmail.com

**РОМАН ШИ ЮЙКУНЯ «ТРОЕ ХРАБРЫХ, ПЯТЕРО СПРАВЕДЛИВЫХ»
И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ЭВОЛЮЦИЮ АВАНТЮРНОГО ЖАНРА
В ЛИТЕРАТУРЕ КИТАЯ В НАЧАЛЕ XX В.**

В статье анализируется влияние романа Ши Юйкуня (1810- 1871) «Трое храбрых, пятеро справедливых», соединившего два поджанра: судебной и рыцарской прозы, на повествования о рыцарях/благородных разбойниках, ставших популярными в начале XX в.

Ключевые слова: *литература Китая, рыцарская проза, жанр «уся», роман Ши Юйкуня.*

Истоки китайских повествований об *уся* следует искать в глубокой древности, когда в раннем феодальном обществе «формировались сложные общественные отношения, складывались нравственные принципы, отразившиеся впоследствии в исторических памятниках и произведениях литературы» [1, с. 183]. Впервые упоминания о *ся* – бунтарях или *уся* – бунтарях, владеющих боевыми искусствами, мы узнаем от первого китайского историографа Сыма Цяня (145 или 135 – около 86 г. до н.э.), включившего в свои «Исторические записки» («Шицзи») (104-135 гг. до н.э.), в том «Жизнеописания», главу о странствующих *ся* (124 глава). В переводе этой главы, сделанном В.М. Алексеевым и опубликованном в 1959 г., термин *ся* переводится как «рыцарь»: «Конфуцианцы развращают наш закон своей гражданственностью тонкой, а рыцари идут против запрета своей воинственностью грубой» [2, 151]. Представляется, что перевод «*ся*» словом «рыцарь» не в полной мере передает содержание китайского термина. Как известно, в Европе возникновение рыцарской (куртуазной) литературы датируется XII-XIII вв. и отражает ценностные ориентации рыцарства, среди которых на первом месте стоит отстаивание религиозных взглядов, защита бедных, служение своему господину и рыцарскому ордену и культ Прекрасной дамы. Важно и то, что жанр европейского рыцарского (куртуазного) романа существовал в стихотворной форме. В Китае повествования о *ся* создавались на разговорном языке *байхуа*. У китайских *ся* времен Сыма Цяня, не было строгого кодекса поведения, неперемного атрибута европейских рыцарей, для китайских *ся* главным было соблюдение обещаний и помощь друзьям: «если [*ся*] действуют - всегда добиваются результатов, когда дают обещания, то обязательно выполняют. Не думая о себе, они спешат на помощь попавшим в беду»[3]. Как следует из записей Сыма Цяня, *ся* должны были быть благородного происхождения, но в силу разных причин часто своими действиями нарушали законы. Они защищают справедливость, соответственно, в русском переводе правомерно называть их «благородными разбойниками».

Рыцари/разбойники *ся* – любимые герои народных историй, они наделялись и реальными, и фантастическими чертами, обладали сверхъестественными способностями. Наиболее древние из историй о *ся*, записанные на литературном языке *вэньянь*, – история о Деве Чжао (из «Анналов царств У и Юэ») (V в. н.э.), истории о Хун Сянь - «Красная нить» и о Куньлуньском рабе династии Тан (618-907 гг.) Начиная с VII в., *уся сяошо* (проза о воинственных рыцарях/разбойниках) на *вэньяне* стала уступать позиции судебной и рыцарской прозе на разговорном языке *байхуа*, пользовавшемся популярностью в средних и низших слоях общества. Это подтверждает первый роман на разговорном языке эпохи Мин (1368-1644 гг.) «Речные заводы» («Шуйху чжуань») Ши Найаня (около 1300- около 1370), повествующий о повстанцах-разбойниках. Его главные герои – У Сун и Лу Чжи были

наделены качествами рыцарей из «Жизнеописаний» Сыма Цяня и в то же время обладали сверхъестественными качествами: были способны пройти сквозь стены дома и перелететь через горные хребты. Многие их черты заимствовали последующие герои прозы *уся*, продолжавшей свое развитие в текстах сказителей.

В 1879 г. был опубликован роман «Жизнеописание верных, преданных, храбрых и справедливых» («Чжун ле ся и чжуань»), ставший записью выступлений известного пекинского сказителя Ши Юйкуня (1810-1871). В основе сказов Ши Юйкуня лежали народные повествования о борьбе небесного кота с пятью мышами-оборотнями, которые сказитель переработал, сделав главными героями справедливого судью Баочжэна (реальный исторический персонаж XIII в.) и рыцарей/разбойников - храбрых защитников справедливости. Жанровая структура литературно обработанного произведения позволяет классифицировать его как образец сочетания двух поджанров – судебного и авантюрно-героического. Важно отметить, что в название книги Ши Юйкунь, рассчитывая на то, что сочинение о приключениях «справедливых разбойников» привлечет большее количество читателей, вынес слова, характеризующие моральные и физические качества рыцарей/разбойников - справедливость и храбрость. Последующие переиздания романа (начиная с 1882 года их было около десяти) показали, что жанр рыцарской прозы востребован в среде образованных китайцев. В 1888 году известный литератор Юй Юэ (1821-1906) отредактировал роман, внес изменения в структуру нескольких глав и напечатал его под названием «Трое храбрых, пятеро справедливых» [6, с. 8]. Эта публикация стала началом официального признания существования литературных произведений о «благородных разбойниках». Боевые приемы, описанные в «Трех храбрых», проделки бродяг (одурманивающее благовоние, волшебная сума, огонь на тысячу ли и др.), а также план засады (например, башня стремительного подъема) впервые были изображены в этом романе, а потом были заимствованы авторами рыцарских романов XX века. Как пишет Д.Н. Воскресенский, «в рыцарских романах этого периода тускнеют черты стихийной вольницы, украшавшие произведения прошлого, вытесняемые неким абстрактным иллюзорным миром, условными героями. Это связано с ослаблением социального звучания произведений, насыщением их элементами религиозности, мистицизма, волшебства» [1, с. 183]. Вместе с тем, появление в рыцарских романах элементов занимательности способствовало все возрастающей популярности жанра не только в народной среде, но и среди образованных читателей.

В романе Ши Юйкуня достаточно много элементов фантастики и мистицизма. Это и сюжет с черными тазами, сделанными из пепла убитых и сожженных невинных людей, души которых переселились в тазы и требуют отмщения, и волшебное изголовье, заснув на котором, герои оказываются в потустороннем мире и встречаются с божествами, и переселение душ после убийства в тела других людей. Эти фантастические элементы нужны были Ши Юйкуню для построения завлекательного повествования. На следующем этапе развития рыцарской прозы – в начале XX в. - фантастические элементы по-прежнему присутствуют в прозе *уся*, хотя уже не играют столь важной роли. Подтверждение тому - роман Сунь Юйшэна (1864-1940) «Разукрашенные мечи небожителей и благородных разбойников» («Сянь ся ухуа цзянь») (1901 г.). Роман живописует приключения девушек-небожительниц, спустивших на землю, чтобы найти учеников, которым они могли бы передать свое мастерство; их учениками становятся благородные разбойники. Роман относится к жанровому инварианту прозы о рыцарях, вооруженных мечом (*цзянь ся сяошо*) и продолжает традицию довольно многочисленных прозаических произведений этого поджанра, но отличается от них тем, что в качестве героев выступают не только разбойники, но феи, решившие вступить в борьбу с социальным злом [5, с. 3].

Еще одной книгой, привлечшей внимание и читателей, и критиков и признанной одним из лучших образцов рыцарской прозы порубежной эпохи, стал роман «Семь мечей, тринадцать разбойников» («Ци цзянь шисань ся»). О ее авторе, Тан Юньчжоу, известно только то, что он родился в городе Сучжоу, известном своими культурными и литературными традициями, и

жил в конце XIX - первой четверти XX в. Роман «Семь мечей, тринадцать разбойников», насчитывает 180 глав, его первые 60 глав были опубликованы в 1896 г., оставшиеся сто двадцать – в 1901 г., т.е. он также, как и роман Ши Юйкуня, относятся к жанру многоглавого романа (*чжанхуэй сяошо*). В романе Ши Юйкуня в качестве действующих лиц выступают император династии Сун (960-1279) и его наложницы, Тань Юйчжоу также для придания исторической достоверности обращается к событиям эпохи Мин (1506-1521 гг.). Сюжет книги типичен для повествований о благородных разбойниках: тринадцать главных героев, отличающихся необыкновенной храбростью и владеющих навыками боевых искусств, собираются вместе; они отбирают богатства у богатых и раздают их бедным, с помощью небожителей организуют мятежи в провинции Ганьсу и Цзянси [4]. Эта книга положила начало новой волне прозы о благородных разбойниках. Публикация романа дала повод литературоведам начать дискуссию о важном месте прозы-*уся* в национальной литературе.

Таким образом, в начале XX в. авторы романов *уся сяошо* следовали традициям китайских повествований о рыцарях/благородных разбойниках, получившим воплощение в романе Ши Юйкуня. В частности, они продолжали украшать свои сочинения фантастическими элементами, однако постепенно сокращали их объем в общем корпусе произведения.

Список литературы

1. Воскресенский Д.Н. Современные судьбы старого жанра (Героико-авантюрная проза у китайцев Гонконга и Юго-Восточной Азии) //Д.Н. Воскресенский. Литературный мир средневекового Китая: китайская классическая проза на *байхуа*: собрание трудов / М.: Восточная литература, 2006.
2. Китайская классическая проза в переводах академика В.М. Алексеева. Издание второе. М.: Издательство Академии наук СССР, 1959.
3. Сыма Цянь. Исторические записки. Глава 124. [Электронный ресурс].URL: <http://www.abirus.ru/content/564/623/626/14338/20840/20855.html> (дата обращения: 17.02.2018).
4. Тан Юньчжоу. «Семь мечей, тринадцать разбойников» (唐芸洲. 七剑十三侠). Наньчан: изд-во Цзянси жэньми чубаньшэ, 1988. – 457 с.
5. Цай Айго. О рыцарской прозе конца маньчжурской династии – первых лет Республики (蔡爱国. 清末民初侠义小说论). Пекин: изд-во Цзючжоу чубаньшэ, 2017. – 229 с.
6. Ши Юйкунь. Трое храбрых, пятеро справедливых. - М.: Художественная литература, 1974. - 350 с.

10.01.00

М.И. Очилова канд. филол. наук

Худжандский государственный университет имени Б.Гафурова,
Факультет восточных языков, кафедра арабская филология,
Худжанд, ochilova.86mail.ru

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЦЕННОСТЬ ТОЛКОВАНИЯ «АЛЬ-КАШШАФ» ЗАМАХШАРИ

В статье рассматриваются анализ структуры и содержания одного из наиболее авторитетных комментариев к Корану «аль-Кашшаф» аз-Замахшари. Автор опираясь на источник, а также на труды исследователей дает оценку литературным и филологическим аспектам данного тафсира.

Ключевые слова: Тафсир, Коран, Замахшари, аль-Кашшаф, мутазилитское течение, толкование.

Махмуд Умар ибн Мухаммад Замахшари (1075-1144), выдающийся ученый и исследователь, родился в провинции Замахшар Хорезмского вилаята и после обучения наукам у отца и других наставников в Хорезме, направился в Бухару, затем в Хорасан и Мерв. Далее его путь лежал в Мекку, где он прожил долгие годы и удостоился прозвища «джаруллах» (глашатай Аллаха). В преклонных годах он вернулся на родину и умер в Джурджании, где и был погребен.

Джаруллах Замахшари оставил после себя большое наследие, включающее изыскания в различных областях науки, в числе которых наука о толковании, хадисах, каламе, теологии и литературе. Однако самым известным его произведением является тафсир - комментарий к Корану - «аль-Кашшаф 'ан хакаики-т-танзил ва 'уюн ал-акавил фи вуджухи-т-та'вил» (Освещение истины откровения и источники раздумий по пути толкования). Этот комментарий является одним из авторитетнейших мутазилитских толкований Корана, почитаемых среди суннитов, в котором он отвел важную роль филологической стороне комментария.

Название «аль-Кашшаф» взято из подлинной рукописи автора, написанное его рукой, в которой указано: «Эта копия с подлинной рукописи, переписанной с черновика, написанного в Мекке» [т.1, 4], то есть в той рукописи указывается именно это название.

Также в некоторых печатных изданиях произведения добавлено слово «*гавамиз اغوامض*», означающее неясность и непонятность, после чего название произведения обрело форму «аль-Кашшафу ан хакаики гавамизи-т-танзил ва уюнил акавил фи вуджухи-т-та'вил». Именно это название упоминает в своем произведении «История арабской литературы» К. Брокельман [т.1, 216]. К. Брокельман также приводит сведения о наличии множества рукописей книги во многих библиотеках мира [т.1, 216].

«аль-Кашшаф» издавался несколько раз, в том числе в 1276 г.л.х. в городе Калькутта (Индия), в 1281 г.л.х. в Булаке, в 1307-1308 г.л.х. с дополнениями Али ибн Мухаммада ал-Джурджани, в 1318, 1319, 1344 л.х. в Каире, в 1354 г.л.х. был издан вместе с книгой «ал-Интисаф» Ибн Мунира Искандари и с комментариями ал-Марзуки и «ал-Кафи-ш--шафи фи-тахриджи-л-ахадиси-л-Кашшаф» Ибн Хаджара Аскалани [2, 242]. Последнее издание книги осуществлено в 2002 году Суннитским Центром Баракат Разои Хинд под редакцией Мухаммада Абдусалама Шахина с указанными выше комментариями. Перевод комментария осуществил и опубликовал современный иранский ученый Масуд Ансари в 2012 году в четырех томах. Перевод книги осуществлен по бейрутской копии.

Во введении комментария Замахшари упоминает, что он закончил книгу во времена правления халифа Абубакра Сиддика. В 526 г.л.х., по возвращению в Мекку, он начал написание книги и оставался в Мекке в течение трех лет. Книга является комментарием священного писания, написанного в различной стилистике: иногда толкование осуществляется путем грам-

матического анализа, в некоторых случаях стилистикой поэтической речи и изложения, однако в большинстве в ней преобладает философская сторона. По указанным стилистическим особенностям толкование «аль-Кашшаф» отличается от других комментариев и является одним из комментариев, в котором наибольший акцент делается на риторические красоты текста в подтверждение теории о «неподражаемости священного Корана». Автор истолковал многие коранические аяты, прибегая при этом к метафорам, аллегориям и красноречивым оборотам, что в целом направлено им для демонстрации стилистической неподражаемости Корана и совершенства его божественной поэзии. [8, 443]. По вопросу причин написания книги исследователи высказывают различные мнения. Некоторые враждебно настроенные ученые утверждают, что комментарий написан для распространения идей мутазилизма. Однако сам Замахшари во введении книги приводит несколько причин написания им книги:

1) Группа близких ему людей спрашивали его объяснить им комментарий к некоторым аятам священного Корана. Во время изучения некоторых смыслов их удивление и растерянность возрастала, поэтому они попросили автора написать книгу для пояснения некоторых непонятных для них аятов Корана.

2) Когда Замахшари ехал в Мекку, по пути ему встречались люди, жаждавшие слышать комментарий Корана из его уст, так как они были наслышаны об учениках Замахшари, наслаждающихся у источника его познаний. Чтобы утолить жажду страждущих божественное слово, он начал писать «аль-Кашшаф».

3) Когда он прибыл в Мекку, Имам Абухасан пришел к нему и сказал: «Избавь народ от жажды, удовлетвори их желание, напиши толкование!».

Эти факторы обусловили желание Замахшари написать «аль-Кашшаф». Он был почитаем среди десяти лучших ученых, которых арабы называли «эрудит или знаток», поэтому при написании книги старался делать умозаключения по толкованиям аятов, опираясь только на истинный, первозданный ислам [1,6].

Определить точную стилистическую принадлежность автора в книге представляется невозможным, поскольку в некоторых случаях его считают языковедом, в других - ритором и часто называют ортодоксальным мутазилитом.

В пояснении и комментарии аятов им было избрано несколько методов:

1) Толкование начинается с названия священной суры, количества ее аятов, места ниспослания - Мекка, либо Мадина. Далее Замахшари толкует суть аята посредством грамматики и риторики, для пояснений неясных и непонятных смыслов методами дискуссий и прений, и также указывает некоторые другие вопросы, сопутствующие поясняемому смыслу.

2) Замахшари уделяет большее внимание некоторым священным аятам, суть которых ясна и которые обосновывают мутазилитское учение, называя их мухамкам (ясный), а те аяты, которые не соответствуют мутазилитскому учению, называют мушабах (труднопознаваемый). Подобное отношение явно указывает на религиозную приверженность Замахшари. Но, так или иначе, везде Замахшари по мере сил, старался истолковать их и с точки зрения грамматики, и оценить степень метафоричности, хотя не гнушался использовать некоторые не совсем обоснованные и иногда просто сочиненные хадисы [1, 115; 256; 509].

3) Комментирует Коран непосредственно самим Кораном, особенно в тех аятах, где содержание не относится к мутазилитскому учению или их источникам [1,330] Также при толковании сур приводит в качестве примера хадисы Пророка (с) и повествования ученых сахабов и последователей и излагает суть отменяющих (насих) и отмененных (мансух) аятов [1, 477; 598]. Часто прибегает к богословским вопросам и воззрениям ученых, также использует предания, которые не противоречат убеждениям, однако он вполне лоялен и не имеет ярой фанатичности к своему ханафитскому течению [1, 238; 281].

Несмотря на то, что «аль-Кашшаф» откровенно выражает мутазилитские идеи, этот комментарий Корана является одним из важнейших канонических произведений, в котором уделено огромное внимание лексикологическим и художественным особенностям.

Некоторые ученые высказывают односторонние мнения о научной ценности произведения Замахшари, к примеру, что:

1) «аль-Кашшаф» диктует только мутазилитские убеждения [6, т.5.с.170], несколько снизившие степень его значения. Вследствие того, что Замахшари уделил огромное внимание стилистическому обрамлению и красноречию, ученые предупреждали верующих не увлекать свой разум прекрасным изложением. Поэтому ибн Таймия предупредил верующих о ложных, необоснованных толкованиях и отметил, что: "... Некоторые толкователи уделяют внимание красоте изложения, красноречию и не замечают глубокой ереси, а люди не знают об этом, ибо они простодушны. Одно из таких толкований "аль-Кашшаф".

2) В большинстве случаев, он отказывается от содержания хадисов, дошедших из уст Пророка (с) и в толковании аятов опирается на разум, к примеру, в толковании аята 47 суры Марьям [1, т.2.с21].

3) Замахшари не уделяет внимания изложению хадиса, временами в книге встречаются слабые по степени достоверности хадисы, допускающие непростительные ошибки. Это можно наблюдать в хадисе об утонувшем Фирауне.

4) Другой аспект, которому Замахшари не уделил достаточного внимания, это использование необоснованных и сочиненных хадисов. Он приводит в конце толкования каждой суры некоторые необоснованные и сочиненные хадисы о достоинствах сур, что можно наблюдать например в конце суры Аль-Имран [5, т.1.с.460]. От Пророка Аллаха (а) пришло предание, где сказано: «Тот, кто читает суру «Аль-Имран», с прочтением каждого аята, будет спасен от моста, ведущего в геенну».

Следует отметить, что изучение особенностей красноречия и риторики, науки о пояснении важно для постижения истинного смысла Корана и нравственного воспитания общества, вследствие этого исследование данного вопроса имеет глубокую актуальность в современный период.

Список литературы

1. Абулкасим Джаруллах Махмуд аз - Замахшари. Толкование аль-Кашшаф / Абулкасим Джаруллах Махмуд аз - Замахшари. – Бейрут-Ливан: Дар-ул-фикр, 2006. -Т.1.2. –С.588-659.
2. Абдулатиф ибн Мухаммад. Асмау-л-кутуб / Абдулатиф ибни Мухаммад. –Бейрут: Дару-с-сакафах. Год издания отсутствует. -415с.
3. Брокельман К. История арабской литературы / К. Брокельман; арабский перевод доктора Рамазана Абдултаваба. –Каир: Дар-ул-маариф, 1974. -Т.5. -388 с.
4. Ёкут Хамави. Муджам-ул-удаба / Ёкут Хамави. –Бейрут: Дару-л-кутуби-л-илмияти, 1991. -Т.1-5. -1433с.
5. Имам Хаджи Халифа. Кашф-уз-зунун / Имам Хаджи Халифа. –Бейрут: Дар-ул-фикр, 1982. -Т. 2. 2056 с.
6. Ибн Халикан. Вафаят-ул-аян / Ибн Халиквн; под редак. доктора Эхсана Аббаса. –Бейрут: Дару-с-содир, 1977. -Т.5. -357 с.
7. Исмаил Бухари. Сахих -ул-бухари/ Исмаил Бухари. –Мактабату Миср-Каир. -2007. - №4/137. -Т.1. -704 с.
8. Мухаммад ибн Ахмад аз-Захаби. ат-Тафсир вал муфассирин / Мухаммад ибн Ахмад аз-Захаби. –Бейрут, 2000. -Т.1. -460 с.
9. Салих ибн Азмуллах ал-Гамиди. Ал-масаил-ал-иътизалияти фи тафсири-л-Кашшаф ли-з-Замахшари / Салех ибн Азмуллах ал-Гамиди. –Бейрут: Дару-л-андалус, 1238. -Т.1.с.
10. Муслим Абулхасан. Китоби фазоил, глава об Исе (а) / Муслим Абулхасан. -Бейрут-Ливан: Дар-ул-кутуб-ил-илмияти, 1992. -1787 -№4/1838. -Т.4.
11. Кази Ашур, Бибимарям Шари. [Электронный ресурс] – ashurghazi@yahoo.com. 15 Обони 1380.

10.01.01

Д.А. Сухоева

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
филологический факультет, кафедра русской литературы,
Пермь, darya.sukhoeva@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ИЗОБРАЖЕНИЯ ГОРОДА В ЛИРИКЕ В.Ф. ХОДАСЕВИЧА ПЕРИОДА ЭМИГРАЦИИ

Статья посвящена исследованию урбанистической лирики В.Ф. Ходасевича, созданной в эмигрантский период творчества. В качестве особенностей изображения города в работе выделяются интроспекция, связь темы города с темой творчества, сочетание блеска и тьмы. В заключении автор статьи приходит к тому, что город в лирике Ходасевича не маркирован и организован деструктивно.

Ключевые слова: В.Ф. Ходасевич, город, интроспекция, образы блеска и тьмы, тема творчества.

Город в творчестве В.Ф. Ходасевича периода эмиграции на протяжении долгого времени остается неисследованной темой, поскольку основным интересом для исследователей творчества писателя является его самоидентификация. П.Ф. Успенский, говоря о самоопределении Ходасевича, в периодизации европейского творчества Ходасевича указывает только на два периода — до 1925 г. и после, — называя первый период «полу-эмиграцией» [7: 94]. Исследуя тему города, мы в большей степени основываемся на географии передвижений писателя, которая интересна в связи с тем, что образы разных городов Европы, встречающиеся в лирике Ходасевича можно объединять в рамках одной темы. На наш взгляд, европейский этап творчества Ходасевича включает три периода, связанные с передвижениями писателя: немецкий период (1922 — 1924), итальянский (1924 — 1925) и французский (1925 — 1939). Для настоящего исследования важны первый и последний периоды, отмеченные типологическим сходством. Немецкий и французский периоды — наиболее урбанистические, поэтому материалом для настоящего исследования становятся «немецкие» и «французские» стихотворения Ходасевича.

Германия Ходасевича — это прежде всего Берлин. Это объясняется как биографическими обстоятельствами жизни Ходасевича, так и значением Берлина как центра русской эмиграции, внимание к жизни которой и образует лейтмотивы позднего творчества Ходасевича. Германия была первой страной, где Ходасевич и Н.Н. Берберова остановились на долгий период времени. «Почему именно Берлин? <...> Это был самый естественный маршрут для любого человека, выезжавшего в те годы из России <...> в абстрактную “заграницу”» [10: 333]. О Берлине и его окрестностях поэтом написано несколько стихотворений и именно Ходасевичу принадлежит метафора «мачеха российских городов» [8: 266].

Другие города Германии появляются в основном как места написания стихотворений, что говорит о резком отделении Ходасевичем своей биографии, включавшей многочисленные путешествия, от доминирующих мотивов лирики, сосредоточенных вокруг более масштабных социальных и исторических вопросов. Основываясь на этом, исследователь «берлинского цикла» в творчестве Ходасевича А.Н. Неминуций отмечал, что «Берлин сыграл в его жизни роль своеобразного Рубикона, перейдя который Ходасевич из путешественника с довольно неопределенными целями превратился в невозвращенца и эмигранта с семнадцатилетним стажем» [6]. Напротив, большинство исследователей называли Париж городом, где Ходасевич и Берберова стали настоящими эмигрантами [2; 4; 7, 11 и др.].

Французский период жизни Ходасевича самый долгий, 14 лет, но при этом единого образа города в нем выделить нельзя. Вероятно, это объясняется тем, что после начала 1930-х гг. поэтическое творчество Ходасевича сходит почти на нет, тогда как городская тема требует циклизации стихотворений, так как сам город — это сложный образ, требующий для своего раскрытия циклов стихотворений, а не отдельных стихотворений. Во французский период

творчества Ходасевича таких циклов не сложилось, и тема города не была раскрыта с той же полнотой, как в берлинский период.

Хотя немецкий и французский периоды разорваны итальянским, типологического сходства между этими двумя периодами (по темам и по способу изображения города) больше, чем между смежными. «Немецкие» и «французские» произведения писателя противостоят «итальянским» по тематике и характеру изображения. В «итальянских» стихотворениях и очерках природа всегда берет верх над городом. «Итальянское» творчество Ходасевича в большей степени отмечено неоромантическим настроением, «немецкие» и «французские» произведения — трагическим, трагикомическим или даже гротескным мировосприятием.

Город в поэзии Ходасевича всегда отмечен рядом устойчивых образов и мотивов, воспроизводимых независимо от его географической принадлежности. В этом Ходасевич выступает как продолжатель поэтической урбанистики, восходящей к Бодлеру и воспринятой русскими символистами, где город мыслится как ряд устойчивых признаков (большой город со множеством огней, скопище преступлений и пороков, внешний блеск цивилизации, трагизм и трагикомизм городской жизни).

Образы Берлина, Парижа и других европейских городов, широко представленные в творчестве русских эмигрантов начала XX в., в лирике Ходасевича представлены несколькими «скупыми» впечатлениями. В стихотворениях Ходасевича эмигрантского периода отсутствует упоминание каких-либо особенностей тех городов, где жил поэт — Берлина, Заарова, Мюнхена, Парижа и Медона. Герой не замечает никаких памятников архитектуры и культуры. Даже в том случае, когда писатель определяет место, никаких пространственных маркеров он не упоминает. Напротив, Париж Г.И. Адамовича имеет свои очертания: «*На Монмартре, в сумерки, в отеле*» [1: 225]; «*С каким-то невским ветерком от Сены / Летят как встарь послушные слова, <...> Взвивается над Елисейской аркой / Адмиралтейства вечная игла*» [1: 80]. Париж Г.В. Иванова тоже имеет определенные черты, Иванову не чужды пейзажные описания и упоминание достопримечательностей: «*Сверкает огнями Конкорд — / И розовый, нежный, парижский закат / Широкою тенью простерт*» [3: 283]; «*И что же делать? В Петербург вернуться? / Влюбиться? Или Опера взорвать?*» [3: 280]; «*Тишина под парижским мостом*» [3: 328]. Прага М.И. Цветаевой тоже имеет точки соприкосновения с реальным пространством города: «*Вран! Вран! Вран / Завелся в Градчанском замке!*» [9: 356]; «*Налетевший на град Вацлава - / Так пожар пожирал траву*» [9: 354].

Города Европы в лирике Ходасевича обезличены и не маркированы, поэт делает акценты на универсальности города, его архитектуры и ландшафта. В связи с этим очень показателен образ пустыни, встречающийся как в «немецких», так и во «французских» стихотворениях Ходасевича («*А солнце ясно, небо сине, / А сверху синяя пустыня...*» [8: 264-265]; «*А глядишь — запутался в пустыне, / и своих же следов не найти*» [8: 277]; «*Великая вокруг меня пустыня / И я — великий в той пустыне постник*» [8: 354]). Пустыня у Ходасевича символизирует ненаполненность и пустоту пространства, времени, жизни.

Город у Ходасевича — это никогда не наследие цивилизации или собрание памятников, он пуст и не наполнен. В этом случае можно говорить о минус-приёме, который объясняет избирательность авторского зрения, что означает **перевес интроспекции над впечатлениями**. Поэт наделяет города Европы рядом универсальных признаков. Города отмечены как неживые, в их описании преобладают образы камня, металла, стекла и асфальта («*Железный скрежет*» [8: 250]; «*Все каменное. В каменный пролет / Уходит ночь*» [8: 266]; «*Опрокинул столик железный. / Опрокинул пиво свое*» [8: 256]; «*В асфальтном зеркале / Сухой и мутный блеск*» [8: 259]; «*А там за толстым и огромным / Отполированным стеклом*» [8: 258]; «*обшмыганный гранит*» [8: 262]; «*И трость моя в чужой гранит / Неумолкаемо стучит*» [8: 265]; «*Непостижимостей свинец*» [8: 276]; «*Одиночество — в раме / Говорящего правду стекла*» [8: 277]; «*По паркеты парижских луж*» [8: 281]; «*И я, ударившись о камни, / Окровавлен, но жив*» [8: 313]). Герой почти не называет никаких особенностей французского или немецкого города, следовательно, этим городом может стать любой другой. Отсутствие маркеров носит всеобщий характер.

Вторая особенность отношения Ходасевича к городу — это **связь темы города с темой творчества**. Творческий акт в эмигрантской лирике часто явлен в урбанистических визуальных и аудиальных образах («Я полюбил железный скрежет / Какофонических миров <...> Мне мил — из оловянной тучи / Удар изломанной стрелы, / Люблю певучий и визгучий / Лязг электрической пилы» [8: 250]; «Трепещущим, колючим током / С раздвоенного острия / Бежит и на листе широком / Отображаюсь... нет, не я» [8: 252]; «Всё высвистано, прособачено. / Вот так и шлёнай по грязи, / Пока не вздрогнет сердце, схвачено / Внезапным треском жалюзи» [8: 262]). Творчество оказывается либо физически болезненным, либо просто ощутимым на физическом уровне Оно переходит из области духовного в область телесного: вечное духовное творческое становится плотским и мертвым («минутный профиль тех высот, / Где <...> дух страдает и живет» [8: 252]).

Третьей особенностью урбанистической лирики Ходасевича является понимание городской жизни как **сочетания блеска и тьмы**. Так, Е.Ю. Куликова пишет, что «мрак в творчестве Ходасевича – не антитеза слепящему свету, как это было у Тютчева, а лишь его зеркало» [Куликова 2000: 8]. Во многих эмигрантских стихотворениях образы света и мрака находятся в неразрывной связи, но не противопоставляются друг другу («Вдруг из-за туч озолотило / И столик, и холодный чай. / Помедли, зимнее светило, / За черный лес не упадай» [8: 252]; «Как бы в аквариуме темном, / В аквариуме голубом <...> Как электрические стаи / Светящихся ленивых рыб» [8: 258]; «Между домами мрак <...> В асфальтном зеркале / Сухой и мутный блеск» [8: 259]; «Было на улице полутемно <...> Свет промелькнул, занавеска взвилась» [8: 261]). Как два противоположных начала — свет и тьма — в зеркале мировидения героя словно отражаются друг в друге. Эта особенность характеризует мир урбанистических произведений Ходасевича, как перевернутый и деструктивный.

Ходасевич в эмигрантской лирике создает особенное пространство города. Его лирический герой воспринимает мир как деструктивно организованный, исторически и культурно не маркированный, пустынный и чуждый человеку. Образы урбанистической Европы в творчестве Ходасевича описаны как универсальные: поэт фиксирует и описывает темную, индустриальную и страшную сторону не столько европейского города, сколько города вообще. Любой город, увиденный поэтом с «тёмной стороны», есть только часть одного большого мира, культура и человечество которого находятся в состоянии сумрака.

Список литературы

1. *Адамович Г.В.* Собрание сочинений. Стихи, проза, переводы. С-Пб.: «Алетейя», 1999. 560с.
2. *Богомолов Н.А.* Жизнь и поэзия Владислава Ходасевича/Русская литература первой трети XX века. Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск: Водолей, 1999. С. 81 – 132.
3. *Иванов Г.В.* Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. Стихотворения. М.: Согласие, 1993. 656 с.
4. *Коростелев О.А.* «Под европейской ночью черной...»: Ходасевич в эмиграции / От Адамовича до Цветаевой: Литература, критика, печать Русского зарубежья. С-Пб.: Изд. им. И. Новикова, 2013. С. 165 – 182.
5. *Куликова Е.Ю.* Петербургский текст в лирике В.Ф. Ходасевича: «Тяжелая лира», «Европейская ночь»: дисс. к. ф. н., Новосибирск, 2000. 228с.
6. *Неминуций А.Н.* «Берлинский цикл» 1922 г. В.Ф. Ходасевича, 2003. <http://www.russianresources.lt/archive/Hodas/Hodas_3.html>.
7. *Успенский П.Ф.* Композиция Европейской ночи В.Ф. Ходасевича: как эмиграция определила структуру сборника?//Russian Literature, 2016, №83-84. С. 91-111.
8. *Ходасевич В.Ф.* Собрание сочинений: В 4 т. Т.1 : Стихотворения и литературная критика 1906 – 1922. М. : Согласие, 1996. 591 с.
9. *Цветаева М.И.* Собрание сочинений в 7 т. Т. 2.: Стихотворения. Переводы. М.: Эллис Лак, 1994. 592с.
10. *Шубинский В.И.* Владислав Ходасевич : Чающий и говорящий. М.: Молодая гвардия, 2012. 523 с.
11. *Bethea, David M.* Khodasevich: His Life and Art. Princeton, 1983. 380 p.

10.01.09

Д.Н. Фатеев канд. филол. наук

ФГБОУ ВО "Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина"
кафедра мировой литературы,
Москва, daromir@bk.ru

**РЕЧЕВАЯ НОМИНАЦИЯ ФУТБОЛЬНЫХ КОЛЛЕКТИВОВ
МОСКВЫ И САНКТ-ПЕТЕРБУРГА В КРИЧАЛКАХ БОЛЕЛЬЩИКОВ И СМИ
(ЧАСТЬ I: ФК «ДИНАМО», ФК «ЗЕНИТ», ФК «ЛОКОМОТИВ»)**

В работе рассмотрены основные номинации футбольных коллективов Москвы и Санкт-Петербурга в средствах массовой информации и фанатской среде. Объясняются причины возникновения конкретных «имен-спутников». Также уделено внимание некоторым особенностям данного явления – специфике бытования, оценке объектов и т.д.

Ключевые слова: *футбол, сленг, номинация, болельщики, кричалки, мем.*

Фанатский сленг представляет собой сложное коммуникативное явление. Существовая в форме отдельных слов, либо небольших текстов, проникая в футбольные кричалки болельщиков – один из наиболее активно бытующих в настоящее время фольклорных жанров – сленг играет весомую роль в молодёжной среде. Одна из его особенностей – эмотивно-оценочная коннотация, позволяющая выразить отношение к тому или иному футбольному клубу, путем создания новых его номинаций. Исследователями отмечается, что «...преобладают номинации с коннотацией насмешки. Преимущественно это слова мотивированные, обладающие яркой внутренней формой. В основе появления большинства из них лежит ассоциативная метафора. Нередко эти наименования переносятся и на футболистов того клуба, за который болеет конкретная группировка футбольных фанатов» [2, С. 9]. «Так, одно из «имён» ЦСКА, бытующее в фанатской среде – кони, «Спартака» – мясо, свиньи, «Локомотива» – лохи, «Динамо» – мусора, «Зенита» – бомжи, мешки. <...> Эти дополнительные номинации не случайны, чаще всего они связаны с историей возникновения клубов, либо становлением «культуры боленья» – в связи с этим, фанаты команд в кричалках и сленге чаще используют именно их» [4, С. 387-388].

ФК «Динамо» (Москва) имеет несколько прозвищ, но одно из них – «мусора», связанное с историей возникновения клуба, употребляется намного чаще остальных. Клуб был основан в 1923 году работниками штаба войск ГПУ (Государственного политического управления) при НКВД РСФСР, позже команда перешла в ведомство МВД. Само жаргонное слово «мусор» произошло от аббревиатуры МУС – Московский уголовный сыск. Жаргонизм, которым называли милиционеров в определённых кругах, был заимствован болельщиками для своих целей – наименования футболистов и поклонников «бело-голубых». «До свиданья, мусора! Вам давно в пердив пора!» [1]. В этой кричалке выражено желание фанатов других команд видеть «Динамо» в менее значимом футбольном дивизионе.

Другой характерной номинацией является «динамики» – производное от официального названия. Однако, если слово «Динамо» (от греческого δύναμις, «сила») обладает положительной коннотацией, то именование «динамики» явно иронического происхождения, намекающее на то, что футболисты часто не оправдывают ожидания болельщиков. Второе рождение данное «имя-спутник» обрело в 2016 году, когда команда впервые в своей истории покинула высшую футбольную лигу, набрав за 12 туров после зимней паузы всего 5 очков: «Динамики пошли ко дну! Ну, наливай еще одну!» [1].

Главный оппонент московских болельщиков – санкт-петербургский «Зенит» называется в кругу любителей футбола «мешками», «бомжами», «бакланами» и «лазурными».

История первого прозвища – «мешки» связана с единственными золотыми медалями «Зенита» в чемпионате СССР. В 1984 году, в честь этого события были выпущены огромным тиражом полиэтиленовые пакеты с надписью: «Зенит – чемпион» и изображенным посередине пакета футбольным мячом. *«В эпоху дефицита и нарождающейся «перестройки» пакеты перестирывались, хранились, как зеница ока, и становились предметом особой гордости петербуржцев, то есть ленинградцев»* [5].

«Болельщики со стажем» также предлагают версии возникновения ещё одного, более обидного прозвища – «бомжи», появившегося то ли благодаря первым фанатам клуба, когда болельщикам из города на Неве приходилось посещать Москву несколько раз за сезон и они часто оставались ночевать на Ленинградском вокзале, ожидая первую «собаку» (электричку), то ли неудачным выступлениям самого коллектива, именуемого в то время «команда-лифт»: *«Кто-то говорит, что питерские фанаты первыми стали брать на «выезды» привезенные из Швеции и Финляндии рюкзаки. И выглядели как люди, которые ушли из дома... Плюс на рубеже 1980–1990-х команда не имела постоянной прописки, болтаясь между высшей и первой лигами»* [5].

Примечательно, что прозвища «мешки» и «бомжи» сейчас практически не употребляются фанатами других клубов в «кричалках». Известно лишь несколько примеров такого типа:

*Все обстреляны флажки –
Целят в воробьев «мешки»!* [1].

*Ни Бомжи из Петербурга, ни московский Локо,
Ни Амкар и ни Динамо не пробьют ворота* [1].

Однако в колких баннерах, являющихся письменным отображением «кричалок», в адрес «Зенита» номинация «бомжи» встречается очень часто. Например, на одном из них, изготовленном болельщиками ФК «Спартак» (Москва) в 2008 году в преддверии очередного матча против «зенитовцев», было написано: *«Умойся, причешишь, пропишишь – убей в себе бомжа!»* [1].

Прозвище «бакланы», возникшее в 2017 году, связано со словами вице-губернатора Петербурга Игоря Албина. Он заявил, что именно птицы виноваты в протекающей крыше стадиона, который спустя 10 лет от начала строительства был введен в эксплуатацию: *«Есть такая известная птица – баклан, которая своим мощным клювом разрушает цельность пленки»* [3]. После этого слова Албина о бакланах стали популярным мемом, болельщики ФК «Зенит» получили очередное обидное прозвище от фанатов других команд и новую тему для собственных кричалок:

Баклан – сила! [1]. *Губернатор, как там бакланы?* [1].

В отличие от своих противников, московских фанатов, болельщики «Зенита» предпочитают называть себя «сине-бело-голубые» – номинацией, полученной ими из-за клубных цветов:

*Мы с тобой, Зенит, навечно! Мы с тобой, Зенит, всегда!
Сине - бело - голубые наши правые цвета!
Мы тебя не забудем! Мы тебя не предадим!
В нашей Северной столице клуб «ЗЕНИТ» – НЕПОБЕДИМ!!!* [1].

*Не красно-белый, не красно-синий, а только Сине-бело-голубой!
Зенит родимый, непобедимый! Непобедимы мы с тобой!* [1].

Московский клуб «Локомотив» именуется «Паровозами», «Железнодорожниками», «Пятым колесом», «Красно-зелеными» и «Лохомотами». Ведущий свое происхождение от ФК «Казанка», появившегося в 1922 году и созданного при Казанской железной дороге, «Локомотив», стал правопреемником таких именовании как «железнодорожники» и «паровозы». Болельщики «Локомотива» очень любят кричалки *«Мы пришли болеть за своих ребят – железнодорожники сегодня победят!»* [1] и *«Не сдаются паровозы, не сдаются никогда!»* [1].

Прозвище «Пятое колесо», как принято считать, введено в употребление журналистом и футбольным экспертом А. Галинским в 1970-1980-е годы. Опирался он на общественное мнение о четырёх «серьезных» московских клубах («Динамо», «Спартак», ЦСКА и «Торпедо»), которые регулярно становились чемпионами, либо призёрами, представляли страну в еврокубках и делегировали игроков в сборные и одним «несерьёзном» – «Локомотиве», который играл неуверенно и, как правило, находился «в подвале» турнирной таблицы. В настоящее время данное «имя-спутник» вышло из употребления, так как «железнодорожники» за последние 20 лет раз за разом занимали места выше большинства клубов из «московской телеги», а ФК «Торпедо» вообще восемь лет (с 2006 по 2014) не могло вернуться в элиту отечественного футбола, а в 2015 году снова ее покинуло. В 2007 году после победы в Кубке России игроки «Локомотива» надели заранее заготовленные футболки с надписью: «*Это мы пятое колесо?*», чем подчеркнули неактуальность данного прозвища.

Что касается наречения «красно-зелёных» «лохомотами», то здесь применяется приём языковой игры, когда одна буква меняет другую, схожую по написанию и произношению. В результате этого слово наделяется отрицательной семантикой, подчёркивающей отличие данного клуба от остальных («*тот, кто одет в лохмотья – бедняк*»), нельзя также не отметить, что данное слово сложное, оно может распадаться на две части – «лохи» и «моты». До сезона 2002 года прозвище «лохи» было особенно актуально, так как команда три сезона подряд (1999-2001) на финише уступала ФК «Спартак», занимая в итоге лишь второе место; «моты» – более редкая номинация, связанная с приобретением дорогих игроков:

«Моты» – это вам не свинки! Перебили Одемвинге!» [1].

Помимо болельщиков, номинации, рассмотренные нами, употребляют комментаторы в своих «репортажах с футбольных полей», журналисты в газетных материалах и спортивных блогах, размещенных в сети Интернет, а также футболисты и тренеры. И чем популярнее команда, тем ярче ее будут называть, и тем чаще будут появляться новые «имена-спутники».

Список литературы

1. Архив автора статьи.
2. *Березовский К.С.* Концепты «свой» – «чужой» в жаргоне футбольных фанатов // *Siberia. Lingua: Научный журнал.* – Красноярск, 2010. Вып. 2. – С. 8-12.
3. *Бурый С.* Игорь Албин: Человек должен быть умнее стадиона. URL: <https://www.sportsdaily.ru/articles/igor-albin-chelovek-dolzhen-byt-umnee-stadiona> (дата обращения 21.08.2017).
4. *Синяев А.Р., Фатеев Д.Н.* К вопросу о классификации футбольных зарядов: кричалки «против» // *Вопросы языка и литературы в современных исследованиях. Материалы международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XI Кирилло-Мефодиевские чтения» (18-19 мая 2010г.).* – М.-Ярославль: Ремдер, 2010. – С. 387-399.
5. *Шумаков А.* Прозвища. Почему «Спартак» – «мясо», а «Зенит» – «бомжи»? / *Советский спорт*, 9-15 февраля 2010 г. – С.14-15.

10.01.01

Д.А. Филатова, С.А. Ларин канд. филол. наук

Воронежский государственный университет,
филологический факультет,
кафедра истории и типологии русской и зарубежной литературы,
Воронеж, larin-s@yandex.ru

**«В ЦЫГАНСКОМ ТАБОРЕ...»: МАТЬ И ДОЧЬ В ПЬЕСЕ
А.Н. ОСТРОВСКОГО «БЕСПРИДАНИЦА»**

В статье рассматриваются образы центральных женских персонажей пьесы А.Н. Островского «Бесприданница». Особое внимание уделяется анализу комплекса «цыганских» мотивов, возникающих в различных точках сюжета и связанных с ключевыми героями драмы. Анализ указанных элементов, как представляется, позволит выявить некоторые новые аспекты художественного мира А.Н. Островского, приблизиться к осмыслению подлинных истоков трагедии Ларисы Дмитриевны, к пониманию причин ее гибели.

Ключевые слова: А.Н. Островский, драматургия, мать и дочь, матримониальные мотивы, суицидальное поведение.

Уже в начале пьесы Лариса Огудалова предстает перед читателями натурой мятущейся, полной противоречий. Неслучайно в описании героини в списке действующих лиц сделан акцент на ее внешности: «девица; одета богато, но скромно» [6, 8]. Раздвоенность героини проявляется не только в ее внешнем виде, но и в поступках и словах. Яркий пример – диалог с Харитой Игнатьевной, где Лариса сначала говорит матери о своем страстном желании переехать в деревню, чтобы избавиться от столь мучительных для нее воспоминаний, а потом предполагает взять с собой в деревню то, что постоянно будет напоминать ей о прошлом: «Наберу с собой в деревню романсов и буду играть да петь от скуки» [6, 35]. Лариса устала от веселья и шума, но ей трудно расстаться с привычным образом жизни.

«Цыганский табор», «цыганская жизнь» ассоциируется у героини одновременно и с матерью, и с «блестящим барином» Сергеем Сергеевичем Паратовым. С одной стороны, песни, танцы, приказы, скандалы, ссоры, с другой – любовные переживания, яркие эмоции, «благородные» люди – постоянные поклонники ее таланта... И таким благородным человеком Лариса в первую очередь считает Паратова, поведение которого она не только не осуждает, но и, по сути, оправдывает. Поэтому перед свадьбой с Карандышевым, оказавшись на «распутье», девушка и любит, и ненавидит свою прежнюю жизнь. Героиня и обвиняет, и защищает ее перед женихом: «Что ж, может быть, [в доме Огудаловых. – Д.Ф., С.Л.] и цыганский табор; только в нем было, по крайней мере, весело... но в этом таборе были и хорошие, и благородные люди» [6, 20]. Закономерно, что если Паратову очень сложно – даже ради огромного приданого – отказаться от своей «вольной», цыганской жизни (частью которой для него стала и Лариса Огудалова), то более «респектабельный», чиновный Карандышев, напротив, критикует Паратова, пренебрежительно относится к цыганам и не одобряет фривольного, «цыганского» поведения невесты. Неудивительно, что во время торжественного обеда Карандышев запрещает Ларисе петь, тем самым заявляя свое право на обладание девушкой и желая уберечь невесту от возвращения к столь привычному для нее образу жизни [2, 15]. Показательно поведение Паратова, узнавшего о предстоящей свадьбе. Желая отомстить обидчику, он прибегает к средству, достойному самых отъявленных мошенников [4, 366–369].

Лариса хочет поскорее сбежать из «цыганского табора», в который Харита Игнатьевна превратила их дом [3, 459]. И единственный шанс на спасение — выйти замуж за человека, готового взять на себя ответственность за жизнь Ларисы и ее благополучие, – ведь она уже привыкла покоряться и людям, и обстоятельствам. К выгодному замужеству подталкивает героиню и ее мать. Однако желание найти более выгодную партию для дочери превращает жизнь обеих Огудаловых в подобие театрального представления.

Харита Игнатъевна, желавшая дочери лучшего будущего, недовольна предстоящим браком Ларисы с небогатым чиновником Карандышевым, поэтому активно ищет выход из сложившейся ситуации и находит подходящий вариант – расстроить свадьбу и передать дочь в руки Кнурову, с которым она сговорилась еще в начале пьесы и который был крайне заинтересован в сохранении status quo [5, 113–117]. Воплощая свой план, Харита Игнатъевна прибегает и к критике, и к убеждению, и к искусным манипуляциям. И критикует Огудалова-старшая не только Заболотье, но и Юлия Капитоновича, который собирается туда увезти Ларису. Она сравнивает Карандышева с другими «женихами», и это сравнение отнюдь не в пользу *небогатого* провинциального чиновника [5, 111]. Мать обличает самолюбивую натуру Карандышева, иронизируя над его стремлением «повеличаться» перед всем городом красивой невестой. Лариса напугана словами матери, но этот страх только усиливает в ней желание сбежать из дома. Однако при этом Лариса и сама замечает едва ли не все недостатки Карандышева, и даже иногда указывает на них жениху [1, 18]. Удачей для Хариты Игнатъевны становится приезд Паратова. Огудаловы узнают о нем от цыгана Ильи: «Такой барин, ждем не дождемся: год ждали – вот какой барин!» [6, 36]. Харита Игнатъевна встречает Паратова с неприкрытой радостью, узнает, что он собирается жениться на богатой невесте и «продать свою волюшку», но Ларисе об этом предусмотрительно не сообщает. Она знает о чувствах дочери к Паратову, поэтому считает, что появление барина поможет быстрее расстроить предстоящую свадьбу.

Чтобы не потерять «благодарную» публику, Огудалова – по просьбе «уважаемых» гостей – заставляет дочь исполнить песню и тем самым обостряет ее конфликт с женихом. Кроме того, она показывает всем претендентам, желающим обладать Ларисой, что все еще сохраняет над ней свою власть. Долгое время хранившая молчание Лариса соглашается петь не только под давлением матери. Она и сама не хочет покидать столь притягательный для нее «цыганский табор», подаривший ей встречу с «идеалом мужчины» Паратовым [3, 423].

Сомнения Ларисы перед побегом с Паратовым за Волгу вполне оправданы. Лариса «предчувствует» два варианта развития событий: либо она возобновит отношения с Паратовым и будет счастлива, либо ее нужно будет искать в Волге. Девушка предполагает, что первый исход должен обрадовать мать, желавшую дочери богатого и солидного жениха. Паратов, так удачно появившийся накануне свадьбы, кажется ей подарком судьбы, способным избавить ее от гнета матери и безрадостной жизни в захолустье с Карандышевым, поэтому она едва ли не без сомнений решается на компрометирующую поездку [7, 50]. Но в то же время Лариса понимает, что Сергей Сергеевич, обманувший однажды ее ожидания, способен совершить это еще раз – неслучайно она исполняет «ему» романс на стихи Е.А. Баратынского. В этот момент героиня еще не знает, что Паратов обанкротился и женится на богатой невесте и что Харите Игнатъевне известно о переменах в жизни барина. Тем не менее, Огудалова не удерживает Ларису от опрометчивого поступка, как бы позволяя ей самой принять решение. Свой побег героиня называет «судьбой», от которой «не уйдешь» [8, 84–86]. Лариса сдается, позволяя обстоятельствам взять над ней верх. Неслучайно в последнем диалоге с Карандышевым она скажет, что ей предначертано «жить и умереть в цыганском таборе» [6, 80].

Говоря о трагическом исходе, Лариса дает возможность Харите Игнатъевне остановить ее, уберечь от опрометчивого шага, но мать не использует этот шанс. Огудалова «удивляется» решению Ларисы, но догонять и останавливать ее отказывается. Хорошо зная свою дочь, она догадывается, что скоро Лариса вернется домой, ведь Паратов сообщит ей о своих «неразрывных цепях», а после этого можно будет передать дочь в руки Кнурова, который уже пообещал ей солидную материальную помощь [7, 50].

Островский показывает, что одна из ключевых причин драматической развязки заключается в том, что Ларису Дмитриевну никто не воспринимает в качестве потенциальной, полноценной невесты. Так, даже, казалось бы, искренне симпатизирующий ей Паратов высмеивает при Кнурове и Вожеватове свое внезапно возникшее желание на ней жениться. Именно он наносит Огудаловой наиболее чувствительный удар. Паратов

наслаждается отношениями с Ларисой до тех пор, пока она ни на что не претендует и «играет роль» покорной, на все согласной «солистки» цыганского хора. Ларису же, в конечном счете, подобные отношения не устраивают, она не хочет мириться с навязываемой ей – матерью и «женихами» – ролью дорогой игрушки [2, 14–15]. Однако в финале пьесы выясняется, что ничем иным героиня быть не может. Ведь даже в спорах с женихом накануне свадьбы она последовательно будет защищать тот образ жизни, который долгое время ей приходилось вести в доме матери. И это трагическое раздвоение во многом и определит ее судьбу, сделав беззащитной игрушкой страстей, ассоциирующихся в пьесе с финальной песней, исполняемой цыганским хором, «аккомпанирующим» последним минутам жизни героини.

Список литературы

1. Андреев М.Л. *Метасюжет в театре Островского*. – М., 1995. – 28 с.
2. Кислова Л.С. «Провинциальная Кармен»: Традиции А.Н. Островского в пьесе Л. Разумовской «Майя» // *Вестник Тюменского Государственного университета*. – 2011. – №1. – С. 13–18.
3. Костелянец Б.О. *Драма и действие. Лекции по теории драмы*. – М.: Совпадение, 2007. – 504 с.
4. Ларин С.А. Алкогольный код в романе И.А. Гончарова «Обломов» // *Литература XI–XXI вв. Национально-художественное мышление и картина мира*. – Ульяновск, 2006. – С. 365–371.
5. Немцев В.И. Женихи бесприданницы, или наследие Кнурова // *Известия Волгоградского Государственного педагогического университета*. – 2005. – № 3. – С. 107–118.
6. Островский А.Н. *Полное собрание сочинений в 12 томах*. – М.: Искусство, 1975. – Т. 5. – 548 с.
7. Пырьев Е.А. Эмоциональные и интеллектуальные аспекты мотивации человека // *Вестник Костромского Государственного университета*. – 2015. – № 3. – С. 48–51.
8. Хромова И.А. Эволюция женских образов в творчестве А.Н. Островского // *А.Н. Островский в новом тысячелетии: Материалы научно-практической конференции (Кострома, 15–16 апреля 2003 г.)*. – Кострома, 2003. – С. 82–88.

10.01.10

Б.Б. Шагдарова

Бурятский государственный университет
Институт филологии и массовых коммуникаций,
кафедра журналистики и рекламы,
Улан-Удэ, bayarma70@mail.ru

БУРЯТ-МОНГОЛЬСКИЙ КОМИТЕТ ПО ДЕЛАМ РАДИОВЕЩАНИЯ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД (1931-1933 ГГ.)

В работе исследуется история зарождения проводного радиовещания в Бурятии, оформленного в организационной структуре комитета по делам радиовещания. С первых дней существования местное радиовещание осуществлялось на двух языках – русском и бурятском, агитационно-пропагандистское содержание большинства материалов было продиктовано проведением в жизнь решений первого пятилетнего плана.

Ключевые слова: *радиовещание, радиофикация, пропаганда, радиопрограмма.*

Бурят-монгольский комитет по делам радиовещания был организован 29 декабря 1931 г. решением Президиума центрального исполнительного комитета (ЦИК) Бурят-монгольской Автономной Советской Социалистической республики (БМАССР). Через три года исполняется 90 лет со дня его создания, срок немалый, вмещающий в себя богатейшую историю становления и развития радиовещания в системе бурятской журналистики. К сожалению, степень изученности вопроса крайне недостаточен, научный дискурс республиканской журналистики требует скорейшего восполнения в плане всестороннего изучения и анализа многолетнего опыта местной радиожурналистики и радиокommunikации. Существующие труды не могут претендовать на всеохватность, в них затрагиваются лишь отдельные стороны истории республиканского радиовещания в период зарождения и становления, раскрыты отдельные факты по радиофикации и развитию радиосети в Бурятии [1; 4].

В 1931 г. первым председателем комитета и главным редактором политического, художественного, национального вещания и технической пропаганды был назначен Л. Я. Легчилин, штат сотрудников был укомплектован 10 единицами [5]. Руководством республики отмечалось, что радио призвано дополнять деятельность газет в деле информационно-пропагандистского обслуживания трудящихся. Л.Я. Легчилина отличал серьезный опыт журналистской работы в редакции газеты «Бурят-монгольская правда», также он выпускал местную радиогазету. Следующим шагом руководства республики в деле развития проводного радиовещания стало приобретение в 1932 г. ширококвотательной радиопередаточной станции с позывными РВ-63 и мощностью 10 кВт, которая является первенцем местного радиовещания. Радиостанция РВ-63 обеспечивала передачу радиопрограмм в аймаки и улусы, переговоры с отдаленными райцентрами, не имеющими проводных средств связи. Помимо этого ширококвотательная станция осуществляла ретрансляцию программ из Москвы. С появлением новой организационной структуры проводное вещание стало играть все возрастающую роль в хозяйственно-политической и культурной жизни Бурятии. Под лозунгом «Сделать радио подлинным оружием в борьбе за решение вопросов культурной революции» была развернута широкая пропагандистская деятельность Бурят-монгольского комитета по радиовещанию, получили новый импульс к развитию радиотехнические мероприятия, увеличилось количество радиоприемников.

Бурят-монгольская Автономная Советская Социалистическая республика была образована 30 мая 1923 г., на основе объединения автономных областей Сибири и Дальнего Востока с центром в г. Верхнеудинск. Зарождение местной сети радиовещания сыграло важную роль в распространении новых знаний, борьбы с неграмотностью, пропаганде хозяйственно-экономических задач молодой автономной республики. Партийное руководство в своих обращениях требовало от радиокомитета активнее включаться в борьбу с неграмотностью и национально-культурное строительство. В докладе к трехлетию республики ОК ВКП(б) с особой озабоченностью отмечал: «Чрезвычайно малый контингент промышленного пролетариата, слабо развитая грамотность среди русского населения, малое распространение среди бурят монгольской грамоты в восточных аймаках и полная их неграмотность в западных [6]. В местном радиозфире и в республиканской прессе регулярный характер получила тема создания национального литературного языка. Историческое решение о ее создании на основе восточно-бурятского наречия было окончательно принято в 1932 г. на сентябрьском пленуме областной партийной организации. Этому предшествовало решение ОК ВКП (б) о переводе бурятского языка на латинский алфавит с целью ликвидировать неграмотность на новом бурят-монгольском латинском алфавите до 1 мая 1932 г. Несмотря на проводимую комитетом по делам радиовещания серьезную пропаганду латинизация бурятского языка не укоренилась в республике, маломощные типографии оказались не готовы к переоборудованию и переводу печати на новый шрифт, партийные и комсомольские ячейки в организациях и на предприятиях не проявляли рвения в освоении латинского алфавита.

Радиопропаганда задач первой пятилетки требовала усилить накал программ под лозунгом борьбы на два фронта: за социалистическое строительство и хозяйственно-политические кампании. Председатель радиокомитета Л.Я. Легчилин обращался к руководству обкома партии, указывая на нехватку подготовленных кадров, низкую численностью рабочих и сельских корреспондентов, отсутствие литературного сотрудника, владеющего бурятским языком, а также специального отдела по пропаганде партийного строительства [7]. С целью изживания негативных явлений радиокомитету было рекомендовано создать сеть собственных корреспондентов на крупных предприятиях, стройках, совхозах, добиться действенности рабселькоровских заметок, стать более доступным каналом информирования широких масс [8].

В целом в начале 1930-х гг. вещание в СССР стало массовым, повсеместно крепла и расширялась сеть приемных радиостанций, менялся характер агитации и пропаганды. Они становились все более конкретными, активными и наступательными. От лекций, докладов, чтения газеты в студии, от радиогазет радио переходило к «актуальным передачам», выступлениям у микрофона руководителей производства, простых тружеников, т.е. усиливался элемент «разговорности» вещания. В условиях растущей социальной роли радио в 1933 г. комитет по делам радиовещания при ЦИК республики был реорганизован в Бурят-монгольский комитет по делам радиофикации и радиовещания. Эта мера была продиктована ликвидацией Всесоюзного комитета по радиовещанию и созданием Всесоюзного комитета по радиофикации и радиовещанию. Постановлением СНК СССР от 30 января 1933 г. контроль за радиофикацией в Бурятии был передан вновь созданному комитету [8].

Ранее контроль за проведением радиофикации в Бурятии осуществлялся Уполномоченным Восточно-Сибирского управления связи. В 1932 г. аппарат Уполномоченного ведал радиоотделом и Верхнеудинским телефонно-телеграфным радиоцентром, отвечавшим за радиовещательную станцию РВ-63, коротковолновые передатчики, приемную радиостанцию и радиобюро [9]. Ведущими инженерами радиоотдела являлись опытные специалисты А.Д. Мельников, Н.П. Москалев, которые по праву считаются первыми профессионалами в области радиодела в БМАССР. Они выросли из рядов местных радиолюбителей, настоящих энтузиастов своего дела. В 1923 г. они собрали вручную четыре приемника и впервые стали принимать радиосообщения из Москвы и

других городов. Активизация движения радиолюбителей в Бурятии и в целом по стране была вызвана принятием в 1924 г. СНК СССР постановления «О частных приемных радиостанциях», на основании которого всем предоставлялось право проводить радиоэксперименты. Этот документ был более известен как закон о свободе эфира. Через месяц после принятия постановления ввели в оборот термин «радиовещание». Сделано это было в первом номере журнала «Радиолюбитель». До этого на страницах журнала «Техника связи» шла оживленная дискуссия, где слово «широковещание» (которым пользовались для обозначения радиовещания) предлагали заменить одним из следующих: «звукомет», «искромет», «радиомет» и др.[3, с. 66].

Распространение радиовещания шло медленными темпами, увеличение количества радиоприемников серьезно сдерживалось их дороговизной, случались частые перебои в обеспечении радиоузлов горючим питанием. Проведенная в 1933 г. реорганизация прежней структуры и создание Бурят-монгольского комитета по радиофикации и радиовещанию открыло новую страницу в информационно-пропагандистской деятельности. Популярности радио способствовало налаживание радиосети и распространение радиовещания в районах и аймаках, сельских клубах и школах, на машинотракторных станциях, промышленных предприятиях, железной дороге. В целом в 1931-1933 гг. в Бурятии, в период зарождения регулярного радиовещания была проделана серьезная организационная работа по налаживанию проводной радиосети в столице республики, районах и аймаках, по кадровому укомплектованию комитета по делам радиовещания, радиоотдела и радиобюро, заложены прочные основания для дальнейшего продвижения радиовещания в массы.

Список литературы

1. *Голубев Е. А.* Радио — детище Октября / *Е.А. Голубев* // Молодежь Бурятии. 1979. 7 мая.
2. *Голубев Е. А.* В эфире Бурятское радио / *Е. А. Голубев* // Городская газета. 2000. 2 мая.
3. *Григорова Л.В.* Ставропольское краевое радиовещание: страницы истории / *Л.В. Григорова.* — Ростов-на-Дону, 2007. — Режим доступа: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=2082&level1=main&level2=articles> (дата обращения 21.04.2018).
3. *Круглова Л.А.* О зарождении радиовещания: документы, цифры, даты (1914 — 1927) / Сб. науч. Статей «Радио: начало истории. К 120 – летию». — М., ф-т журн. МГУ, 2017, с. 66
4. *Шагдарова Б.Б.* Журналистика Бурятии в первой половине XX в. / *Б.Б. Шагдарова.* — Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2013. — 160 с.
5. ГАРБ. ФР 475. Оп. 9. Д.9. Л.195
6. ГАРБ. Ф.1-П. Оп.1. Д.939
7. ГАРБ. Ф.1-П. Оп.1. Д.1506. Л.37
8. ГАРБ. ФР 475. Оп. 9. Д.9. Л.1
9. ГАРБ. Ф.Р. 1359. Описание 1. Историческая справка.

10.02.00 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЯЗЫКОЗНАНИЕ

10.02.00

Г.Т. Аллахвердиева

Бакинский славянский университет,
кафедра Общего и русского языкознания,
Баку, Азербайджан, al_gunel@mail.ru

ПОЛЕ «БОЛИ» И «СТРАДАНИЯ» В РУССКОМ И АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена проблемам современной лингвистики, лексическим системам русского и азербайджанского языков. Делается попытка дифференцировать такие термины, как понятие, концепт, денотат. Отмечается, что денотат как типизированное представление о предмете довольно сложно отграничить от концепта, который от понятия отличается как раз наличием культурно-исторического содержания. Может ли быть типизированное представление вне концептуального содержания.

В центре внимания стоит вербализация концептов «боль» и «страдание». Исследование показывает, что не всегда концептуальное содержание адекватно отражается в языках. Существующие словари также отражают обыденные представления об этих явлениях.

Ключевые слова: *боль, страдание, русский язык, азербайджанский язык, концепт, когнитивный признак, неприемлемость.*

Современное языкознание придает особое значение выявлению этнопсихологических особенностей познания и самопознания, представленных в языках мира [4]. Одни и те же явления могут по-разному кодироваться в языках мира. Они могут быть представлены в разных системах координат, иметь не совпадающую дистрибуцию, различную парадигматику и синтагматику. В конечном счете указанные факторы определяют системный статус соответствующих знаков. Участие во фразообразовании увеличивает их семиотическую ценность. Как правило, такой активностью в языках мира отличаются базовые для человека понятия и их знаки. Одними из таких знаков являются названия психологически неприемлемых явлений. Представления человека о мире могут быть бинарно дифференцированы с точки зрения того, что для него хорошо и плохо, приемлемо и неприемлемо, приятно и неприятно. Таким образом, в системе наших представлений о мире одно из фундаментальных мест занимают явления, «отталкиваемые» нашим сознанием. Вне всякого сомнения, в центре этой системы стоят боль и страдание. С другой стороны, боль и страдание сопровождают человека на протяжении всей его жизни, они универсальны и общечеловечески значимы. Следовательно, не может быть естественного языка, в котором эти ощущения и чувства не находили бы выражения. Изучение соответствующих знаков в языках мира должно, видимо, строиться на совмещении структурного и когнитивного подходов. Когнитивный подход строится на определении когнитивных признаков, дающих представление о конкретном характере познания явления.

Базовой лексемой данной системы в русском языке является, на наш взгляд, слово *боль*. В Словаре Д.Н. Ушакова значение слова *боль* определяется следующим образом: «БОЛЬ, боли ж. Ощущение физического страдания в какой-нибудь части тела. *Головная боль. Острая боль. Боль в животе не унималась.* Гончаров. *Испытывать боль.* || *перен.* Чувство скорби, страдания. *Душевная боль. С болью в сердце*» [8, т.1, с. 93]. Для сравнения можно обратиться к Малому академическому словарю, в котором не выделяется переносного значения: «БОЛЬ Ощущение физического или нравственного страдания» [6, т. 1, с. 106]. В обоих случаях концепт «боль» определяется через «страдание», откуда следует, что боль и страдание – это

одно и то же. Возможно, однако, что страдание – это то, что является следствием боли, т.е. боль причиняет страдание. Слово *страдание* в Словаре Д.Н. Ушакова определяется через *мучение* и *боль*, причем уже в этом случае физическое и нравственное явления не разграничиваются: «СТРАДАНИЕ Мучение, боль физическая или душевная» [8, т. 3, с. 326]. Что касается мучения, то это «мука, страдание, состояние того, кого мучат или кто мучится» [8, т.1, с. 700]. Таким образом, соответствующее состояние в русском языке обозначается в основном тремя лексемами: *боль*, *страдание*, *мучение*. Причем, как можно было заметить, значение одного определяется через другие.

В словаре «Психология» о боли написано следующее: «*психическое состояние*, возникающее в результате сверхсильных или разрушительных воздействий на организм при угрозе его существованию или целостности» [5, с. 43]. Статья довольно большая и в ней затрагиваются вопросы, имеющие непосредственное отношение к концепту «боль». Например, указывается, что «боль – ценнейшее приобретение эволюции животного мира» [5, с. 43]. По логике вещей отсюда следует, что боль вовсе не всегда характеризовала существование животного мира. Вызывает интерес следующее замечание: «С точки зрения эмоционального переживания болевое ощущение имеет гнетущий и тягостный характер, подчас характер страдания, служит стимулом для разнообразных оборонительных реакций» [5, с. 43 – 44]. Если так, то страдание не всегда сопутствует боли, а всего лишь «подчас». Словарная статья заканчивается указанием на то, что «болевое ощущение в известной мере поддается влиянию со стороны высших психических процессов, связанных с деятельностью коры и зависящих от таких личностных особенностей, как направленность, убеждения, ценностные ориентации и др.» [5, с. 44]. Исходя из всего сказанного, видимо, можно предположить, что боль – это психическое состояние (дискомфорт), возникающее под влиянием сильных внешних или внутренних раздражителей. Иными словами, отождествлять боль со страданием проблематично, поскольку первое является причиной, второе – следствием. Более этого, страдание не всегда сопровождает боль, не является обязательным результатом.

В азербайджанском языке концепт «боль» представлен базовой лексемой *ağrı*. Азербайджанско-русский словарь под редакцией М.Т. Тагиева выделяет отдельно «ощущение физического страдания» и «нравственное страдание, тяжелое переживание» [1, т.1, с. 61]. Кроме того, в азербайджанском языке употребительно эвфемистическое выражение *ağrısı tutmaq* (букв. схватила боль) в значении «преддродовые схватки». В азербайджанском языке употребителен целый ряд фразеологических единиц с компонентом *ağrı*: *başı ağrı çəkmək* kimin pədən (букв. голова терпит боль) страдать, пострадать от чего; *qarın ağrısı çəkmək* (букв. страдать болью живота, в животе) симулировать, без желания делать что-л.; *qarın ağrısı ilə* (букв. с болью в животе) спустя рукава, нехотя; *qarın ağrıtmaq* (букв. живот болит у кого) делать из-под палки, без желания; *ağrın alım* (букв. возьму твою боль) душа моя, боль моя, слабость моя; *ağrın ürəyimə* (букв. пусть твоя боль перейдет мне в сердце), *ağrın tənə gəlsin* (букв. пусть болезнь твоя ко мне перейдет); *ağrım ürəyinə* (букв. пусть моя боль попадет тебе в сердце) чтоб ты сдох; *başı ağrıtmaq* (букв. голова не болит) чувствовать себя спокойно; *ürəyi ağrıtmaq* kimə (букв. сердце болит) всем сердцем болеть за кого, болеть душой за кого, испытывать жалость к кому; *qarın ağrısı düşüb* 1. живот подводит; 2. что-то беспокоит кого» [1, т.1, с. 61].

Некоторые из этих фразеологизмов находят соответствие в русском языке. Например, *ürəyi ağrıtmaq* – *сердце болит* за кого. Большинство же не находят эквивалентности. Особенно характерны для азербайджанского языка проклятия и выражения ласки, которые обнаруживают восточный колорит и насыщены экспрессией. Эти выражения не находят соответствия в русском языке.

В азербайджанском языке употребительны аппозитивы с компонентом *ağrı*, которые, с одной стороны, отличаются особой эмоциональностью, с другой, – народно-поэтическим характером: *ağrı-acı*, *ağrı-acılıq*, *ağrı-acısız*, *ağrı-qada* [1, с. 61].

И.Г.Гамидов в своем «Азербайджанско-русском словаре пословиц и поговорок» приводит три пословицы: *Ağrılarda göz ağrısı, hər kəsin öz ağrısı* (букв. среди болей (самая сильная) боль глаза, каждому своя боль); *Ağrımayan baş yastığa gəlməz* (букв. голова, которая не болит на подушку не валится); *Ağrımayan başa dəsmal bağlamazlar* (букв. на голову, которая не болит, платок не повязывают)[2, с.34]. Первая реализует эксплицитно выраженный смысл, представленный во второй части: «каждый носитя со своей болью». Несмотря на то, что в первой части конкретно говорится о боли в глазу, концепт «боль» во второй части имеет отношение как к физическому, так и к нравственному страданию. С другой стороны, поскольку «духовная, душевная боль» носит более сложный и отвлеченный характер, в структуре пословицы она имеет обобщающее значение, т.е. «у каждого свои проблемы».

Таким образом, концепт «боль» представлен в обоих языках. В русском языке, судя по материалам толковых словарей, боль отождествляется со страданием, а слово *боль* раскрывается через слово *страдание*. То же в Азербайджанско-русском словаре, где слово *ağrı* переводится как *боль*, но объясняется как «страдание». В азербайджанском языке «боль» представлена шире, чем в русском. Народно-поэтический характер носят аппозитивы, существуют проклятия и выражения ласки со словом *ağrı*. Концепт «боль» является универсальным общечеловеческим «достоянием», которое притягивает к себе всё существование, человеческое бытие в полном объеме. Фактически болью пронизано всё существование человека, представления о боли в человеческом сознании коррелируют с представлениями о покое и безмятежности. Задачей отдельного и специального филологического исследования является изучение вербализации концепта «боль» на материале не только языков, но и фольклора и письменной литературы.

Список литературы

1. Азербайджанско-русский словарь в 4-х томах. Том 1. Баку: Элм, 1986, 576 с. Том 4. Баку: Мугарджим, 2000, 1292 с.
2. Гамидов И., Ахундов Б., Гамидова Л. Азербайджанско-русский, русско-азербайджанский словарь пословиц и поговорок. Баку: Тахсил, 2009, 560 с.
3. Даль В.И. Пословицы русского народа в 2-х томах. Том 1. М.: Художественная литература, 1984, 383 с.
4. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка. Когнитивные исследования. М.: Знак, 2012, 208 с.
5. Психология. Словарь. Под общей редакцией А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1990, 494 с.
6. Словарь русского языка в 4-х томах. Том 1. М.: Русский язык, 1981, 698 с.; Том 4. М.: Русский язык, 1984, 794 с.
7. Словарь сочетаемости слов русского языка. М.: Русский язык, 1983, 688с.
8. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. Том 1. М.: Вече. Мир книги, 2001, 704 с. Том 3. М.: Вече. Мир книги, 2001, 672 с.

10.02.00

Д.Л. Амитирова-Тургенева канд. филол. наук

РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина,
кафедра иностранных языков,
Москва, turgenevaa@list.ru

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ИЗУЧЕНИИ РАЗЛИЧИЙ МЕЖДУ БРИТАНСКИМ И АМЕРИКАНСКИМ ВАРИАНТАМИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Автор рассматривает эволюцию изучения британо-американских различий в отечественной лингвистике, начиная с середины прошлого века до наших дней. Подробно рассмотрены основные подходы к изучению регионально маркированной лексики в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы. Предлагаются перспективы дальнейших исследований в этой области.

Ключевые слова: *британский английский, американский английский, отечественная лингвистика.*

Британский английский и американский английский прочно удерживают свои позиции как наиболее авторитетные национальные варианты английского языка. Цель данной статьи – проанализировать основные подходы к изучению национальной негетерогенности английского языка в исследованиях отечественных лингвистов.

Как известно, еще в середине XX века британский английский и американский английский либо считались различными языками, либо английским языком и его диалектом (американский вариант).

Начиная с середины XX века ситуация изменилась и в зарубежной, и в отечественной науке о языке.

В отечественной лингвистике в 1960-е гг. с появлением социолингвистики и, опираясь на системно-структурный подход в целом и методы типологического изучения языков в частности, А.Д. Швейцер (параллельно с исследователями других полинациональных языков) ввел понятие «национальный вариант» и доказал, что английский язык – это макросистема, в то время как его национальные варианты – входящие в нее микросистемы [14]. В основе подхода А.Д. Швейцера лежит соотношение плана содержания и плана выражения единиц (их деление на лексико-семантические аналоги и лексико-семантические дивергенты), где дивергенты имеют различия в смысловой структуре при общности формы, в то время как аналоги, наоборот, различаются только в плане выражения. Также, А.Д. Швейцер ввел понятия «аналого-дивергентные цепочки» и «общеанглийская единица», причем и аналоги, и дивергенты, и аналого-дивергентные цепочки моделируются и с учетом общеанглийских единиц (например, *faculty* – общеангл. «способность, дар», брит. «факультет», амер. «профессорско-преподавательский состав»).

Исследования А.Д. Швейцера и других советских ученых (таких, как В.Н. Ярцева, И.Р. Гальперин, А.В. Кунин и др.) стали отправной точкой для некоторых работ по сопоставительному изучению лексики американского и британского вариантов английского языка. В последующие два десятилетия отечественными лингвистами были опубликованы исследования, посвященные, например, соотношению общеанглийской и американской лексики в американском варианте английского языка [13], или взаимодействию двух исследуемых вариантов на уровне словосочетания [7].

Интересно отметить, что в настоящее время исследования английского языка самых разных направлений проводятся, в основном, без учета принадлежности источников или объекта исследования к тому или иному варианту английского языка. Изучаются те или иные

языковые явления в англоязычном дискурсе разных типов; на материале англоязычной литературы, англоязычной (той или иной) коммуникации, английского языка, англоязычной терминологии; в англоязычной/английской лингвокультуре; в англоязычной картине мира, и т.д. Зачастую объект исследования объединен в одну общую «англо-американскую лингвокультуру», без сопоставления вариантов (например, 5).

Однако существуют и исследования, посвященные тем или иным языковым явлениям британского или американского вариантов, с формулировками «на материале американского варианта английского языка» [например, 11], «на материале американского ... дискурса/в американском ... дискурсе» [например, 4], «в британской лингвокультуре» [например, 12], «в американской лингвокультуре» [например, 15], «в американской картине мира/языковой картине мира США» [например, 1], «в британском газетном дискурсе» [8]. Анализируются американская языковая личность [10], культурно-ориентированная лексика британского варианта английского языка [3], характеристики словообразовательного поля глаголов американского варианта английского языка [9], и др.

Попытка системного противопоставления британо-американских лексических различий в русле последних достижений науки о языке, а именно с точки зрения теории номинации, концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира, была предпринята в исследовании, посвященном типологии британо-американских различий в лексической номинации [2]. В ходе анализа были выявлены такие типы британо-американских различий, как лексические лакуны; различия в специфике вербализации общих концептов лексическими средствами американского и британского вариантов; «ложные друзья»; комплексные знаки и мотивировочные признаки; различия в стилистической принадлежности соотносительных номинативных единиц; различия в репрезентации научной картины мира. Также, было проведено исследование типологии различий фразовых глаголов в британском и американском вариантах английского языка [6].

Автором не было проведено отдельного анализа подходов к изучению национальных вариантов английского языка за рубежом. Однако, в качестве сравнения, можно отметить, что в зарубежной науке о языке с появлением социолингвистики стало общепринятым понятие *varieties of English* – варианты английского языка, к которым относится и американский вариант английского языка. Также, следует отметить, что зарубежные лингвисты проводили и продолжают проводить деление регионально маркированных единиц, в основном, по семантическому, или, чаще всего, тематическому принципу [например, 17, 16], и представлять сопоставительные списки аналогов (например, *british-and-american-terms* в *Oxford English Dictionary for Advanced Learners* [18]).

Итак, к настоящему времени в отечественной лингвистике сопоставительные исследования британского и американского английского проводились, в основном, лишь в русле структурализма и социолингвистики. Сегодня исследования английского языка проводятся преимущественно без учета его региональной вариативности. Что касается тех или иных языковых явлений американского или британского вариантов, их изучают в русле современной науки о языке. С когнитивно-дискурсивной точки зрения исследуются отдельные концепты на материале одного из вариантов английского языка и особенности тех или иных типов дискурса одного из вариантов. С лингвокультурологических позиций – своеобразие лингвокультуры одного из вариантов. Также, анализу подвергаются некоторые аспекты фрагментов американской или британской языковой картины мира. При этом практически во всех этих исследованиях отсутствует элемент сопоставления.

Хотелось бы отметить, что, поскольку в настоящее время в лингвистике наблюдается тенденция к слиянию методов когнитивно-дискурсивной парадигмы с методами структурной лингвистики, в перспективе представляется интересным продолжение изучения национальных вариантов английского языка, в частности в сопоставительном плане, с использованием накопленных лингвистами методов и приемов исследования не только с целью анализа своеобразия британского английского или американского английского или их различий в когнитивно-дискурсивном плане, но и выявления степени таких различий.

Список литературы

1. Алленова Н.А. Названия болезней в национальной научной и наивной картинах мира США: Этносемантические и когнитивные аспекты: дис. канд. филол. наук. – Владивосток, 2003. – 184 с.
2. Амитирова-Тургенева Д.Л. Типология британо-американских различий в лексической номинации и их лексикографическое представление (на материале учебных словарей толкового типа): дис. канд. филол. наук. – М., 2009. – 159 с.
3. Бурлакова М.В. Культурно-ориентированная лексика британского варианта английского языка (Лексикографическая разработка): дис. канд. филол. наук. – Иваново, 2004. – 227 с.
4. Генералова С.Н. Коннотативные смыслы в дискурсе как отражение личностной концептосферы политика (на материале американского президентского дискурса): дис. канд. филол. наук. – Уфа, 2014. – 201 с.
5. Гетман А.А. Концептосфера "бедность - богатство" в англо-американской лингвокультуре: дис. канд. филол. наук. – Волгоград, 2015. – 277 с.
6. Голубкова Е.Е., Медведева О.В. Типология различий фразовых глаголов в британском и в американском вариантах английского языка (с опорой на корпусные данные) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2012. – № 654 – С. 47-56.
7. Кириченко Н.А. Соотношение и взаимодействие американского и британского вариантов литературного английского языка на уровне словосочетания: дис. канд. филол. наук. – М., 1981. – 192 с.
8. Колкарева И.И. Лингвистические характеристики диалога в британском газетном дискурсе: дис. канд. филол. наук. – М., 2012. – 170 с.
9. Нижельская Ю.А. Структурно-семантическая и этимологическая характеристика словообразовательного поля глаголов американского варианта современного английского языка: дис. канд. филол. наук. – Ростов н/Д., 2003. – 190 с.
10. Ма Т.Ю. Американская языковая личность в культурно-историческом пространстве США XX века (опыт прототипического подхода): дис. д-ра филол. наук. – М., 2012. – 420 с.
11. Себрюк А.Н. Становление и функционирование афроамериканских антропонимов (на материале американского варианта английского языка): дис. канд. филол. наук. – М., 2014. – 224 с.
12. Сорокина А.С. Вербализация динамики статусных отношений супругов в британской лингвокультуре: дис. канд. филол. наук. – Самара, 2014. – 208 с.
13. Филиппов Е.Н. Соотношение общеанглийской и американской лексики в американском варианте английского языка: дис. канд. филол. наук. – М., 1966. – 283 с.
14. Швейцер А.Д. Различительные элементы американского и британского вариантов современного литературного английского языка: дис. д-ра филол. наук. – М., 1966. – 739 с.
15. Щепотина Е.В. Вербализация мифологем CRIME, PUNISHMENT, FREEDOM, JUSTICE, LAW в американской лингвокультуре: дис. канд. филол. наук. – Курск, 2006. – 198 с.
16. Davies C. Divided by a common language (A guide to British and American English). – Boston, New York: Houghton Mifflin Company, 2005. – 248 p.
17. Trudgill P., Hannah J. International English. A Guide to Varieties of Standard English. – London: Arnold, 1982. – 130 p.
18. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. – URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (дата обращения: 12.04.2018).

10.02.00

Н.С. Андрианова канд. филол. наук

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт филологии и межкультурной коммуникации им. Льва Толстого,
кафедра романской филологии,
Казань, natalia_an83@mail.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА GUERRE ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИМИ СРЕДСТВАМИ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются особенности реализации концепта Guerre (война) паремиологическими средствами французского языка. Данные средства включают в себя пословицы, поговорки, афоризмы и паремии библейского происхождения. Паремиологическая зона исследуемого концепта имеет антропоцентрическую направленность, а также содержит новые метафорические модели концептуализации исследуемого явления.

Ключевые слова: паремии; концепт; когнитивные признаки; оценочные суждения; метафорическая модель.

Данная статья посвящена исследованию когнитивных признаков концепта Guerre (война), актуализирующихся паремиологическими средствами французского языка. В современной лингвистике под паремиями понимаются единицы языка, имеющие морально-утилитарное содержание и обозначающие типичные жизненные и мысленные ситуации или отношения между теми или другими объектами [2, с. 39]. Как правило, пословицы, и поговорки представляют собой законченные предложения, в основе которых лежат суждения. Отечественные и зарубежные исследователи выделяют ряд основных характеристик пословиц и поговорок [4, с. 16, с. 217; 1, с. 70]:

1) фонетические (аллитерация, ассонанс, рифма, ритм): *Von endureur est toujours vainqueur* (терпи, казак, атаманом будешь) (здесь и далее перевод с французского по Французско-русскому фразеологическому словарю под редакцией Я.И. Рецкера [5] и Abby Lingvo Live [6]);

2) семантические (гипербола, метафора, сравнение, ирония, антитеза): *Mieux vaut en paix un œuf qu'en guerre un bœuf* (хлеб с водой, да не пирог с лихвой). Данная пословица на основе антонимических контекстов «мира» и «войны» строится посредством антитезы.

3) грамматические (отсутствие личных местоимений, параллелизм синтаксической структуры и т.п.): *A corsaire, corsaire et demi* (букв.: На каждого «корсара», (т. е. агрессора), найдется управа). В поговорке отсутствуют личные местоимения, фраза строится на основе синтаксического параллелизма;

4) лексические (архаизмы, историзмы): *Qui de glaive vit, de glaive perit* (Кто с мечом придёт, от меча и погибнет). В поговорке употребляется историзм, лексема glaive (меч).

Актуальность обращения к паремиологическому аспекту объективации Guerre обусловлено тем, что пословично-поговорный фонд того или иного языка транслирует культурно значимые установки и темы, накопленные обществом, а также знания и понятия, которые создаются в результате непосредственного отражения предметов и явлений действительности. Подобные вербализаторы в силу своего исторического происхождения представляют собой осмысление концепта, формировавшееся на протяжении длительного времени, и поэтому составляют особую зону в структуре концепта. Как правило, паремиологическая зона находится на крайней периферии содержания концепта [3, с. 80].

В ходе анализа зафиксированных в словарях паремий было выявлено, что в вербализации исследуемого концепта наиболее частотной лексемой выступает концептообразующее слово guerre (война): *à la guerre comme à la guerre* (на войне как на войне), *il ne faut pas aller à la*

guerre qui craint les horions (распутья бояться, так в путь не ходить), la guerre nourrit la guerre (рать сама кормится, а мир жнет). Данная лексема может выступать в паре с лексемой paix (мир), поскольку исследуемый концепт относится к универсальным концептуальным оппозициям, таким как «война – мир», «зло – добро», «смерть – жизнь» и др.: qui veut la paix, se prépare à la guerre (хочешь мира, готовься к войне), mieux vaut en paix un œuf qu'en guerre un bœuf (хлеб с водой, да не пирог с лихвой), porter la paix ou la guerre dans les plis de son manteau (принести с собою войну или мир, возвращаясь с переговоров).

Репрезентантами концепта Guerre также являются паремии, в которых есть лексемы, конкретизирующие виды военных действий (bataille (сражение), combat (бой)), а также их исход (victoire (победа)): après la bataille bien des braves (после драки кулаками не машут), les plus opiniâtres gagnent les batailles (битвы выигрываются самыми настойчивыми), point de victoire sans combat (без боя нет победы), il ne faut pas crier victoire trop tôt (не говори гоп, пока не перепрыгнешь).

Частотными единицами в составе паремий, актуализирующими концепт Guerre, являются также лексемы, обозначающие психические характеристики человека. В анализируемых паремиях описываются качества, очевидно, являющиеся необходимыми для военных действий, вербализаторами которых выступают лексемы brave (смелый) и opiniâtre (упорный) и их синонимы: au danger on connaît les braves (богатыря узнаёшь на поле брани), à cœur vaillant rien d'impossible (смелость города берёт), les plus opiniâtres gagnent les batailles (битвы выигрываются самыми настойчивыми), bon endureur est toujours vainqueur (терпи, казак, атаманом будешь). Таким образом, антропоцентрическая направленность концепта Guerre также отражается и в паремиологическом фонде французского языка.

Анализируемые паремии не только содержат опыт познавательной деятельности народа, но и являются своего рода оценочными суждениями, объективирующими исследуемый концепт. Положительно оцениваются, например, такие качества, как «смелость» или «упорство». Реализация подобной оценки происходит, как правило, лексически: в поговорке Dieu est toujours pour les gros bataillons (к удалому и Бог пристаёт) положительная оценочная сема существительного Dieu (Бог) и предлога pour (за) влечет за собой положительную оценку всей поговорки, а в выражении les plus opiniâtres gagnent les batailles (битвы выигрываются самыми настойчивыми) такую функцию выполняет глагол gagner (выигрывать).

Таким образом, паремии фиксируют, в основном, положительную характеристику качеств человека. В ходе анализа пословично-поговорного фонда французского языка было выявлено две поговорки, дающие отрицательную оценку качеств участников военных действий, а именно декларативность и фальшивость их намерений: après la bataille bien des braves (велик воин за стаканом вина), Il ne frappe point comme il dégaine (В храбром уборе ездит, а храбрость его в кустах лежит).

На паремиологическом уровне французского языка выявляется также несколько метафорических моделей концептуализации исследуемого явления, вскрывающих новые смыслы и закономерности. Пословицы à la guerre comme à la guerre (на войне как на войне) и la guerre nourrit la guerre (букв. война кормит войну) подчеркивают уникальный характер исследуемого явления, не сопоставимый с другими понятиями, объектами или концептами. В пословице Guerre et pitié ne s'accordent pas (ни моря без воды, ни войны без крови; букв. война и жалость не сочетаются) грамматический модификатор смысла (отрицательная конструкция) передает метафорическую модель «Война – это жестокость». Афоризм Цицерона L'argent est le nerf de la guerre (Деньги – нерв войны) содержит другую модель, согласно которой между войной и деньгами ставится знак равенства.

Афоризмы и библейские паремии неразрывно связаны с историей формирования фразеологии и лексикографии как науки. Притчевый характер евангельских сюжетов позволил создать ряд паремий, а первые сборники пословиц и поговорок появились уже в библейские времена (библейская книга притчей царя Соломона). Именно в паремиологических библеизмах и афоризмах латинского происхождения наиболее ярко

проявляется сходство социально-исторического и культурного опыта разных народов. Исследуемый концепт описывают несколько таких выражений: *Qui de glaive vit, de glaive perit* (Кто с мечом придёт, от меча и погибнет), *Qui veut la paix, se prépare à la guerre* (Хочешь мира, готовься к войне; лат. *si vis pacem para bellum*), *reforger les épées en socs de charrue* (перековать мечи на орала).

Анализируемые пословицы, поговорки и афоризмы французского языка являются свидетельством актуальности концепта *Guerre* для ценностной картины мира народа. В них, как и во фразеологическом фонде французского языка, также фиксируются преимущественно положительные (и отрицательные) характеристики участников военных действий (смелость, упорство), а также объективируются специфические, свойственные только для паремиологической зоны признаки исследуемого концепта, такие как «жестокий» и «пекуниарный» характер войны. Данные признаки, как и паремиологическая зона, к которой они принадлежат, носят периферийный характер, и должны быть верифицированы ассоциативным экспериментом.

Список литературы

1. *Виноградова Е.А.* Репрезентация концепта «FAILURE» фразеологическими единицами современного английского языка: дисс. ... канд. филол. наук / Е.А. Виноградова; Белгородский государственный национальный исследовательский университет. – Белгород, 2015. – 295 с.
2. *Головин А.С.* Лингвокультурный концепт «родство» в английских, немецких и русских паремиях: дисс. ... канд. филол. наук / А.С. Головин; Московский государственный педагогический университет. – Москва, 2014. – 146 с.
3. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика. Монография / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ: «Восток-Запад», 2007. – 226 с.
4. *Пословицы в фразеологическом поле: когнитивный, дискурсивный, сопоставительный аспекты.* Монография / Н. Ф. Алефиренко [и др.]; под ред. проф. Т. Н. Федуленковой; Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2017. – 231 с.
5. *Французско-русский фразеологический словарь. Около 35 000 выражений* / Под редакцией Я.И. Рецкера. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1963. – 1112 стр.
6. *Abby Lingvo Live.* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lingvolive.com> (дата обращения 09.04.2018).

10.02.00

Б.Б. Базарова канд. филол. наук

Бурятский государственный университет,
Институт филологии и массовых коммуникаций,
кафедра английского языка и лингводидактики,
Улан-Удэ, bbbazarova@mail.ru

ИНТЕРПРЕТИРУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ НЕОЛОГИЗМОВ

В статье рассматриваются языковые инновации в английском языке с точки зрения концептуализации меняющейся картины мира и отражения этих процессов в неологизмах. В работе обращается внимание на когнитивное направление в неологии. В качестве материала исследования взяты примеры из ресурса WordSpy.

Ключевые слова: *английский язык, когнитивная неология, неологизмы, когнитивные модели.*

Среди научных проблем, разрабатываемых в когнитивной лингвистике, свое место заняло и направление когнитивной неологии. «Теория когнитивной неологии охватывает широкий диапазон явлений, механизмов, структур, изучение которых предполагает обращение к новейшим достижениям лингвистической науки. Когнитивная неология находится на стыке нескольких парадигм знания, основной из которых является когнитивно-дискурсивная парадигма» [2, 2009: 347]. Когнитивно-дискурсивная парадигма, отмечает Е. С. Кубрякова, ставит во главу угла вопрос о роли «всех языковых единиц, категорий, моделей и механизмов языка для нормального протекания речемыслительных процессов, но также и для протекания ментальных, внутренних процессов человеческого сознания», т. е. «это вопрос о том, как служит языковая система со всеми ее составляющими и когниции, и коммуникации» [3, 2004: 406]. Такое функционирование языковой системы нагляднее всего отражается в неологизмах.

В связи с развитием компьютерных технологий путь, который проходит новое слово от его появления до признания социумом сокращается. Интернет-источники дают возможность наблюдать за динамикой изменения словарного состава языка, фиксируя новые слова. Однако нельзя не согласиться с мнением Я. А. Олефир о том, что, с одной стороны, такие возможности значительно облегчают задачи исследователей, но с другой стороны, порождают новые вопросы, требующие решения [4, 2012]. Среди таких вопросов автор называет критерии выбора неологизмов, в частности, временной фактор и частотность употребления таких единиц. Как показывает практика, всеобщая информатизация общества снимает отчасти вопрос временного фактора социализации неологизма. Спорным остается вопрос о его частотности употребления.

Говоря о скорости распространения нового слова в связи с новыми технологиями, можно отметить появление открытых ресурсов, которые фиксируют информацию онлайн, в нашем случае – фиксируют новые слова. К преимуществам открытых ресурсов относят «доступ не только к узуальным, но и к окказиональным употреблениям лексем», кроме того, сами способы составления словарных статей и отбор примеров представляют интерес, «поскольку это производится пользователями без специальной подготовки, материал, предлагаемый онлайн словарями, дает возможность изучить восприятие лексики английского языка непосредственно носителями без научной обработки» [1, 2012: 82]. В задачи данной работы не входит подробное рассмотрение особенностей разработки программ и методов автоматического определения неологизмов. Отметим лишь, что появление электронных баз новых единиц языка облегчает некоторым образом задачу исследователя в его поиске языкового материала и позволяет приблизиться к пониманию того, «какой концептуальный

материал группируется в новых словах английского языка, какие именно концепты использовались чаще всего при категоризации и членении мира последних десятилетий» [2, 2009: 337].

Word Spy (WS) является ресурсом, который практически в режиме он-лайн «наблюдает» за появлением новых слов [<https://www.wordspy.com/>]. Очевидно, этот ресурс нельзя отнести к словарям неологизмов, но он, безусловно, полезен для носителей языка и для всех тех, кто специально интересуется пополнением словарного запаса английского языка, способами образования новых слов и под. Составители в своей работе пользуются материалами средств массовой информации, приводя контексты употребления слова, с пометами, указывающими на то, когда слово было впервые зафиксировано и т. д. Представляется, что WS можно использовать в курсе лексикологии, как с точки зрения динамики словарного состава, словообразовательного потенциала, так и с точки зрения структурно-семантических особенностей новых лексических единиц. В данной же работе внимание обращается на интерпретирующий потенциал новых слов, категоризирующих новые реалии.

Работа с ресурсом возможна по алфавиту (By Alpha), по тэгу (By Tag), по дате (By Date), можно познакомиться с новым словом по случайной выборке (Random Word) или узнать самые популярные сто слов за последнюю неделю (Top 100), возможен также поиск по нескольким параметрам (Full Search). Поскольку нас интересует результат концептуализирующей деятельности в ходе номинативной деятельности человека, обратимся к поиску по тэгам. WS в целом представляет собой архитектуру по типу гиперогипонимических отношений. Здесь представлены в обобщенном виде следующие концептуальные области (зд. под тэгами): Business (бизнес), Computers (компьютеры), Culture (культура), Language (язык), Science (наука), Sociology (социология), Technology (технология), The World (мир). Далее, например, под тэгом business зафиксировано 16 наименований, computers – 17, culture – 31, language – 9, science – 8, sociology – 13, technology – 9, the world – 11. В свою очередь, концептуальная область computers представлена 53 лексическими единицами и т. д.

Беглое знакомство с представленными словами не позволяет сделать определенных статистических выводов о популярности слов и выражений в какой-то определенной концептуальной области. Тем не менее, приведем для наглядности примеры. Так, в разделе Business под категорией advertising (реклама) мы насчитали 21 лексическую единицу. Computers – internet – 226. Culture – appearance (внешность) – 54. Language – buzzwords (модное слово, словечко) – 56. Science – environment (окружающая среда) – 133. Sociology – people (люди) – 472. Technology - devices (устройства, приборы) – 132. The world – crime (преступление) – 132.

Нас заинтересовала категория people, где, как отмечалось выше, зафиксировано свыше четырехсот лексических единиц. Мы попытались соотнести список неологизмов из этой категории со списком ста самых популярных слов и сделали выборку оттуда. Так, в последнем списке обнаруживаем слово failson – взрослый уже сын, живущий с родителями, безработный (или почти безработный), основное занятие которого – видеоигры, просмотр порнофильмов. Здесь, как мы видим, прозрачная мотивация (букв. перевод ‘неудачный сын’, неудачник). Самое раннее упоминание этого слова указывает на 2009 г., что может свидетельствовать о новом поколении молодых людей, которые не готовы расстаться с играми и прочими развлечениями и это уже становится тенденцией.

Begpacker (beg + backpacker) – пеший турист, путешествующий/живущий на подаяния (особ. белый человек в юго-восточной Азии), либо зарабатывая на продаже всякой всячины или уличными концертами. В этом примере, как представляется, также прослеживается тенденция людей меньше обременять себя, перекладывая часть заботы о себе на окружающих. Первое упоминание слова встречается, согласно WS, в 2016 г. Как пишет Роза Спинкс, “The ‘begpacker’ phenomenon shows how fake poverty has become a status symbol,” («...этот феномен показывает, как ложная (поддельная) бедность становится символом статуса») [<https://wordspy.com/index.php?word=begpacker>].

Himbo (him + bimbo) – о человеке с приятной внешностью, но не отличающемся умом или поверхностном человеке. Слово зафиксировано впервые в 1988 г. Предположительно отражает тенденцию к политкорректности и/или в связи с распространением феминистского движения (ср. bimbo в отношении женщин).

Prosumer (professional + consumer) – потребитель, не являющийся профессионалом в данной области, но покупающий оборудование, снаряжение с профессиональными характеристиками со знанием дела, особенно это касается, видимо, покупки видеокамеры и под. Цитируемый контекст, как первое упоминание в прессе, датируется 1987 г. Хотя составитель оговаривает факты более ранних (1990-е) употреблений слова, частотность которого возрастала с каждым годом. Таким образом, это слово тоже отражает изменения в обществе, но, в отличие от предыдущих примеров, указывает на развитие уровня потребительского спроса.

Итак, наша попытка приблизиться к представлению о том, в каком направлении движутся процессы ословливания англоязычного мира, показала, как ни странно, высокую степень антропоцентризма (см. статистику выше), а отнюдь не техноцентризма в связи с бурным развитием, как принято считать, наук и новых технологий. Человек и его взаимодействие с изменяющимся вокруг него миром по-прежнему остается главным фактором изменения языковой картины мира.

«...новые обозначения создаются не только для того, чтобы фиксировать результаты познавательной и эмоциональной деятельности человека, но и для того, чтобы сделать эти результаты достоянием других людей» [3, 2004, 63] и эту функцию выполняет ресурс WordSpy.

Список литературы

1. *Голечкова Т. Ю.* Проблемы изучения новой лексики на основе интернет-источников // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2012. № 4 (104). С. 82 – 86.
2. *Заботкина В. И.* К вопросу о когнитивной неологии // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: Сб. в честь Е. С. Кубряковой. М.: Языки славянских культур. 2009. – С. 337-349.
3. *Кубрякова Е. С.* Когнитивные аспекты словообразования и связанные с ним правила инференции (семантического вывода) // Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры. 2004. – С. 405-416.
4. *Олефир Я. А.* Актуальные проблемы современной неологии // Вестник университета Российской академии образования. 2012. № 3. С. 63 – 66.
5. *Шалина Л. В.* К вопросу о сущности неологизма в современной лингвистике // Известия Пензенского государственного педагогического университета. 2007. № 4 (8). С. 73 – 77.
6. Word Spy. Word Lover's Guide to New Words [<https://www.wordspy.com/>].

10.02.00

Е.В. Белова канд. филол. наук, О.В. Ермоленко

Калужский филиал Московского государственного технического университета
имени Н.Э. Баумана,
социально-экономический факультет, кафедра «Лингвистика»,
Калуга, belova.ev74@gmail.com

МОДЕЛЬ АРГУМЕНТАЦИИ В БЫТОВОМ КОНФЛИКТЕ

В статье поясняется понятие Расхождение во мнениях и его составляющие. Дается пример анализа бытового конфликтного дискурса по модели С. Тулмина. Указаны типичные ошибки аргументации, совершаемые оппонентами во время конфликтного взаимодействия.

Ключевые слова: *аргументация, расхождение во мнениях, бытовой конфликт, ошибки аргументации.*

Конфликт – неотъемлемая часть жизни каждого человека, поэтому его изучение актуально для многих областей науки, в том числе, для лингвистики. Цель данного исследования – проследить, как протекает аргументация в конфликте, и какие ошибки, препятствующие устранению расхождения во мнениях, совершают конфликтующие стороны.

Расхождение во мнениях – одно из ключевых понятий теории аргументации и непременное ее условие. Расхождение во мнениях возникает, когда две стороны не вполне согласны с какой-либо точкой зрения. Согласно Еемеерену Ф. Х., Гроотендорсту [2], расхождение во мнениях зависит от позиции, которую занимает оппонент в споре, может быть смешанным и несмешанным.

Конфликтом можно назвать не всякое расхождение во мнениях сторон речевого взаимодействия, а лишь такое, в котором две стороны занимают, во-первых, активную позицию, и, во-вторых, их намерения симметричны (смешанное расхождение во мнениях). Такое расхождение во мнениях, когда одна из сторон занимает хотя и критическую, но пассивную позицию по отношению к точке зрения другого агента (несмешанное расхождение во мнениях) конфликтом, строго говоря, — не является [3].

В теории существует идеальная модель преодоления расхождения во мнениях – критическая дискуссия. Но данная модель лишь частично исполняется на практике, тем более, когда речь идет о бытовом конфликте, так как его особенностью является «взрывоопасный» характер, когда обе стороны имеют цель добиться желаемого любыми средствами. [1].

В качестве примера бытового конфликтного диалога возьмем конфликтную ситуацию между участниками телешоу «Дом-2» Андреем (АЧ) и его двумя оппонентами Никитой (Н) и Александром (А). Здесь следует уточнить, что Никита выступает от лица всего мужского коллектива.

(1) АЧ: *На бывшую я не буду делать рокировку. И ваши мутки для того, чтоб поставить меня в неловкое положение – они не пройдут!*

(2) Н: *Анрюх, подожди, а неловкость твоего положения в чем заключается? Ну вот, даже если коллектив решит проголосовать против Ани, ты тут, вообще, причем?*

(3) АЧ: *А я против, я еще раз говорю!*

(4) Н: *Ты против, ты как бы, молодец, ты ее защищаешь, но если они так решили, они проголосуют, как они считают.*

(5) АЧ: *Я каждому запомню. Я сейчас пришел и говорю: ребят, если вы меня уважаете, мы делаем просто рокировку на трех ненужных девчонок.*

(6) Н: *Смотри, Эндрю: вот, дай я буду говорить за себя, да? Я к тебе уважительно отношусь и при любых раскладах я поддержу тот выбор девочки, которая к тебе придет. Но при всем при этом ты меня просишь о чем? О том, чтобы защитить Аню или о том, чтобы оставить Алису?*

(7) АЧ: *Я прошу...*

(8) А: *Алену.*

(9) АЧ: *Да, Алену. Мужскую спальню пойти навстречу Сереге и мне и оставить двоих.*

(10) Н: *Они хотят навстречу пойти себе и, понимая то, что ты себе засаливаешь двух девчонок, они остаются без одной.*

(11) АЧ: *Даже если взять вашу версию, что я засаливаю себе двух девчонок, трех, четырех, вам Кудимова нужна? Нет. Вам Бухун нужна? Нет. Вам Катя нужна? Нет. Дайте хотя бы мне двух, трех, четырех. (все смеются) Нет, я беру вашу версию, пацаны.*

(12) Н: *Нет, ну, смотри, а с их стороны может зависть сыграет, а почему бы и нет? Это нормальное чувство. Это, во-первых. Во-вторых, смотри, Эндрюх, дело в чем? Дело в том, что даже Бухун, Кудимова и Катя, вероятность того, чтобы у них с ними что-то получилось, намного выше, чем вероятность получения с Кручининой, которая, вообще, нулю равна. И если ты начинаешь встречаться с этой девчонкой, то Кручинина точно здесь отношения не построит.*

(13) АЧ: *А у вас есть голосование, и вы сделайте так, пожалуйста, все по-честному, пацаны.*

Определим основные элементы данной ситуации расхождения во мнениях по модели С. Тулмина [4], которые включают: Утверждение; Данные; Основание; Поддержку; Оговорку; Квалификатор.

Аргумент, содержащий все элементы, будет отображать и сильные, и слабые стороны. По мнению Тулмина, идея не в том, чтобы выиграть у другой стороны или разбить контраргументы, а в том, чтобы приблизиться к истине или к реалистическим, осуществимым решениям насколько близко, насколько это возможно.

Итак, для исследуемой в работе конфликтной ситуации **Данными** для обеих сторон можно считать факт неизбежности вечернего голосования. Для того, чтобы оставить на проекте двух новых, понравившихся всем девушкам, необходимо выгнать кого-то из старых участниц. Это не проговаривается сторонами, но очевидно из ситуации.

Тезис:

Сторона АЧ: коллектив не должен голосовать против Ани (3).

Сторона Н: коллектив может проголосовать против Ани (4).

Основание:

Сторона АЧ: Аня моя бывшая девушка (1), и я ее защищаю (нет в репликах АЧ, но высказано стороной Н (4)). **Поддержкой** данного основания является факт, что мужчина должен поддерживать девушку, с которой был в близких отношениях (имплицитно).

Сторона Н: Аня не построит на проекте отношений (12) если ты будешь встречаться с Аленой – **оговорка**. **Квалификатор** здесь *Может быть*. У ребят больше шансов завязать отношения с любой другой девушкой, чем с Аней (12).

Оговорка:

Сторона АЧ: Вы не будете голосовать против Ани, *если вы меня уважаете* (5)

Сторона Н: *Если коллектив так решит*, он проголосует против Ани (4).

Следовательно, в ситуации можно выделить все элементы аргументации, предложенные С. Тулмином.

Теперь остановимся на каждой реплике подробнее.

(1) АЧ выдвигает основания в поддержку своей точки зрения (Тезиса). Можно выявить сразу две ошибки аргументации: оказание давления на оппонента, и необоснованный аргумент: «ваши мутки поставят меня в неловкое положение».

(2) Н замечает ошибку оппонента «необоснованный аргумент» и указывает на нее, таким образом, отвергая данное основание оппонента.

(3) АЧ высказывает свою точку зрения (Тезис).

(4) Н сигнализирует о том, что точка зрения и основание оппонента ему понятны, после чего высказывает свою противоположную точку зрения (Тезис). В данной реплике важной составляющей является союз **но**, как маркер того, что следующая за ним часть высказывания имеет большую силу (по крайней мере, для говорящего).

(5) Давление на оппонента, патетическая ошибка – «если вы меня уважаете». Следующее основание в поддержку своей точки зрения – «мы делаем просто рокировку на трех ненужных девчонок» – это подмена тезиса с целью отвлечь оппонента.

(6) Сторона Н поддается на попытку оппонента сыграть на эмоциях публики – с этой реплики Н начинает разграничивать себя и свое мнение и мнение коллектива: «я буду говорить за себя». Сторона Н также просит уточнить точку зрения оппонента: защитить Аню или оставить Алену.

(9) Давление на оппонента: «прошу пойти мне навстречу». Следует заметить, что АЧ из двух предложенных тезисов выбирает уже не тот, который изначально защищал (ошибка подмены тезиса).

(10) Приводится основание в защиту точки зрения Н и оговорка.

(11) Оговорка: «Даже если взять вашу версию, что я засаливаю себе двух девчонок, трех, четырех». Возвращение к реплике (5), снова видна попытка отвлечь внимание оппонента от первоначально защищавшейся точки зрения.

(12) Объективные основания в защиту точки зрения стороны Н.

(13) «...сделайте так, пожалуйста» - типичная ошибка оказания давления на оппонента.

Несмотря на то, что обе стороны остались при своем мнении и разногласие не было преодолено, Андрей добивается урегулирования конфликта в свою пользу – никто не проголосовал против Ани. Именно этим отличается конфликтная ситуация от аргументативной: в конфликте у сторон нет цели прийти к взаимному разрешению разногласий, каждая сторона стремится добиться своего, зачастую намеренно совершая большое количество ошибок аргументации. А в объективно аргументативной ситуации целью является нахождение истины, убеждение оппонента при помощи веских доводов. Следовательно, несмотря на структурное сходство, аргументативный дискурс преследует несколько иную цель, а именно, рациональное убеждение или совместный поиск истины, в конфликтном же дискурсе главным является удовлетворение своих интересов любой ценой, поэтому содержательная часть аргументативной модели С.Тулмина качественно отличается в данных видах дискурса.

Список литературы

1. Белоус Н.А. Типология конфликтных проявлений в диалогическом пространстве // Наука и образование. Сборник материалов 7 международной научной конференции, 28-29 февраля 2008. – Белово: ООО «Канцлер», 2008. - С. 31-39.
2. Еемеерен Франс Х. ван, Гроотендорст Р., Хенкеманс Ф. Аргументация: анализ, проверка, представление Уч. пособие. – СПб.: СПбГУ, 2002. – 160 с.
3. Лисанюк Е.Н. Взаимоотношение аргументации и конфликта // Конфликтология №1, 2014 – С. 20-31
4. Toulmin S.E. The Uses of Argument Updated Ed. – NY.: Cambridge University Press, 2003 – 251 p.

10.02.00

У.А. Борецкая канд. филол. наук

Государственный гуманитарно-технологический университет,
факультет иностранных языков, кафедра английской филологии и переводоведения,
Орехово-Зуево, u-andreeva@mail.ru

СПОСОБЫ И СРЕДСТВА ОТРАЖЕНИЯ РЕАЛЬНОСТИ В ЖАНРЕ АНГЛИЙСКОЙ НАРОДНОЙ БАЛЛАДЫ

В статье рассматривается каким образом специфика балладного жанра определила особенности композиции текста английской народной баллады. Проводится сопоставительный анализ текста баллады с точки зрения его родства с эпическим, лирическим и драматическим жанрами. При обобщении данных жанровых особенностей в тексте баллады стало возможным полное отражение действительности.

Ключевые слова: *баллада, жанр, эпос, лирика, драма.*

Широко известно, что баллада является уникальным поэтическим жанром. Особенности исторического развития позволили балладе отразить мировоззрение различных эпох и народов, преломив его через художественное искусство рассказчика, а впоследствии автора. Однако, употребляя слово «баллада», многие не задумываются, какой самобытностью обладает данный жанр. Именно специфика жанра и его родовая принадлежность определяет особенности композиции.

В настоящее время существует четыре теории определения балладного жанра. Сторонники первой теории, в числе которых можно назвать следующих лингвистов: Н. Андреев, Н. Кравцов, В. Пропп, Ю. Смирнов, определяют балладу как эпическую песню драматического характера. Отмечая в своей трактовке отсутствие лирической составляющей, они указывают на тот факт, что балладе чуждо авторское отношение к описываемым событиям и героям. В XIX веке возникла теория, определяющая балладу как лирический вид поэзии. Приверженцы (В. Белинский, П. Якушин) данной позиции сравнивали балладу с романсом и элегией. В настоящее время данная теория не признается. Однако многие лингвисты, среди которых Л. Аринштейн, А. Веселовский, Н. Елина, отдавали ведущую роль в балладном жанре именно лирическому началу, определяя при этом балладу, как лиро-эпический жанр. Долгое время данное определение считалось классическим. На современном этапе развития большинство литературоведов (М. Алексеев, В. Жирмунский, Б. Путилов) рассматривают балладу как эпико-лиро-драматический жанр.

Детально изучив все четыре теории, становится очевидным, что баллада объединяет в себе черты трех основных родов литературы: эпоса, лирики и драмы. «Литературный род – ряд литературных произведений, сходных по типу своей речевой организации и познавательной направленности на объект или на субъект, или на сам акт художественного высказывания...» [8, с. 273]. Специфика балладного жанра определяется его родовой принадлежностью, которая в свою очередь обуславливает его композиционные особенности, вследствие чего, интересным представляется проследить, какие черты роднят балладу с эпосом, лирикой и драмой.

Обратимся к балладам, в которых эпическое начало является доминирующим. Отличительной чертой баллад данной группы является сосредоточенность на одном событии, часто трагическом. Другие события, имея второстепенные значения, подводят читателя к трагической развязке. Часто в основе произведения лежит реальное историческое событие. Примером таких баллад являются следующие: “Durham Field”, “Battle of Otterburn”, “The Hunting of the Cheviot”. Историческая основа является неотъемлемой чертой эпической традиции.

«Для всех баллад, особенно ранних, характерна фрагментарность повествования как одно из свойств устной поэзии...» [1, с. 221]. В балладе описание действий представлено без каких-либо связующих пояснений, отсутствуют вступления, опущены описания места действия. Именно благодаря такой форме изложения событий баллада оказывает особое влияние на эмоциональную сферу, оставляя читателю право на ее особое истолкование. С фрагментарностью повествования неразрывно связаны и способы построения художественного текста. Так, например, многие баллады начинаются с вопроса (“Edward”, “The Lass of Loch-Royal”), такой способ повествования придает балладе динамичность. Диалогическая форма при этом усиливает данное свойство. Диалог либо составляет большую часть произведения, где при помощи лишь нескольких повествовательных строк одна сцена сменяет другую (“Clyde Water”, “Lizie Wan”), либо баллада построена по вопросно-ответному типу диалога, где полностью вытесняется повествование (“Edward”, “Lord Randal”).

Все эти неотъемлемые черты балладного жанра определяют его родство с эпосом. В. Жирмунский отмечает, что по своей форме баллада представляет собой произведение «эпическое, с сильной лирической и драматической окраской. Эпическое развитие повествования, от факта к факта, от действия к действию, разворачивается в каждый отдельный момент времени как лирическое настроение, как драматический диалог» [5, с. 96]. По мнению М. Мерилай, из эпической традиции сохранились только те истории, которые хорошо актуализированы за счет своего драматизма. Но и они подверглись значительным изменениям в соответствии с балладной традицией. Например, повествование стало более динамичным, но при этом обрывистым, ограничился сюжет, появилась лирическая окраска [6, с. 8-9].

Связь баллады с лирическим жанром очевидна, так баллада представляет собой стихотворное произведение, написанное по законам ритма и метра, в котором пусть иногда в примитивной форме, но описываются чувства и переживания героев. Экспрессивность повествованию придает и фрагментарная форма изложения событий, отсутствие зачина и развязки, а также некоторые стилистические приемы и выразительные средства (эпитеты, метафоры, гиперболы, инверсия, повторы) отличают баллады от бесстрастного эпического повествования. Приведем несколько примеров: в балладе “Young Waters” автор, представляя главных героев, использует для их описания по одному эпитету, тем самым раскрывая читателям сущность каждого: a wylie lord - вкрадчивый лорд, the jealous king - ревнивый король [2, с. 80]. Экспрессивность повествованию придают эпитеты, описывающие призрака в балладе “Sweet William’s Ghost”: *bitter lips, strong breath, ruby lips* [2, с. 116]. В балладах, сохраняющих связь с эпической традицией, также можно встретить эпитеты, однако все они являются типовыми: конь может быть только молочно-белый (*milk-white steed*), волосы – светлые (*yellow hair*), описываемая страна – прекрасная (*fair Scotland*). Как отмечает А. Н. Веселовский, в эпосе предмет характеризовался по отношению к его идеальному совершенству [3, с. 98].

В балладе “The Douglas Tragedy” автор использовал множество повторов и параллельных конструкций, погружая читателей в атмосферу рокового для всей семьи дня, с каждым повтором напряжение нарастает:

“Rise up, rise up, now Lord Douglas, she says,
and put on your armour so bright”

[2, с. 34, 1 строфа, 1-2 строки]

“Rise up, rise up, my seven bad sons,
And put on your armour so bright..”

[2, с. 34, 2 строфа, 1-2 строки]

В конце повествования перед читателями предстает страшная картина, и оспорить совершенное деяние нельзя, так как «... алая кровь из отцовской груди бежала, как струйка вина»:

And dye she dighted her farter's bloody wounds,
That were redder than the wine

[2, с. 36-37, 8 строфа, 3-4 строки]

Лирической балладе известны и другие тропы и фигуры речи. Так, например, в балладе "Sir Aldingar" при описании боя использовано метафоричное обращение к противнику, усиливающее чувство ненависти - *thou false traitor* [2, с. 168]. Противоречивые чувства терзают главного героя в балладе "The Daemon Lover" - *fair fause bodie* [2, с. 132].

В числе обязательных атрибутов баллады с преобладанием лирического начала одну из лидирующих позиций занимает рефрен. «Припев, то потерявший свое первоначальное значение и сохранивший лишь музыкальный, чисто звуковой характер, то подчеркивающий и лирически осмысляющий действие и варьирующийся в зависимости от содержания отдельных строк» [1, с. 221]. Рефрены построены в форме параллели, что является неотъемлемым свойством народной лирики. Например, «цветочные» рефрены: алая роза, зеленеющий лес символизируют любовь» [4, с. 123-124]: "As the dew flies over the mulberry tree" [2, с. 68]. Междометия в роли рефренов также несут в себе некий смысл, например, в балладе "Edward" междометия «О» усиливает трагизм описываемых событий [2, с. 32].

Главным предметом повествования баллад с преобладанием лирического начала является любовь, которая изображается как сущность всего бытия. Однако именно такое чувство приводит героев к трагической развязке ("The Douglas Tragedy", "May Colvin", "Sheath and Knife", "Sweet William's Chost"). М. Мерилай отмечает, что лирическое начало является «финальным, фиксирующим и формирующим ...» [6, с. 9].

Баллада тяготеет и к драматической форме. Мы уже отмечали, что во многих балладах диалог является основной формой повествования. По мнению В. Проппа, это особенность композиционной структуры объясняется неспособностью средневекового типа мышления к абстракции [7, с.150]. В большинстве таких баллад мотивы действий героев не указываются, так как для этого еще не были выработаны художественные средства [7, с. 53]. Все поступки в балладах совершаются во имя любви, герои могут быть охвачены ненавистью или ревностью, иными словами, их деяния психологически обоснованы.

Говоря о чертах драматического жанра в балладе, нельзя обойти вниманием возможность ее инсценировки. Именно драматичность и диалогическая форма повествования позволяли представить описываемые события в нескольких вариантах ("The Maid Freed from Gallows" «Девушка, спасенная из петли»). Стоит заметить, что с течением времени все баллады обрастали вариантами. Будучи созданными авторами – певцами из народа или профессиональные менестрелями, баллады передавались от поколения к поколению. Как следствие тексты баллад претерпевали изменения. Участие народа, «видоизменяющего и перепевающего в устном предании дошедшую до его слуха балладу», оказывается доминирующим над индивидуальным началом [5, с. 101]. Драматическое начало принято считать основополагающим в жанре баллады, так как именно на нем основан конфликт, характерный для балладного жанра.

Конечно, с течением времени соотношение эпоса, лирики и драмы изменялось в жанре баллады, этот процесс был обусловлен течением времени и запросами общества. Сначала истории развития балладного жанра доминирующим являлось эпическое начало. Позднее баллады утратили ярко выраженную связь с эпосом. Драматическое начало отражено в динамическом конфликте. С течением времени черты лирической традиции начали превалировать, что явилось результатом изменения уклада жизни и роста индивидуальности. Именно вследствие обобщения всех родовых особенностей в одном жанре стало возможным полное отражение действительности.

Список литературы

1. *Алексеев М.П.* Народные баллады Англии и Шотландии // История Английской литературы. – М.-Л. Изд-во АН СССР, 1943. – Т. 1 С. 218-233.
2. Английская и шотландская народная баллада: сборник на английском языке с параллельным русским текстом / сост. *Л. М. Аринштейн*. М.: Радуга, 1988. 512 с.
3. *Веселовский А.Н.* Историческая поэтика. – М.: Высшая школа, 1989. – с. 98
4. *Елина Н.Г.* Развитие баллады // Английские и шотландские баллады. – М.: Наука, 1973. – С. 104-131.
5. *Жирмунский В.М.* Английская народная баллада // Английские и шотландские баллады. – М.: Наука, 1973. – С.87-103
6. *Мерилай А.* Вопросы теории баллады. Балладность // Ученые записки Тартуского Университета, вып. 879, 1990. – С. 3-15.
7. *Пропп В.Я.* Поэтика фольклора. – М.: Лабиринт, 1998. – 352 с.
8. *Тамарченко Н.Д.* Теоретическая поэтика: Понятия и определения. – М.: Изд-во РГТУ, 2001. – 467 с.

10.02.00

И.А. Борисенко канд. филол. наук, И.В. Уварова канд. филол. наук

ФГБОУ ВО Кубанский государственный медицинский университет
Министерства здравоохранения Российской Федерации,
стоматологический факультет, кафедра лингвистики
Краснодар, ksma-lingua@mail.ru

ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕКУЛЬТУРНЫХ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА

Возросший интерес к языковой картине мира при обучении иностранному языку продиктован современной практикой общения. Дидактическая коммуникативность становится одним из ведущих аспектов, так как предполагает формирование профессиональной направленности, когда на первый план выступает овладение иностранным языком как специфической профессионально-коммуникативной деятельностью.

Ключевые слова: *коммуникация, профессиональная компетентность, иностранный язык.*

В эпоху глобализации во всех сферах общественной жизни неотъемлемой частью становится знание иностранного языка. Все более явно возрастает роль личных контактов людей, межнациональной коммуникации, которая требует знания иностранного языка. Иностранные языки становятся одним из главных факторов социального, экономического и общекультурного прогресса общества. Иностранный язык выполняет огромную роль в формировании личности и повышении уровня образованности. С его помощью можно получить возможность непосредственной коммуникации с представителями разных стран и народов.

Учебным планом предусмотрено не такое большое количество часов, отведенных на изучение иностранного языка. После поступления в аспирантуру изучать иностранный язык приходится практически заново, а он необходим не только для сдачи кандидатского минимума, но и для чтения литературы по специальности.

В процессе обучения английскому языку студенты сталкиваются с определенными трудностями.

1. Словообразование. В английском языке новые слова образуются следующими способами:

а) словосложением, например, headache – головная боль: голова head + ache боль;

б) аффиксацией, например, to found основывать – founder основатель, to read читать – reader читатель; и приставок, to write писать – rewrite переписать, to act действовать – to react воздействовать;

в) конверсией, например, to help помогать – the help помощь, to work работать – the work работа.

2. Ударение. Большинство слов в английском языке двусложные. Они имеют ударение на первом слоге, например, 'second, 'common. В трех- и четырехсложных словах, как правило, ударение падает на третий слог от конца слова. Например, 'family, 'medicine. Если слово состоит из пяти и более слогов, то оно имеет два ударения: главное – на третьем слоге от конца, а второстепенное – через слог от ударной гласной. К примеру, «чувствительность» [,sensɪ 'tɪvɪti], «одновременный» [,simul'tæniəs].

3. Многозначность слов. Например, глагол to apply имеет значения: «обращаться; прилагать; применять, употреблять»; существительное attendance переводится как «присутствие, посещение; уход, обслуживание»; прилагательное defective может переводиться как «несовершенный; недостаточный, неполный; неисправный, поврежденный, дефектный». Выбрать правильный вариант перевода можно только исходя из контекста.

4. В английском языке довольно часто существительное употребляется в функции определения без изменения своей формы. Трехсловное составное наименование «существительное + существительное + существительное» вызывает затруднение при переводе, поскольку существительные стоят подряд. Приведем пример: *skull traction tongs* – петля Глиссона (для вытяжения при переломе шейных позвонков), *tissue oxygen tension* – давление кислорода в ткани, *split dose technique* – метод дробления (метод расщепления) дозы. В этой конструкции третье существительное является главным, а два предыдущих – определениями к нему.

5. Порядок слов в предложении. Для английского предложения характерен устойчивый порядок слов. В простом распространенном предложении подлежащее стоит до сказуемого, за сказуемым следует дополнение, а обстоятельство находится после дополнения. В русском языке благодаря наличию падежных окончаний мы можем переставлять члены предложения, при этом основной смысл высказывания не меняется. Для примера возьмем предложения: *Студенты изучают биологию и химию и Биологию и химию изучают студенты*. В английском языке такие перестановки сделать невозможно. Если в предложении *The students study biology and chemistry* подлежащее и дополнение поменять местами, то получится бессмысленное предложение: *Биология и химия изучают студентов*. Это произошло потому, что слова *biology* и *chemistry* попали на первое место и стали подлежащим - активным деятелем предложения, а слово *students* стало дополнением и превратилось в объект действия.

6. Использование артиклей. Существительные, которые обозначают предметы и которые можно сосчитать, имеют в единственном числе неопределенный артикль **a (an)**. Если существительное имеет определение, то артикль ставится перед определением. Когда речь идет о предмете, который ранее упоминался и уже известен говорящему, то употребляется определенный артикль **the**. Если перед существительным стоит притяжательное или указательное местоимение, то артикль не ставится. Например, *my book, this pen*.

7. Интернациональные слова. Как известно из курса латинского языка, латынь повлияла на формирование многих европейских языков, в том числе и английского. Около 60% слов в английском языке имеют латинские корни. Знание основных латинских корней и их значений существенно расширяется словарный запас. Мы пользуемся латинизмами, когда речь идет об организации обучения, учебном процессе, о преподавании наук: *институт (institutum)*, лекции (*lectiones*), *студенты (studentes)* и многие другие. В области медицины также употребляются латинские термины такие, как доктор (*doctors*), инфекция (*infection*), рецепт (*rescriptum*). Много латинских терминов используется в общественных науках, например: класс (*classis*), культура (*cultura*), термин (*terminus*).

8. В английском языке существует немногочисленная группа интернациональных слов одинаковых по произношению или написанию, но разных по своему смысловому значению. Это, как правило, приводит к неправильному переводу и искажает смысл предложения. К примеру, слово *data* переводится как *данные*, а не «дата» (в значении *data* используется слово *date*); *delicate* - *тонкий, хрупкий*, а не «деликатный»; *family* - *семья*, а «фамилия».

9. Следует помнить о том, что одни и те же слова английского языка могут быть названиями окружающих нас предметов, частей тела, могут являться одновременно и существительными, и глаголами. При этом значения существительного и глагола должны перекликаться:

a hand рука – *to hand* вручать, передавать

air воздух - *to air* проветривать

display показ, выставка - *to display* выставлять, показывать

10. В английском языке есть неличная форма глагола, которая называется герундием. Такая категория отсутствует в русском языке. Его использование позволяет избежать употребления массивных придаточных предложений. Герундий – это существительное с окончанием «ing», которое образовано от глагола и обозначает название процесса. Функции герундия в предложении разнообразны. Герундий может быть подлежащим, частью

сказуемого, дополнением, определением, обстоятельством. Например, *The patient needs examining at once*. Больной нуждается в срочном *обследовании*;

There are different methods *of treating* this disease. Существуют различные способы *лечения* этого заболевания.

Как показывает практика, в настоящее время значительно возрос интерес к изучению иностранного языка в медицинской среде. Это обусловлено уровнем оказания лечебно-оздоровительных и реабилитационных услуг за рубежом. Также это дает возможность студентам пройти стажировку в зарубежных клиниках. Достаточно высокий уровень владения медицинской терминологией на иностранном языке на сегодняшний день является самой актуальной проблемой. Английские медицинские тексты имеют свою специфику. Не каждый студент может правильно перевести английский медицинский текст на русский язык. Английский медицинский текст следует переводить осмысленно с использованием глубоких знаний по данной дисциплине. Английские медицинские тексты имеют научную направленность. С одной стороны, в таких текстах можно встретить общенаучную лексику, а с другой стороны, в этих текстах имеется большое количество специальных терминов, сокращений и аббревиатур. Чтобы правильно переводить такие тексты, необходимо иметь глубокие знания в сфере медицины. Сокращениями часто обозначаются названия медицинских процедур (УЗИ, ЭКГ, ФЛГ), названия некоторых болезней (СПИД, ДЦП, МДП), наименования возбудителей инфекционных заболеваний (ВИЧ), названия лекарств и медицинских препаратов. Текст медицинской направленности часто не понятен людям, которые не связаны с медициной. Не всегда легко распознать, что ДЦП – это детский церебральный паралич, МРТ – это магнитно-резонансная томография, а МДП – маниакально-депрессивный психоз.

В заключении хотелось бы отметить, что изучение иностранного языка – это непрерывный процесс получения знаний, без которых не обойтись в современном мире. Вот почему очень важно изучать языки – ведь это огромный скачок в развитии не только на профессиональном уровне, но и личностный рост индивида, благодаря которому повышается образованность и увеличивается круг интересов, побуждающий к саморазвитию [2, с. 348].

Список литературы

1. *Борисенко И.А., Уварова И.В.* Роль мотивации в изучении иностранного языка в неязыковом вузе. / И.А. Борисенко, И.В. Уварова // *Казанская наука*. – № 4, 2016. – С. 65.
2. *Яковлева Н.А.* Роль языка в формировании личности человека. / Н.А. Яковлева // *Вопросы гуманитарных наук*. – № 3, 2007. – С. 347-349.

10.02.00

Н.В. Горохова канд. филол. наук

Российский государственный университет нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина,
факультет гуманитарного образования, кафедра иностранных языков,
Москва, n.gorokhova@nxt.ru

КАТЕГОРИАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЗНАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПОДЪЯЗЫКА ТРУБОПРОВОДНОГО ТРАНСПОРТА)

На материале английского подъязыка трубопроводного транспорта в статье анализируются особенности категориального членения профессиональных представлений о конъюнктуре познания. В качестве параметра хранения такой информации используется динамический фрейм, структура которого включает в себя значимые семантические координаты, относящиеся к исследуемому разделу практической профессиональной сферы деятельности.

Ключевые слова: *динамический фрейм, категориальный узел, категориальная сетка, профессиональное знание, вершинный слот, терминальный слот.*

Совокупность знаний определенного общества об окружающей действительности, его коллективное мировоззрение, присущее только данному этносу, использующего для коммуникации один язык, что обусловлено культурными, историческими или географическими особенностями развития, составляют и определяют его языковую картину мира. Учеными признается двойственность существования внутреннего и внешнего содержания, а именно, концептуальной картины и его внешней оболочки – языковой картины мира [1]. Основным направлением исследования в современной лингвистической парадигме когнитивной науки является изучение ментального содержания через его объективацию, что позволяет рассматривать такое явление как языковая картина мира в виде системы вербализованных знаний, в которой отражен способ концептуализации действительности [11, 12].

Профессиональные представления человека варьируются в зависимости от области их применения; они входят в языковую картину мира и реализуются в профессиональном дискурсе, т.е. «вербально опосредованном коммуникативном пространстве как процесс контролируемого взаимодействия субъектов профессиональной деятельности, характеризующийся определенным комплексом норм, стереотипов мышления и поведения» [14: 32], при этом «специфика профессиональной коммуникации определяется содержанием самой профессионально-трудовой деятельности» [14: 154], т.е. связано с отдельной предметной областью. Картина мира, зафиксированная в профессиональном языке, включает в себя эти научные знания.

Концептуальное структурирование научно-профессионального знания можно представить в виде значительных информационных сгустков, которые необходимы автору сообщения для изложения какого-либо положения дел [13]. В некоторых источниках эти сгустки рассматриваются как категориальные координаты – рубрики, свидетельствующие об универсальности применительно любого процесса мышления [2: 53]. Накапливая опыт, созная новую информацию, объективируя ее с помощью языковых средств, человек создает своеобразную категориальную сетку, представленную такими координатами.

Традиционно для изучения ситуации пространственно-временного континуума исследователи применяют следующие форматы ментальных координат: «ментальная модель» [8: 148], «скрипт» [15: 134], «событийный концепт» [10: 29, 13: 145], «фрейм» [14: 19], «сценарий» [4: 33], «схема» [9: 15], «динамический фрейм» [5: 775].

Обращаясь к исследовательскому опыту фрейма в когнитивной лингвистике, нужно отметить, что теоретическая основа развития концепции анализа профессионального знания осуществляется на базе фрейма, который обладая внутренней обобщенной структурой, содержит в своем составе слоты, отражающие информацию о неязыковой ситуации. Структуру фрейма можно схематично представить в виде дерева, на вершине которого

находится прото-информация, а на нижних уровнях – слоты (терминальные узлы), конкретизирующие данный фрейм, прибавляя данные о новой ситуации [9: 33]. Являясь относительно самостоятельной когнитивной единицей, фрейм включает в себя набор слотов, коррелирующих с глобальными рубриками человеческого опыта – категориями (субъект, объект, предмет, место, время, пространство, и т.д.).

Термин «динамический фрейм» определяется познавательной активностью индивида, особого рода процессуальностью и представляется оптимальным форматом хранения данных о когнитивной ситуации, т.к. в нем заложен не только принцип слотового строения, но и деятельность, необходимая для процесса познания. В языковом плане фрейм может быть по-разному объективирован: как в форме одного слова, так и в виде словосочетания, предложения или связного текста. Процессуальность же реализуется на языковом уровне в виде прямого указания на действие. Совокупность терминальных слотов отражает характерные для когнитивной ситуации категориальные узлы, обнаружение которых осуществляется путем членения языкового фрагмента на значимые элементы, анализа их лексического значения и толкования их общего смысла на фоне цельного языкового фрагмента с учетом его прагматической специфики.

Попытки выявления категориальных узлов как рамки ситуации на материале научных текстов различных специальностей имеют свою историю [2, 3, 5, 11, 14]. Анализ специальной литературы с учетом специфики функционирования терминов в научном дискурсе [6, 10, 12, 13, 16] выявил доминирующую роль терминологических единиц в научно-профессиональном тексте. Любой терминофрагмент, или отрывок специального текстового массива, описывающий когнитивную ситуацию, содержит термины, номинирующие объекты профессиональной действительности. Терминологическая единица, выступая в роли центрального элемента высказывания, существует в минимальном достаточном контексте, в котором реализуется ее когнитивно-эвристический потенциал. Такой контекст, представленный зачастую формой одного предложения, следует считать коммуникативной единицей, необходимой для понимания предметной ситуации и ее полной реконструкции.

Субъект или объект познания, событие или действие, инструмент или его признак, способ познания, цель, результат или реакция, являются наиболее ценными категориальными узлами динамического фрейма когнитивной ситуации. Представленные категории (координаты) можно обозначить как высшие слоты динамического фрейма, составляющие его идеальную структуру, и отражающие стереотипную модель ситуации познания. Посредством объективации научных и профессиональных знаний и, благодаря концептуальным признакам, вершинные слоты приобретают статус терминальных.

Понятие категоризации человеческого опыта является фундаментальным положением в характеристике профессиональной деятельности. Категоризация воспринятого – это главный способ придать поступающей к человеку информации упорядоченный характер, систематизировать и, главное, рассортировать увиденное, услышанное и т.п. [11: 10]. Посредством перекатегоризации осуществляется множественность видения профессионального объекта: он может быть представлен в динамическом и статическом аспектах, в абстрактном и конкретном виде, в нем могут быть выделены разные стороны, грани, свойства.

Понятийно-категориальная классификация применительно терминологического пространства прикладной сферы представлена такими центральными категориями, как: 1) материалы, вещества, их формы и виды; 2) процессы; 3) оборудование; 4) качество; 5) величины; 6) теории; 7) профессии [8: 104-105]; 8) предметы; 9) явления; 10) свойства [5: 102]; 11) состояния; 12) режимы; 13) единицы измерения и др. [9: 14].

Названные категории охватывают весь круг вершинных слотов фрейма когнитивной ситуации (профессиональных объективаций); посредством их взаимодействия осуществляются процессы интерпретации тех или иных профессиональных категориальных узлов. Представляется важным продемонстрировать категориальное членение действительности на примерах 1, 2 (таблицы 1, 2), отражающих профессиональные представления человека в области трубопроводного транспорта:

Пример 1: 1) Oil pipelines are made from steel or plastic tubes with inner diameter typically from 4 to 48 inches. 2) Most pipelines are typically buried at a depth of about 3 to 6 feet. 3) To protect pipes from impact, abrasion, and corrosion, a variety of methods are used. 4) These can include wood lagging, concrete coating, rock shield, high-density polyethylene, imported sand padding, and padding machines [7].

Пример 2: 5) The oil is kept in motion by pump stations along the pipeline, and usually flows at speed of about 1 to 6 meters per second. 16) Multi-product pipelines are used to transport two or more different products in sequence in the same pipeline. 7) Usually in multi-product pipelines there is no physical separation between the different products. 8) In fact, the largest pipeline stretches more than 200,000 miles is located in the US [7].

Таблица 1 - Реконструкция динамического фрейма (пример 1)

Вершинные слоты	Терминальные слоты			
	1	2	3	4
объект	pipelines	pipelines	pipes	lagging, coating, shield, polyethylene, padding, machines
признак объекта	oil	most	-	wood, concrete, rock, high-density, imported, sand, padding
инструмент / средство	tubes		methods	-
признак инструмента / средства	diameter		-	-
величина	-	depth	-	-
признак признака инструмента / средства	inner	-	-	-
материал	steel, plastic	-	-	-
результат	-	-	impact, abrasion, corrosion	-
единицы измерения	inches	feet	-	-

Таблица 2 - Реконструкция динамического фрейма (пример 2)

Вершинные слоты	Терминальные слоты			
	5	6	7	8
объект	oil	pipelines	pipelines	pipeline
признак объекта	-	multi-product	multi-product	largest
предмет	-	products, pipeline	products, separation	-
признак предмета	-	different, same	different, physical	-
место	along the pipeline	-	-	the US
время	second	-	usually	-
процесс	in motion	in sequence	-	-
действие	-	-	-	stretches, is located
средство	stations	-	-	-
величина	speed, meters	-	-	miles
цель	-	transport	-	-

Для случаев, отображающих элементы профессионального знания в когнитивной ситуации, характерным является наличие таких координат как «субъект», «объект», «предмет», «средство» и «результат». Признаки познаваемого объекта уточняются в основном прилагательными, а «средство», в свою очередь, конкретизируется. В когнитивной ситуации, зафиксированной во всех предложениях профессиональной сферы, присутствуют все основные объективации вершинных слотов фрейма. Следует заметить, что часть познавательных функций в профессиональном знании выполняют специальные машины, приборы, что находит свое отражение в языке.

Согласно современному направлению развития научной мысли человек, помещенный в центр исследовательского интереса, воспринимается как носитель концептуальных структур, выраженных в языке, где неминуемо проявляются закономерности научно-профессионального моделирования мира. Отраженная в сознании когнитивная ситуация представляет собой единицу уровня ментального кодирования, рассматриваемая в качестве

динамического фрейма. Эта информационная структура, суть которой сводится к осознанию человеком способа получения знания, включает в себя значимые сгустки категориального смысла или так называемые вершинные слоты, которые видоизменяются в зависимости от описываемого положения дел и других факторов, приобретая статус терминальных.

Анализ специфики членения научного типа знания показал, что категориальные узлы в них соответствуют профессиональным объективациям, отражающих специальные представления человека. Наиболее часто вербализуемыми вершинными слотами динамического фрейма ситуации познания являются субъект, объект, инструмент, действие, результат и предмет. Для профессиональных представлений типичным условием является потребность объективации информации об инструменте познания, его цели и т.д. Структурирование научно-профессионального знания может варьироваться в зависимости от цели коммуникации и сферы его реализации. Проведенное исследование говорит об универсальности категориальной сетки, с помощью которой упорядочивается научный и профессиональный опыт человека. Особенность профессионального знания, однако, заключается в необходимости точной вербализации результатов.

Список литературы

1. *Абрамова Ю.С., Ларина Ю.А.* К вопросу «о картине мира» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 11(77): в 3-х ч. ч. 1. с. 55-59.
2. *Болдырев Н.Н.* Когнитивная семантика. Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001. 123 с.
3. *Бондарко А.В.* К вопросу о перцептивности // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 276-282.
4. *Голованова Е.И.* Профессиональный дискурс, субдискурс, жанр профессиональной коммуникации: соотношение понятий // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. №1 (292). С. 32-35.
5. *Горохова Н.В.* Современные подходы когнитивных исследований терминологии // Концептуальные и семантико-грамматические исследования: памяти проф. Е.А. Пименова: Сб. науч. статей: М.: ИЯ РАН, 2011. Серия «Филологический сборник». Вып. 11. С. 772-778.
6. *Горохова Н.В.* Англоязычная терминология трубопроводного транспорта в социолингвистическом освещении: дисс. ... канд. филол. наук. Омск: ОмГТУ, 2012. 208 с.
7. *Горохова Н.В., Кубышко И.Н.* Прикладная лингвистика (трубопроводный транспорт) : учеб. пособие. Минобрнауки России, ОмГТУ. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2017. 152 с.
8. *Джонсон-Лэрд П.Н.* Ментальные модели // Когнитивные исследования в языковедении и зарубежной психологии. Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2001. С.148-149.
9. *Заруднева Е.А.* Компаративные конструкции в лингвокогнитивном аспекте: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2007. 215 с.
10. *Кручинкина Н.Д.* Когнитивный и языковой аспекты формирования событийных концептов // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. Вып. 2. 2010. С. 27-33.
11. *Кубрякова Е.С., Демьянков В.З.* К проблеме ментальных репрезентаций // Вопросы когнитивной лингвистики. М.: Институт языкознания; Тамбов: Тамбовский гос. университет им. Г. Р. Державина. 2007. № 4. С.8-16.
12. *Лукьянченко Е.А.* К вопросу понимания ментальной репрезентации // Вестник МГИМО – Университета. 2013. № 2. С. 167-169.
13. *Печетова Н.Ю.* Интерпретация событийного концепта в медиатексте // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Амосова. 2010. №2. Т.7. С. 144-149.
14. *Ревина Ю.Н.* Фреймовая структура автомобильной терминологии немецкого языка // Динамика систем, механизмов и машин. 2012. № 4. С. 161-164.
15. *Фурс Л.А.* Синтаксически репрезентируемые концепты: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Тамбов. 2004. 370 с.
16. *Хомякова Е.Г.* Когнитивно-информационная ситуация как инструмент исследования познавательной функции языка // Перцепция. Рефлексия. Язык. Спб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2010. С. 236-250.

10.02.00

Е.И. Григорьев д-р. филол. наук, Л.Г. Карандеева канд. филол. наук

Российский государственный социальный университет,
лингвистический факультет, кафедра лингвистики и перевода
Москва, ev_grig@mail.ru, karandeevalg@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ПРОЦЕССЕ УСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Статья посвящена выявлению специфики реализации речевого воздействия в устно-речевом дискурсе. Сопоставительный анализ устной и письменной форм коммуникации позволил выявить их как общие, так и отличительные черты, а также установить, что динамичный характер устного взаимодействия определяет ситуативно обусловленную вариативность форм речевого воздействия и интралингвистическое построение устной речи, где особо важную роль для формирования прагматической направленности высказывания играет речевая просодия.

Ключевые слова: *устная коммуникация; прагматика; речевая ситуация; речевое воздействие; просодия.*

Эффективность общения в речевом воздействии рассматривается как достижение говорящим своих целей посредством общения. В зависимости от того, в какой из форм осуществляется речевое действие, отправитель выбирает наиболее адекватные способы речевого воздействия на адресата для достижения наибольшего эффекта.

Процесс вербальной коммуникации осуществляется в устной или в письменной формах, которые обладают как общими, так и отличительными чертами. Последние определяют интралингвистическое построение конкретной формы речи.

Устная и письменная формы речи не дифференцируются в отношении лежащей в их основе коммуникативной компетенции (языковой, стратегической, социокультурной). Любая форма речевого общения строится в соответствии с речевой стратегией, обуславливающей определенную последовательность действий говорящего / пишущего в соответствии с его планом или установкой. Речевые стратегии включают анализ ситуации, информирующей адресанта о психологических и социальных качествах партнера; подбор возможных вариантов речевого воздействия на него; прогноз результата.

Обращаясь к определению понятия *ситуация*, следует отметить, что различные лингвистические направления (социолингвистика, психолингвистика и т.д.) выделяют в нем свои сущностные характеристики. Для общелингвистических исследований характерна корреляция социальных, психологических и лингвистических признаков, формирующих данное явление. Обобщая имеющиеся знания о компонентах ситуации в лингвистике, социолингвистике и психолингвистике, *речевую ситуацию* можно определить как совокупность следующих факторов экстралингвистического порядка: цель и предмет (тема общения), ценностные ориентации, мотивации, интенции, социальные условия общения (сферы общения), социальный статус и ролевые отношения коммуникантов, их возраст, пол, образование, профессия, межличностные отношения интерактантов, индивидуальные особенности характера. Отметим, что данные признаки речевой ситуации, связанные с социально-прагматическими и психологическими аспектами коммуникации, могут быть в полной мере отнесены как к устной, так и к письменной форме речевого взаимодействия. *Отличительные черты* данных форм речи проявляются на уровне реализации вследствие разных условий этой реализации. В этом отношении они представляют собой две принципиально различные репрезентации системы языка. В зависимости от того, в какой из форм осуществляется речевое действие, возникают различные особенности одних и тех же типов высказываний.

Прежде всего, устная и письменная речь отличаются материальной формой реализации. При этом, как справедливо отмечает О.С. Ахманова, теоретический постулат, согласно

которому звуковая субстанция является простой переменной, что якобы доказывается возможностью перевода ее в графическую субстанцию, является неверным. Автор вводит понятие «речевого эффектора» для органов речи и определяет их как участников формирования аналитико-синтетической системы, то есть как часть анализатора, позволяющего не только проследить конец процесса, но и его формирование [3, 16-44].

В этой связи возникает вопрос о характере соотношения продуктивного и процессуального, а также деятельностного аспектов в устно-речевом и письменном типах дискурса. Ситуативные особенности процесса порождения и восприятия этих текстов являются фактором, обуславливающим не тождественность данного соотношения. Таким образом, на первый план выступает проблема выявления специфичных ситуативных признаков, характеризующих конкретную форму речи, относящихся к категории ингерентных и влияющих на развертывание коммуникативной деятельности как с точки зрения формы, состава, так и в плане содержания.

Порождение письменного текста осуществляется в связи со специфичной для него ситуацией, основными параметрами которой являются отсутствие актуального адресата и непосредственного контакта с ним, растянутость во времени, возможность вносить изменения и уточнения в уже написанное, оттачивая языковую форму выражения своих мыслей. Все это позволяет получить поверхностную текстовую структуру, в котором деятельностный аспект присутствует в глубоко скрытом от глаз получателя виде. Продуктивный аспект письменного текста доминирует над процессуальным, изучение которого зачастую требует специального лингвистического или литературоведческого анализа.

Отличительным признаком спонтанно продуцируемых диалогических текстов как наиболее естественного проявления устной речи [9; 32; 34 и др.] является неподготовленность, в результате чего планирование и продуцирование речи протекают почти одновременно. Следствием такого практически синхронного протекания двух процессов порождения речи являются следующие характерные черты этого вида речевой деятельности: построение речи происходит не путем логического развертывания, а путем ассоциативного нанизывания отдельных высказываний; эллиптичность высказываний, нарушение их грамматической структуры, стилистические неточности, наличие различного рода хезитаций [24, 103].

В устном тексте, который порождается спонтанно, вербальное означивание процесса речевой деятельности становится эксплицитным. Говорящий, в отличие от пишущего, лишен возможности выхода из временного течения речи, ее линейности. Он обязан учитывать реакцию адресата, для чего стремится установить с ним контакт с помощью целого комплекса лингвистических, паралингвистических и экстралингвистических средств. Таким образом, активизация процессуального аспекта, наблюдаемая в устном тексте, качественно меняет его внутреннюю структуру. Установка на адресата сообщения, определяемая в прагмалингвистике как «фактор адресата», обуславливает лексику и семантику, морфологию и синтаксис, стилистику и просодическое оформление устной спонтанной речи.

Обращение к процессуальной стороне устного текста акцентирует проблему его включенности в конкретный коммуникативный акт, в котором действуют реальные коммуниканты. Анализ текста приводит лингвистов к выводу о необходимости выделения в его смысловой структуре двух речевых или референтных планов. Первый отражает «события денотативной сферы» и реализует передачу «объективной» информации, а второй «представляет собой коммуникативную деятельность (или ее снятую форму)» [18, 124], объединяющую адресата и адресанта в постоянном диалектическом взаимодействии.

Для обозначения этих планов представляется целесообразным применить термины, предлагаемые Л.Л. Федоровой: речевое воздействие, объектом которого является собеседник, и коммуникативное действие, объектом которого является сообщение [28, 41].

Очевидно, что указанные речевые планы представлены в любом устном и письменном тексте. Тем не менее, в письменном тексте, продуктивный аспект которого подчиняет себе процесс, пишущий контролирует соотношение этих речевых планов, подчиняя его требованиям жанровой стилистической организации текста. Это приводит к тому, что

соотношение коммуникативного действия и речевого воздействия, наблюдаемого в письменном тексте, имеет закрытый, статичный характер.

Процессуальный аспект, доминирующий в устном тексте, значительно изменяет картину взаимодействия речевого воздействия и коммуникативного действия. Их соотношение может измениться в любой момент речи в результате изменения темы общения, непредсказуемой реакции слушающего (вопроса, ремарки, ослабления внимания с его стороны), а также в связи с какой-либо спонтанной ассоциацией, родившейся у говорящего по ходу речи, и т.д., то есть с *изменением ситуации общения*.

В терминах когнитивной лингвистики моделирование эффекта устной текстовой коммуникации представляет собой смысловое общение, «которое функционирует в механизме ментальных кодов как знаковых систем», связано с управлением процессом общения и «обладает совокупностью приемов, предназначенных специально для реализации управления общением путем *выбора вариантов*» [6, 27]. Оно зафиксировано в общем содержании текста в виде программы, алгоритма операций и соответствующих им средств.

В арсенале говорящего имеется достаточно широкий набор речевых действий, обладающих сходным функциональным назначением, но разной интенсивностью воздействия. Выбор соответствующего речевого варианта осуществляется на основании оценки ситуации, ее важности для говорящего, значимости исхода речевого взаимодействия для отправителя и адресата. Смысловое общение превращает устное словесное произведение в динамический функционирующий объект, где соотношение коммуникативного действия и речевого воздействия носит открытый характер. Данный факт определяет *ситуативно обусловленную вариативность форм речевого воздействия* в устной спонтанной речи.

Системные варианты, по мнению немецких лингвистов, чаще всего встречаются там, где частная языковая система наиболее закрыта, то есть в фонетико-фонологической области [35; 36; 37].

Под «вариативностью» в данной статье, вслед за языковедами [1; 4; 17 и др.], понимаются модификации фонетических единиц, образующих тот резерв языка, который обеспечивает гибкость и разнообразие форм выражения определенного лингвистического содержания.

Как показал анализ лингвистических исследований, наибольшим изменениям языковая форма устного речевого сообщения подвергается под влиянием социальных отношений между собеседниками, включающим их социальный статус, роль и сферу общения.

Согласно точке зрения отечественных лингвистов, которые различают социальный статус и социальные роли, последние не являются постоянными признаками индивидов. В современной социологии и социопсихологии социальные роли трактуются как нормативные формы поведения коммуникантов в той или иной конкретной ситуации [27; 29]. Ролевые отношения в действительности есть отношения между собеседниками, обладающими определенным статусом. Статус определяется как комплекс постоянных социальных признаков, характеризующих индивида: классовая и слоевая принадлежность, принадлежность к социальным институтам, профессиональным общностям, возраст, пол, образование.

Успех общения, безусловно, зависит от того, насколько правильно партнеры по общению сумели «типизировать» друг друга. Если партнер по общению не владеет способностью ролевого переключения в зависимости от ситуации общения, то сам факт общения становится невозможным. Официальный / неофициальный характер обстановки общения подчеркивает характер ролевых отношений.

Каждый язык имеет средства, «обслуживающие» разными способами социальные роли. Просодические средства используются в качестве конституирующих признаков при организации разговорного взаимодействия. При этом они находятся в тесной взаимосвязи с грамматическими и другими языковыми средствами. Исходя из того, что просодические структуры являются коммуникативно нагруженными единицами, можно предположить, что их употребление регулируется не только интенциями, эмоциями говорящего, но и в определенной степени личностью собеседника, его социальным и ситуативным ролевым статусом, уровнем взаимоотношений с говорящим.

Исследование просодии открывает широкие перспективы, позволяющие рассматривать в единстве такие различные феномены, как построение отдельных единиц, организация целых высказываний и выбор стиля общения.

Динамичный характер устной речи определяет ее особый «контекстуальный стиль» [30, 230], который изменяется в зависимости от ситуативных факторов и в связи с этим отражает закономерности отбора языковых средств. Вместе с тем важно подчеркнуть тесную взаимосвязь социальной составляющей с другими экстралингвистическими компонентами речевой ситуации. В своей совокупности они являются основой фоностилистической дифференциации устной речи.

Стилеобразующая функция просодии активно разрабатывалась в отечественной лингвистике учеными Минской фонетической школы (см. работы К.К. Барышниковой, С.М. Гайдучика, Ю.А. Дубовского, А.А. Метлюк и др.), а также западными стилистами Г. Мейнхольдом, В. Флейшером, Г. Михелем, Г. Штарке, П. Леоном, В. Сандерсом, К. Колером, Д. Джоунзом и др.

Исходя из вышеизложенного и не умаляя значения лексики и грамматики в формировании общего семантического эффекта высказывания, следует подчеркнуть весомость просодического компонента как обладающего наибольшей потенциальной варьированностью речи для достижения положительной перлокуции. Даже незначительные изменения просодических характеристик позволяют носителям языка отличать их по типу совершаемого действия: является ли оно мольбой, обычной просьбой, указанием или волевым принуждением. Изменения касаются темпа произнесения, паузации, громкости, высоты и других просодических параметров. Таким образом, ведущим средством воздействия в устной речи является ее ритмико-мелодическая организация.

Помимо формального аспекта, достижение положительного результата в общении связано, как правило, с адекватным чувственным отражением друг друга общающимися субъектами. В основе успешности процесса интеракции, по определению В. Моч, лежат следующие принципы: обоюдный интерес в решении проблемы; уважительное отношение к личности партнера; готовность к конструктивному сотрудничеству; искренность; взаимное понимание того, что совместное сотрудничество может быть осуществлено только при наличии согласия между ними [35].

Следовательно, реакция слушающего на сказанное (перлокутивный эффект) определяется двумя факторами: насколько точно говорящий выразил свое намерение и придал высказыванию ту смысловую прегнантность, которую намеревался достичь, а также тем, как адресат воспринимает высказывание, какое отношение проявляет к нему и партнеру по общению [13].

Фактор «слушающего» актуализирует исследование фонетических особенностей устных спонтанных текстов в плане их восприятия адресатом.

Восприятие – это сложный процесс приема и преобразования информации, обеспечивающий человеку отражение объективной реальности и ориентировку в окружающем мире. Как форма чувственного отражения восприятие включает обнаружение, различение отдельных признаков в объекте, выделение в нем информативного содержания, адекватного цели действия, формирование образа восприятия.

Известно, что восприятие устного и графически реализуемого текста осуществляется по-разному. Визуальное восприятие позволяет установить количество слов в предложении, это несложно осуществить, даже не зная иностранного языка, по пробелам между словами. После накопления определенного опыта без затруднений можно провести деление слов на морфемы, а последние – на буквы, соответствующие фонемам. Знаки препинания являются пограничными сигналами окончания разных отрезков речи. При чтении текста всегда имеется возможность вернуться к любому его фрагменту, чтобы уточнить правильность получаемой информации.

Аудитивное восприятие основано на иных принципах. В настоящее время принято выделять три уровня восприятия звучащей речи – сенсорный, перцептивный и смысловой [16].

Устный текст воспринимается как целостный ритмизированный речевой поток, расчленяемый время от времени паузами, а на некоторых участках, релевантных в смысловом отношении, преломлением тона. Фонетическая форма «...в своем произносимом линейном потоке трансформирует единицы других уровней языка в «блоки слов», лексикализует их, связывает в члены фразы, прерывает их, делает главными и второстепенными» [5, 457]. Итак, если содержание письменного текста устанавливается на основе его пословной расшифровки, то устный текст воспринимается глобально, единицами могут быть как короткие слова, состоящие даже из одного звука (например, междометия), так и многословные сочетания, при этом время восприятия ограничено темпом произнесения.

Текстообразующие функции просодии, таким образом, обнаруживают корреляцию с присущими ей фундаментальными функциями связи и членения, что дает основание интерпретировать соответствующие просодические формы в терминах маркированности / немаркированности. М. Зелтинг в этой связи пишет, что просодия используется как средство создания и сигнализирования когезивных отношений при организации речевых действий и как средство создания обоюдной основы взаимодействия [37].

Особенностью разговорной речи, как отмечает Р.К. Потапова, является тенденция к преобразованию значения функции над значением структуры, то есть превалирование семантического плана высказывания над синтаксическим [24, 104]. Смысл устного текста интегрируется по ходу развития ремы в соответствии с конкретной ситуацией. Смысловые связи, в отличие, например, от грамматических, не заданы заранее, и их надо найти и интегрировать [15, 81]. Когда возникает трудность в понимании смысла и значения лингвистической формы, внимание адресата переключается на звуковые формы. Они продолжают восприниматься как средства выражения значения. Информация, которая получается в результате анализа звуковой организации высказывания, значительно обогащает его смысловое содержание (Р.К. Потапова выделяет следующие фонетические сигналы, служащие для повышения эффективности языкового кода: сигналы диалектного, социолектного, профессионального, стилистического и эмотивного поведения [24, с. 107]).

Взаимодействие формального синтаксиса и просодии в процессуальной структуре устного текста может быть описано в терминах положительной (однаправленное и взаимодополняющее взаимодействие) и отрицательной (конфликтное и разнонаправленное взаимодействие) корреляции. Динамика их взаимодействия заключается в перераспределении функциональных «обязанностей»: диффузность синтаксической структуризации активизирует сегментирующие возможности просодии, реализация которых способствует усилению деструктурирующих тенденций в устном синтаксисе, частично нейтрализуемых интеграционными процессами на просодическом уровне [7].

Имеющие место случаи несовпадения фонетических и структурных (синтаксических) единиц, в частности их число и характер, могут быть использованы в качестве признаков, обуславливающих принадлежность анализируемого текста к определенному фоностиллю, а также служить в качестве сигналов о подготовленности речи, степени ее апеллятивности и различной прагматической ориентации звучащего текста [12; 13; 16; 20; 21; 23; 33 и др.].

Прагматическое направление в исследовании просодических единиц является в настоящее время одним из приоритетных в фонетике [9; 13; 17; 19; 22; 30; 39; 38 и др.]. Рассматривая иллокутивное намерение как один из компонентов смысла текста или высказывания, большинство авторов считает, что прагматическая функция просодии представляет собой один из аспектов семантической функции.

Так, Е.В. Соловьева прагматическую функцию просодии определяет как действие просодических средств в осуществлении процесса интеграции и смысла текста и рассматривает ее как одно из проявлений коммуникативной функции языка. Данная функция выступает, таким образом, как функция выражения иллокутивных макро- и микроактов [25, 68].

Роль просодии в формировании прагматических типов высказываний, по мнению И.Е. Галочкиной, заключается в том, что, выражая логико- и эмоционально-модальные значения (плоскость семантики высказывания), просодия способствует формированию общего

коммуникативного содержания высказывания, обеспечивающего характер выполняемой высказыванием функции (плоскость прагматики высказывания) [11, с. 158].

Таким образом, просодия придает устному высказыванию имплицитный семантический фон, который в письменной речи может быть выражен только лексико-синтаксическими средствами. Данное обстоятельство позволяет сделать вывод в пользу семиотического характера просодии речи.

Итак, специфика устного текста по сравнению с письменным текстом заключается в доминанте процессуального аспекта над продуктивным; в открытом, динамичном характере взаимодействия речевого воздействия и коммуникативного действия, определяющем такой отличительный признак устной спонтанной речи, как *ситуативно обусловленная вариативность форм речевого воздействия*. Все эти моменты теснейшим образом связаны с особенностями интралингвистического построения устной речи: деструктурирующие тенденции в синтаксисе, активизация прагматических и стилистических возможностей просодии облегчают внедрение говорящего в собственный текст, помогают с помощью средств просодии воздействовать на слушающего.

Экспериментально-фонетические исследования, имеющие стилистическую и прагматическую направленность, показывают, что в устной речи только просодическая информация обеспечивает реализацию указаний, помогающих исключить многозначность структур и выявить ошибочность решений. Просодическая «корректность», как отмечает Й. Райт, является не только частью «хорошего языкового акцента», но и важной предпосылкой функционирующей, свободной от недоразумений коммуникации [36].

Обобщая вышесказанное, следует отметить, что в диалоге как наиболее естественной форме спонтанной речи проявляется все многообразие языковых средств, так как информация передается одновременно по нескольким каналам: словесному, просодическому, мимико-жестикулярному, ситуативно-предметному. Определенные действия (приказывать, выражать сомнение, радость, негативную оценку факта или события и т.д.) выполняются при помощи стандартных языковых выражений – ситуативных высказываний. Для них характерны краткость, простота синтаксического построения, наличие указательных элементов, связывающих их с ситуацией общения, тесная связь с паралингвистическими компонентами ситуации. Актуальным в этой связи представляется дальнейшее изучение прагматического аспекта функционирования языковых единиц в устно-речевом дискурсе.

Список литературы

1. *Артемов В.А.* Речевая интонация // Экспериментальная фонетика: сб. науч/ тр. Минск, 1971. – С. 196-214.
2. *Арутюнова Н.Д.* Фактор адресата // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. М., 1981. Т. 40. № 4. – С. 356-367.
3. *Ахманова О.С.* Фонология, морфонология, морфология. М.: Высшая школа, 1966. – 107 с.
4. *Барышникова К.К., Гайдучик С.М.* О просодических единицах речи // Экспериментальная фонетика: сб. науч. тр. Минск, 1972. – С. 3-17.
5. *Барышникова К.К.* О типологии исследований просодии // Лингвистическая интерпретация результатов экспериментально-фонетических исследований речевого текста: сб. науч. тр. Минск, 1977. – С. 19-22.
6. *Брандес М.П.* О текстовой вариативности // Вестник МГЛУ. 2004. Вып. 482. – С. 23-32.
7. *Бубнова Г.И., Гарбовский Н.К.* Письменная и устная коммуникация: синтаксис и просодия. М.: Изд-во МГУ, 1991. – 198 с.
8. *Будагов Р.А.* Введение в науку о языке. М.: Просвещение, 1965. – 491 с.
9. *Волошинов В.Н. (Бахтин М.М.)* Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке. М.: Высшая школа, 1998. – 192 с.
10. *Гайдучик С.М.* Типология речевых высказываний // Экспериментальная фонетика: сб. науч. тр. Минск, 1972. – С. 46-67.

11. Галочкина И.Е. Роль интонации в формировании прагматических типов высказываний (на материале англ. яз.): Дис. ...канд. филол. наук. М., 1981. – 167 с.
12. Григорьев Е.И., Тычинина В.М. Семантическое функционирование речевой просодии // Функциональная характеристика языковых единиц и категорий: сб. науч. тр. Днепропетровск, 1988. – С. 38-41.
13. Григорьев Е.И. Основы фонопрагматики немецкого языка: монография. Днепропетровск: Навчальна книга, 1997. – 169 с.
14. Дейк Т.А. ван. Язык, познание, коммуникация. М.: Прогресс, 1989. – 310 с.
15. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982. – 159 с.
16. Златоустова Л.В., Потапова Р.К., Трунин-Донской В.Н. Общая и прикладная фонетика. М.: Высшая школа, 1986. – 303 с.
17. Кодзасов С.В., Кривнова. О.Ф. Общая фонетика. М.: РГГУ, 2001. – 592 с.
18. Колишанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. М.: Наука, 1984. – 175 с.
19. Ленца Д.Л., Соловьева Е.В. Фонетика в аспекте прагматики. Кишинев: Штиинца, 1989. – 98 с.
20. Нурахметов Е. Проблемы супraseгментной фоностилистики (на материале фр. яз): дис. ...д-ра филол. наук. М., 1997. – 235 с.
21. Потапова Р.К., Блохина Л.П. Средства фонетического членения речевого потока в немецком и русском языках. М.: Наука, 1986. – 217 с.
22. Потапова Р.К. Фонетические средства оптимизации речевого воздействия // Оптимизация речевого воздействия: сб. науч. тр. М., 1990. – С. 199-209.
23. Потапова Р.К. Коннотативная паралингвистика. М.: Триада, 1997. – 69 с.
24. Потапова Р.К. Речь: коммуникация, информация, кибернетика М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 568 с.
25. Соловьева Е.В. Прагматическая функция интонации: Дис. ...канд. филол. наук. М., 1983. – 217 с.
26. Торсуев Г.П. Константность и вариативность в фонетической системе. М.: Наука, 1977. – 125 с.
27. Тощенко Ж.Т. Социология: Общий курс. М.: Прометей, 1999. – 511 с.
28. Федорова Л.Л. Типология речевого воздействия и его место в структуре общения // Вопросы языкознания. 1991. № 6. – С. 46-51.
29. Харчева В. Основы социологии. М.: Логос, 1997. – 304 с.
30. Черная А.В. Просодические характеристики речевых актов группы «ветотивы»: дис. ...канд. филол. наук. Тамбов, 2002. – 191 с.
31. Шевченко Т.И. Социальная дифференциация английского произношения. М.: Высшая школа, 1990. – 122 с.
32. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. – 428 с.
33. Яковлева Э.Б. Специфика сегментации спонтанной речи и коммуникативная значимость хезитаций // Международная конференция «Теория и практика речевой коммуникации»: тез. докл. М., 2004. – С. 160-173.
34. Motsch W. Illokutionstypen und sprachliche Äußerungen // Sprache und Pragmatik: Arbeitsberichte. Lund, 1994. Nr. 34. – S. 1-25.
35. Müller A. Die Macht der Stimme. Tübingen: Niemeyer, 1997. – 198 S.
36. Raith J. Prosodie: Englisch als Fremdsprache, Deutsch als Basissprache // Die Neueren Sprache. 1986. Bd. 85, Nr. 5/6. – S. 478-496.
37. Selting M. Prosodie im Gespräch. Tübingen: Niemeyer, 1995. – 369 S.
38. Wunderlich D. Der Ton macht die Melodie: Zur Phonologie der Intonation des Deutschen // Intonationsforschungen. Tübingen, 1988. – S. 1-40.

10.02.20

Д.А. Демидкина канд. филол. наук, И.В. Марзоева канд. филол. наук

Казанский государственный энергетический университет,
кафедра «Иностранные языки»,
Казань, daria.demidkina1@gmail.com, arigata@bk.ru

О СООТНОШЕНИИ АСПЕКТУАЛЬНОГО И РЕФЕРЕНЦИАЛЬНО-ВРЕМЕННОГО СТАТУСОВ ВРЕМЕННЫХ ФОРМ СО ЗНАЧЕНИЕМ АОРИСТА ВО ФРАНЦУЗСКОМ, АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В статье представлены результаты сравнительно-типологического анализа функционирования временных форм с аористическим значением в языках, принадлежащих трем языковым группам: германской, романской и славянской. В отличие от традиционного подхода, в работе делается акцент не на системном употреблении вышеуказанных форм, а на выявлении того или иного их статуса в процессе функционирования в речи.

Ключевые слова: *аорист, референциальная точка, тонкальное предшествование, аспектуальный статус.*

Аорист как морфологическая категория утрачен в славянских и германских языках. Значение аориста в современном английском языке передает временная форма Past Simple, в русском языке – формы прошедшего времени совершенного и несовершенного видов, во французском языке – Passé simple.

В лингвистических кругах ведется спор о приоритете того или иного статуса аористических временных форм. Ряд специалистов полагают, что основным их значением является видовое значение совершенности действия, другие, напротив, считают, что первичным является временное значение. Мы придерживаемся точки зрения, что ведущим является референциально-временной статус аориста, что и было нами выявлено при анализе функционирования форм со значением аориста в английском, французском и русском языках.

Во французском языке совершенность и несовершенность выражаемого Passé simple действия зависит от акциональной семантики глагола, другими словами, от его предельности или неопределенности. Семантика предельного глагола сочетается со значением самой временной формы Passé simple, которая представляет действие как целостное, законченное, и действие мыслится как совершенное.

Le 30 janvier 1995, à 17 h 30 par un froid très rude, nous nous *rendîmes* à pied dans le Marais, l'ancien Pletrel, où vivaient Samy et Mina Perleman... (E. Abécassis. L'or et la cendre) / 30 января 1995, в 17.30 по сильному морозу, мы пешком вернулись в Марэ, древний Плетрэль, где жили Сами и Мина Пэрлемэн. В данном примере действие, выраженное Passé simple предельного глагола *rendre*, представлено как законченное в определенный момент времени. Это констатация факта без указания на длительность действия. В данном случае, наряду с системным значением аориста представления прошлого действия как целостного и нерасчлененного, выявляется референциальное значение тонкального предшествования, поскольку действие, выраженное Passé simple, напрямую не соотносится с нулевой референциальной точкой, а отделено от нее промежутком времени, заполненным другими действиями, которые подразумеваются, но умалчиваются, на отдаленность события указывают точные даты.

Что касается неопределенных глаголов, то они в Passé simple могут обозначать более или менее длительное действие лишь при обстоятельственной обусловленности. Elle *pleura* toute la nuit / Всю ночь шел дождь.

Если же неопределенный глагол стоит в аористе без обстоятельств, то во французском языке его можно трактовать двояко: либо как глагол, который выражает значение завершенности в прошлом, либо как глагол, который выражает начинательное аспектуальное значение.

Je me promenai dans l'appartement et je suivis les nobles curieuses qui m'y avaient précédé. Elles entrèrent dans une chambre tendue d'étoffe perse, et j'allais y entrer aussi, quand elles en sortirent presque aussitôt en souriant et comme si elles eussent eu honte de cette nouvelle curiosité. (A. Dumas fils. *La dame aux camellias*) / Я прогуливался по квартире вслед за любопытными знатными дамами, которые пришли раньше меня. Они входили в комнату, затянутую душным полиэтиленом, и я шел за ними, они входили с улыбкой и складывалось чувство, что они испытывают стыд от этого любопытства. При употреблении в *Passé simple* неопределенных глаголов их основным временным значением, как и у предельных, остается значение тонкального предшествования. Так, в вышеуказанном примере действия, представленные неопределенными глаголами, одновременны и в то же время выражают значение тонкального нетаксисного предшествования относительно имплицитно выраженной вспомогательной референциальной точки, которую путем реконструирования контекста можно свести к семантическому минимуму "la visite dans la chambre / посещение комнаты".

Английская временная форма *Past Simple* представляет действие как целостное и глобальное, заключенное в определенные временные рамки. Целостность действия в претерите касается не столько внутренней завершенности процесса, достижения им предела, сколько внешних условий его протекания, его ограниченности во времени. Значение временных рамок действия в претерите представлено всегда, значение завершенности действия – не во всех случаях [2]. Это зависит от предельного или неопределенного статуса глагольной лексемы. Так, *Past Simple* предельного глагола обозначает завершенное действие, которое имело результат в прошлом, причем момент (время) окончания действия и начало существования результата является неопределенным.

At that moment, the maid came back into the room. She was carrying a letter on a small silver tray. 'What is this?' asked Mrs Albert Forrester. 'A letter,' replied the maid. 'Mr Albert Forrester said I was to give it to you when you asked for him.' (W. Maugham. *The creative impulse*) / В тот момент в комнату вошла горничная. Она несла письмо на небольшом серебряном подносе. «Что это?» - спросила Миссис Альберт Форрестер. «Письмо», - ответила горничная. «Мистер Альберт Форрестер сказал, что должна принести его, когда Вы попросите». При анализе зафразового контекста выявляется, что глагол *came*, употребленный в *Past Simple*, выражает значение тонкального предшествования относительно имплицитно выраженной вспомогательной референциальной точки, сведенной к семантическому минимуму "the conversation / разговор".

Однако форма *Past Simple* неопределенных глаголов может приобретать также качественный оттенок, то есть выражать общую характеристику субъекта, присущую ей лишь в прошлом. В данном случае неопределенные глаголы в претерите могут употребляться и без обстоятельственной поддержки. *I can't describe to you what I felt at that moment* (O. Wilde. *The picture of Dorian Gray*) / Я не могу тебе описать, что я чувствовал в тот момент.

При анализе данного примера может возникнуть ложное суждение, что форма *Past Simple* выражает значение тонкального предшествования, поскольку соотносится с глагольной формой настоящего времени. Однако при анализе расширенного контекста, который по причине его обширности, мы не приводим в данной статье, выявляется, что между моментом говорения и промежутком времени, который описывает говорящий, помещено много событий, то есть аористическая форма в данном случае также выражает значение тонкального предшествования относительно имплицитно выраженной вспомогательной референциальной точки.

В русском языке аористное значение имеют формы прошедшего времени совершенного и несовершенного видов. Существуют различные точки зрения на основную функцию форм прошедшего времени совершенного вида ввиду их двойственности. В формах прошедшего времени совершенного вида элементы перфектного значения «при отсутствии дополнительных видовых подчеркиваний мгновенности или однократности действия явно преобладают над аористическим значением», отмечал В.В. Виноградов. Однако он указывал, что иногда может «перевешивать» оттенок результата (значение перфекта), иногда прошедшего времени (аористическое значение) [1]. Трудно решить, какое из значений (перфектное или аористическое) является главным, так как они оба обуславливаются контекстом, оба характерны для прошедшего времени совершенного вида.

Однажды Бестужев *высказал* желание пробежать вместе с Анной на лыжах на соседний остров. Анна засмеялась и согласилась. Вышли они утром. В лесу было сумрачно. Сухие сосновые иглы медленно падали к их ногам. В густых чащах Анна воткнула палки в снег и остановилась (К. Паустовский. Северная повесть). В примере действия, выраженные временными глагольными формами в позиции аориста, имеют значение тонкального нетаксисного предшествования относительно имплицитно выраженной вспомогательной референциальной точки, сведенной к семантическому примитиву «прогулка на лыжах».

Формой прошедшего времени несовершенного вида часто обозначается лишь самый факт того, что действие происходило или что его не было. Действие, представленное в виде факта, изображается как бы в свернутом виде, безотносительно к фазе протекания и характеру развертывания.

Подымались мы за правое дело, вольность народную, за счастливую солдатскую долю (К. Паустовский. Северная повесть). Форме прошедшего времени НСВ, употребленной в аористическом значении, в большей мере, чем СВ, свойственно значение отдаленности действия, его отнесенности к прошлому, не связанному с моментом речи. Эта форма используется авторами для того, чтобы показать, что не единичное действие, а целый рассказ относится к периоду, не связанному с моментом речи.

В заключение всего вышесказанного можно сделать вывод, о том, что в повествовательной рамке текста временные формы с аористическим значением во всех трех рассматриваемых языках обозначают действие как нечто глобальное и целостное, выражая тем самым системное значение аориста, которое неизбежно сопровождается референциальной характеристикой тонкального предшествования. Аспектуальное же значение временных форм не всегда ярко выражено, что позволяет нам утверждать, что референциально-временной статус аористических форм является первичным по отношению к статусу аспектуальному.

Список литературы

1. Виноградов В.В. Русский язык / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1986. – С. 458
2. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка / В.Г. Гак. – М.: Добросвет, 2000. – С. 201
3. Демидкина Д.А., Марзоева И.В. Функционирование и референциальные особенности форм прошедшего времени с аористическим значением в разноструктурных языках (на примере английского, французского и русского языков)// Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2009, №8 (Ч. 2). – С. 66-68.

10.02.00

¹Л.М. Дзуганова канд. филол. наук, ²Ф.М. Ордокова канд. филол. наук,
³Л.А. Пхешхов канд. педагог. наук

¹Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М.Бербекова,
кафедра иностранных языков,

²Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет им. В.М.Кокова,
кафедра иностранных языков

³Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М.Бербекова,
кафедра русского языка для иностранных учащихся,
Нальчик, dzuganoval@mail.ru, ofatima@yandex.ru, lion0747@yandex.ru

ЧАСТНЫЕ КЛАССИФИКАЦИИ ТЕРМИНОВ ЭКОНОМИКИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

В работе представлены частные классификации, описывающие разноаспектно отраслевую терминологию. С помощью терминов из различных областей знания мы покажем их различия. В дальнейшем, применим эти положения к терминологии экономики сельского хозяйства.

Ключевые слова: терминология, классификация, термин.

Есть ряд классификаций, которые дают нам возможность описать отраслевую терминологию в разных аспектах. В настоящей статье мы обозначим эти классификации, показав наглядно их различия некоторыми терминами из различных областей знания. В дальнейшем, мы применим эти классификации и их положения к терминологии экономики сельского хозяйства.

«Часто повторяющееся в философии разделение на термины наблюдения и теоретические термины - одна из классификаций терминов, например, *синие водоросли* - это термин наблюдения, *синева* - это теоретический термин» [4, с. 8]. Такое разделение говорит нам о том, что за терминами наблюдения находятся классы настоящих объектов, в то время как за теоретическими терминами стоят абстрактные вещи, которые зависят от конкретной теории или концепции. Такое разделение подходит для выполнения решений терминологических вопросов философии, но для выполнения решений философских вопросов терминоведения следует выстроить более подробную классификацию, так как показатель абстрактности понятий, которые обозначаются «теоретическими терминами» различен: начиная философскими категориями и заканчивая специальными научными понятиями и общенаучными, так же внутри классов специальных понятий есть своя внутренняя дробная иерархия. Так, в таксономии животных и растений К. Линнея так называемые таксономические категории (не конкретные объекты) - виды, подсемейства... находятся выше таксонов. «Такая же иерархия может быть и в формальной структуре терминов. Например, в этой же системе К. Линнея названия таксонов (термины наблюдения) имеют названия таксономических категорий: *Betula pubescens* - *береза пушистая*. Но правда, в терминах других терминосистем различие терминов наблюдения и теоретических терминов внешне не заметно или показывается при помощи использования словосочетаний или сложных слов, показывающих низшие ступени иерархии: *ручная машина - пневматическая ручная машина - дисковая пневматическая ручная тила*» [2, с.78].

Еще одна классификация терминов показывает разложение терминов по так называемым языкам для специальных целей. Термины могут быть в научной области, в области техники и производства и многих других видах деятельности. По этой схеме, мы можем перечислить рубрики, которые входят в классификацию терминов по объекту терминования.

Можно рассмотреть еще одну классификацию терминов - по категории того понятия, которое обозначается термином. «Выделяются термины объектов (*млекопитающие, протокол, шайба*), процессов (*умножение, умножать, делопроизводство, компрессия*), признаков (*хладноломкость, краснота, таблетированный*), величин и их единиц (*сила тока, ампер*)» [3, с. 9-10]. Какие-то из категорий можно применять ко всем объектам (*преимущество, этап*), другие присущи специфическим областям деятельности или знаний (*тугоплавкость, молекула*). Соответственно, одни термины, которые выделяются по признаку категории понятия, оказываются в группе общенаучных или общетехнических терминов, другие попадают в группу узкоспециальных терминов.

Таким образом, может быть образовано несколько общелингвистических классификаций терминов. Это и классификация по формальной структуре термина. Здесь можно выделить: термины-слова, термины-словосочетания. Далее, это классификация по содержательной структуре, которая дает возможность показать однозначные термины (*стенмирование, шайба, яйцеклетка*) и многозначные термины, имеющие два или более значений в границах одной терминосистемы (*бюджет* - 1. форма образования и расходования денежных средств; 2. план финансовой деятельности государства; 3. централизованный денежный фонд). С точки зрения семантики можно рассматривать термины как свободные словосочетания (*личинка хруща, стержневой корень*) и устойчивые (также и фразеологические) словосочетания (*дискриминация прав человека, закон Ома*).

Можно выделить термины исконные, заимствованные, гибридные, которые состоят из элементов разных языков и международные. То есть лингвистическая классификация терминов по источнику их появления в языке.

Классификация терминов по частям речи показывает лексико-грамматический настрой: выделены термины-существительные, прилагательные, глаголы, наречия. Их, в свою очередь, подразделить на термины, обозначающие объекты, и на термины, обозначающие процессы и признаки. Например, в словаре лингвистических терминов Т.В. Жеребило рассматриваются термины-существительные, термины-причастия, термины-прилагательные: *неологизм, посессор; неодобрительный, необязательный; порождающая* [1]. Если подсчитать, то окажется, что терминов-названий признаков гораздо меньше, чем терминов-названий объектов. И они нередко рассматриваются в опредмеченном виде как, например, это видно в терминах экономики сельского хозяйства (ЭСХ).

Есть возможность рассмотреть функции терминов и в специальной деятельности. Это дают нам науковедческие классификации терминов. Кроме терминов, которые фиксируют знания, возможно выделить термины, служащие в качестве инструмента познания [7, с.74-76]. В функциональную классификацию терминов входят термины фиксации знания (*префикс*), термины-инструменты познания, среди них - термины обучения (*приставка*).

В еще одной социологической классификации - по сфере использования - выделяются универсальные, уникальные и концепциально-авторские (для одного аспекта рассмотрения) термины. Например, лингвистические термины, обозначающие явления, характеризующиеся для всех языков (*фонетика*), для какого-то одного языка или нескольких языков (*эргативность*) или только для одного подхода (*глоссематика*) [8, с. 23].

Проанализировав многочисленные тексты, где встречаются термины, мы видим, что используется классификация, показывающая высокочастотные, среднечастотные и низкочастотные термины, что является новым направлением в изучении терминов, сулящее большие перспективы их оценки [4, с. 54-57]. Также, анализ терминов в текстах дает нам возможность заметить вариативность терминов, в том случае, когда они встречаются в разных контекстах.

Для каждого исторического века возможно создание исторической классификации терминов, в которой существуют термины-историзмы, термины-неологизмы, термины-архаизмы. Эта логико-лингвистическая классификация самым тесным образом переплетается с приведенными выше классификациями терминов по объекту номинации и, при ее помощи, с перечислением типичных для данной эпохи ЯСЦ (языков для специальных целей).

Неологизмы - это показатели образующихся терминосистем, которые входят в новые ЯСЦ, историзмы напрямую работают с понятиями и реалиями бывших эпох, архаизмы - это единицы уходящих терминологий и терминосистем, которые исчезают в связи с ростом новых знаний и некоторые научные воззрения устаревают. Однако так как термины находятся в языке в качестве его лексических единиц, они могут возобновить свою жизнь в новых терминосистемах или в новом значении в уже существующей терминосистеме. Так, в последние годы возродились термины *поместье, аэробус, гимназия* и др. Такая классификация очень важна для терминологии ЭСХ из-за ее переходного характера.

Следует отметить, что данный список классификаций не окончательный. Он построен логически: от общего к частному. И таким образом, в дальнейшем, можно будет проанализировать терминологию ЭСХ и понять ее содержательные и формальные качества. Данный список может быть показан в обобщающей таблице.

Основание деления 1	Классы терминов 2
Тип обозначаемого понятия	<u>Типология терминов</u> Термины категорий, общенаучные и общетехнические термины, межотраслевые термины, узкоспециальные термины
Степень абстракции	<u>Философская классификация</u> Теоретические термины, термины наблюдения
Область знания	<u>Классификация по объекту называния</u> Научные термины, технические термины, экономические термины, административно-политические термины (термины управления, термины дипломатии, военные термины и др.), социально-культурные термины (литературоведческие термины, искусствоведческие термины, спортивные термины) и др.
Категория понятия	Термины объектов, термины процессов, термины признаков, термины величин
Содержательная структура	<u>Лингвистические классификации</u> Однозначные термины, многозначные термины, термины-свободные словосочетания, термины-устойчивые словосочетания (в том числе фразеологизмы)
Формальная структура	Термины-слова, термины-словосочетания, термины-аббревиатуры, термины-символы
Мотивированность/ Немотивированность	Полностью мотивированные, частично мотивированные (в том числе эпонимы), немотивированные, ложномотивированные
Язык-источник	Своеязычные, заимствованные, интернациональные, гибридные
Принадлежность к части речи	Термины-существительные (и субстантивные словосочетания), термины-глаголы, в том числе причастия, термины-прилагательные, термины-наречия
Авторство Сфера использования	<u>Социолингвистические классификации</u> Коллективные термины, индивидуальные термины Универсальные, уникальные, концепциально-авторские

	<u>Научно-исследовательская классификация</u>
Функция	Термины фиксации знания, термины-инструменты познания (в том числе термины обучения)
	<u>Нормативная классификация</u>
Нормативность/ ненормативность	Стандартизуемые термины, стандартизованные термины, рекомендуемые термины, рекомендованные термины, недопустимые термины, нереконструируемые термины
	<u>Статистическая классификация</u>
Частота встречаемости в тексте	Высокочастотные термины, низкочастотные термины
	<u>Историческая классификация</u>
Отношение к современности	Термины-неологизмы, термины-историзмы, термины-архаизмы

Список литературы

1. *Жеребило Т.В.* Словарь лингвистических терминов. 5 изд., испр. и доп. – Назрань: Пилигрим, 2010. – 486с.
2. *Ордокова Ф.М.* Диссертация: Принципы формирования отраслевой терминологии: (на Материале терминов экономики сельского хозяйства), Нальчик-2004.-2004.-166с.
3. *Канделаки Т.Л.* Семантика и мотивированность терминов. - М. – Наука. - 1977. -167 с.
4. *Петров В. В.* Семантика научных терминов. - Новосибирск. - Наука (СО). - 1982. - 126с.
5. *Пиотровский Р. Г., Рахубо Н. П., Хажинская М. С.* Системное исследование лексики научного текста. - Кишинев. - Штиинца.- 1981.-158 с.
6. *Шелов С. Д.* Термин. Терминологичность. Терминологические определения. - СПб. - Филологич. фак-т СПб-ского гос. ун-та.- 2003. - 279 с.
7. *Слюсарева Н. А.* Терминология лингвистики и метаязыковая функция языка// Вопросы языкознания .- 1979. - №4. - С.69-76
8. *Слюсарева Н. А.* О типах терминов: на примере грамматики// Вопросы языкознания. - 1983. - №3. - С.21-29

10.02.00

А.Е. Жижина

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского,
кафедра английского языка,
Калуга, zhizhina.alla@yandex.ru

**К СУПЕРСТРУКТУРЕ И МАКРОСТРУКТУРЕ ТЕКСТОВ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРЕДВЫБОРНОГО ДИСКУРСА В.В. ЖИРИНОВСКОГО)**

Статья посвящена актуальной теме изучения структуры политического дискурса с учетом индивидуальных черт конкретной языковой личности. Приводятся такие ключевые понятия, как «суперструктура», «макроструктура», «макропропозиция». Автором приводятся наиболее частотные примеры семантической и прагматической макроструктур в предвыборном дискурсе В.В. Жириновского.

Ключевые слова: политический дискурс, суперструктура, макроструктура, прагмалингвистика, речевые стратегии и тактики.

За последние 50 лет научные интересы лингвистов сместились с изучения структуры языка к изучению структуры дискурса. В работах Т. ван Дейка, М. Минского, П. Тагарда, Ф. Джонсон-Лэрда, У. Чейфа, Т.М. Дридзе осуществляются попытки описать структуру дискурса с точки зрения семантики, прагматики, логики, представления знаний и пр. Несмотря на многочисленные исследования, данная тема не перестает быть актуальной, так как она открывает широкое поле для изучения различных типов дискурса. Структура дискурса может быть определена как типом дискурса, так и конкретной языковой личностью, создающей его. Целью данного исследования является определение семантической, прагматической макроструктур, а также суперструктуры политического дискурса В.В. Жириновского. Для этого необходимо определить понятия макроструктур и суперструктуры, введенных голландским лингвистом Т. ван Дейком.

В рамках исследований, направленных на изучение глобальной и локальной связности дискурса, появились работы Т. ван Дейка и У. Кинча, которые внесли большой вклад в понимание структурно-семантической организации текста, в том числе высказываний, выражающих тему и обладающих статусом макропропозиций. Под термином макропропозиция нами понимается свернутое содержание текста, представляющее в обобщенном виде события текста и имеющие логическую структуру, в то время как последовательность макропропозиций образует макроструктуру.

Т. ван Дейк исследует связность дискурса, которая реализуется, по мнению ученого, на двух уровнях: 1) на локальном – при помощи пропозиций, которые выражены в предложениях в рамках контекста, и 2) на глубинном – при помощи таких понятий и терминов, как топик, тема, общий смысл и основное содержание, что отражают общую связность дискурса. Т. ван Дейк вводит такие понятия, как макроструктура и суперструктура текста. Суперструктура задает «общую форму дискурсу и может быть эксплицирована в терминах конкретных категорий, определяющих тип дискурса» [2, с. 41]. Автор констатирует, что различным типам дискурса присуща суперструктура, так как именно ее наличие облегчает процессы производства и восприятия текста. Макроструктуры семантически наполняют содержание данных категорий, которые входят в суперструктурные схемы. Макроструктурам соответствует уровень макропропозиций и макроправил, которые им подчиняются или выводят макроструктуру на новый уровень; так, уровня суперструктуры и макроструктуры можно достичь при помощи макроправил опущения, селекции, обобщения и построения [2, с. 41].

Тематика многих типов дискурса в определенной степени является стереотипной, что подразумевает то, что развертывание дискурса поддается прогнозированию и называется макроструктурами. Отметим, что для политического дискурса обращение политика к таким темам, как выборы, проблемы внешней и внутренней политики и пр. будет являться стереотипной тематикой. Т. ван Дейк подчеркивает, что определенные типы дискурса обладают своим «тематическим репертуаром», который в свою очередь ограничен культурными нормами, социальной ситуацией, спецификой речевого акта и прочими социальными параметрами, личностными характеристиками [2, с. 53].

Термин семантическая макроструктура используется Т. ван Дейком для обозначения общего топика или темы текста, одновременно указывая на такие свойства как связность/когерентность текста. «Макроструктуры выводятся из значений предложений (пропозиций) текста» [2, с. 129]. Семантические макроструктуры состоят из макропропозиций, которые могут быть выражены продуцентом дискурса эксплицитно, чаще всего в начале, что позволяет реципиенту прогнозировать дальнейшее развертывание темы дискурса, или в конце, что способствует проверке понимания или коррекции ранее сказанных макропропозиций, или и в начале, и в конце абзаца. Для выведения данных макропропозиций используются тематические ключевые слова; в устном дискурсе используются тематические выражения [2, с. 59]. Говоря о глобальной значимости на уровне семантических стратегий, необходимо отметить, что тематические выражения могут только косвенно указывать на нее.

Тематические выражения относятся как к макроструктурам дискурса, так и к эпизодам – тематически связанным частям дискурса, состоящим из последовательности предложений, которые подчиняются макропропозиции. В транскриптах предвыборных выступлений В.В. Жириновского каждый эпизод, начинающийся с красной строки, имеет свою макропропозицию, а при вводе каждого нового эпизода используются семантические средства. Макропропозиции эпизодов связаны между собой в дискурсе с помощью коннективов, союзов и наречий, из средств макросвязи выделяются макроконнекторы («но», «однако», «более того», «напротив»), которые указывают на новые макропропозиции, придают связность всей макроструктуре и представляют собой маркеры смены темы.

Обращаясь к наиболее последним исследованиям в данной области, стоит отметить работы И.С. Оганесовой (2009) и Е.В. Беловой (2016). Исследование, проведенное И.С. Оганесовой, нацелено на определение структурно-семантических, лингвопрагматических и референциальных характеристик эксплицитных макроструктур дискурса, которые отображают тематическое членение глав художественного текста [4, с. 4]. Исследователь указывает на то, что макроструктура служит кратким выражением содержания текста и состоит из макропропозиций, которые в свою очередь выводятся из ряда пропозиций, выраженных предложениями художественного дискурса. Автором выявлены и описаны семантические операции по выведению макроструктур художественного дискурса [4, с. 7]. Диссертационное исследование Е.В. Беловой направлено на выявление структурных особенностей диалогического бытового конфликтного дискурса. Е.В. Белова разграничивает понятия суперструктуры, макроструктуры и микроструктуры. «Макроструктуры – это семантические или концептуальные структуры высшего уровня, организующие «локальные» микроструктуры речи. Они отличаются от других глобальных структур более схематичной природой, которые мы называем суперструктурами. Суперструктура – это термин, используемый для обозначения синтаксических глобальных структур» [1, с. 45].

В отличие от приведенных выше работ, задача нашего исследования заключается в выявлении суперструктуры и макроструктуры предвыборного политического дискурса на материале речей В.В. Жириновского и соотнесении семантических макроструктур с прагматическими, а именно, со стратегиями и тактиками. Материалом для анализа является монологический предвыборный дискурс, которому присущи структурные особенности построения текста.

Проанализировав речь В.В. Жириновского от 5 июня 2017 года «выступление перед партийным активом ЛДПР по вопросу предстоящих выборов в МСУ в 2017-м году и выборов Президента России в 2018-м году» [3], мы можем выявить следующую суперструктуру, которая заключается в приветственном слове, указании повестки дня, основной части и подведении итогов данного публичного выступления. Применяв макроправила опущения, селекции, обобщения и построения представляется возможным отнести следующие макроструктуры к тематической организации сообщения-обращения В.В. Жириновского: 1) международный терроризм, 2) гражданские войны, 3) безработица, 4) демократия, 5) выборы, 6) СМИ, 7) экономика, 8) работа с молодежью.

Однако в предвыборном дискурсе В.В. Жириновского нами были обнаружены случаи, когда невозможно применить ни одно макроправило к пропозиции. В работе Т. ван Дейка данный феномен называется применением нулевого макроправила, что означает присутствие макроструктуры в самом дискурсе, в то время как все последующие предложения лишь раскрывают детали. Например, при перечислении требований к кандидатам в президенты нами были выделены следующие тематические макроструктуры: «отсутствие судимости», «никакого бизнеса, ни у кандидата, ни у ближайших родственников», «ничего за границей», «отсутствие алкогольной и наркотической зависимости», «членство в партии не менее 5 лет», «наличие высшего образования», «публичность, умение выступать перед любой аудиторией», «наличие харизмы» [3].

Проведенный нами анализ позволил также выявить наиболее частотные макроконнекторы (слова, отвечающие за связь между фактами и/или макропропозициями), используемые политиком при построении дискурса, например: «то есть», «и вот», «вот», «например», «но», «тем более», «то есть», «поэтому» [3].

Следует отметить тот факт, что макроструктура политического дискурса организует подачу материала, тематика которого реализуется в качестве прагматического компонента. Это означает, что макроструктура задает определенный способ подачи стратегии и тактики. Макроструктура помогает вычленив в речи наиболее важные тематические и прагматические стратегии, используемые политиком в своем дискурсе, а также выявить последовательность прагматических действий говорящего, главной целью которого является самопрезентация политика и убеждение – изменение мнения аудитории, которое в рамках политического дискурса характеризуется манипулятивной направленностью.

Основываясь на данном утверждении, нами была выделена стратегия самопрезентации, которая лежит в основе прагматического аспекта языковой личности политика, и тактики, которые являются наиболее частотными в предвыборном дискурсе В.В. Жириновского. К ним относятся 1) тактика единения: «У нас с вами очередная встреча партийного актива с представителями всех наших региональных организаций в Москве. Мы не проводим пленумов каких-то, у нас нет центрального комитета. У нас есть Высший совет, 13 человек... У нас сейчас цель главная – это подготовка к выборам. И мы действуем в масштабах России» [3]; 2) тактика признания существования проблем: «Сегодня в любой момент любой человек в любом своем блоге, в Твиттере сообщит любую информацию, и это может иметь большие негативные последствия», «Террор продолжается, и будет продолжаться бесконечно. Потому что он превращается уже в желание отомстить. Просто в бытовом отношении... Это международный аспект, боевики эти родились уже в Британии, выросли, но когда-то предки их приехали из Африки или из Азии. И мы видим по внешнему виду, по фамилиям. И вот они хотят делать то же самое» [3]; 3) тактика иллюстрирования: «И вы помните, что в Одессе Жуков, командующий военным округом, бандитов таких в гражданском вывел на улицы и перестрелял их всех без суда и следствия. По-другому нельзя было. За одну ночь ликвидировали всех этих распоясавшихся» [3]; 4) тактика издевки «А демократия? Посмотрите, какая в Америке демократия. Избрали президента, долбают его каждый день. Каждый день начинается с того, что ему мешают работать» [3]; 5) тактика критики: «сегодня Африка в крови, Ближний Восток, опять это делают Лондон, Париж, Вашингтон, Берлин. Это как бы игрушка на весь 21-й век» [3].

Таким образом, в нашем исследовании мы обратились к исследованию суперструктуры и макроструктуры предвыборного дискурса В.В. Жириновского, основываясь на концепции макроструктур Т. ван Дейка. Семантические макроструктуры определяют тематику дискурса, а прагматические макроструктуры имеют дело со стратегиями и тактиками. Применение макроправил позволило нам выделить на семантическом уровне основные темы политического дискурса В.В. Жириновского, а на прагматическом – стратегии и тактики, используемые политиком для достижения своих политических целей.

Список литературы

1. Белова Е.В. Структурно-содержательные особенности бытового конфликтного дискурса: диссертация ... кандидата филол. наук. Калуга, 2016. – 171 с.
2. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. Б.: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.
3. Жириновский В.В. Выступление перед партийным активом ЛДПР по вопросу предстоящих выборов в МСУ в 2017-м году и выборов Президента России в 2018-м году / 5 июня 2017 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: https://ldpr.ru/leader/speech/The_speech_of_Vladimir_Zhirinovskiy_in_front_of_party_activists_of_the_liberal_democratic_party_regarding_the_upcoming_elections_in_MSU_in_2017_the_year_and_the_presidential_elections_in_Russia_in_2018_year_5_June_2017 (дата обращения 20.04.2018г.).
4. Оганесова И.С. Структурно-семантические, лингвопрагматические и референциальные характеристики эксплицитных макроструктур дискурса: автореферат дис. ... кандидата филол. наук. Ставрополь, 2009. – 22 с.

10.02.00

Инь Сяо

Аспирантка Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина,
Филологический факультет, кафедра общего и русского языкознания,
Москва, superazhen@hotmail.com

УДАРЕНИЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ТОНЫ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье описываются ударение в русском языке и тон в китайском языке; изучаются различия между ударением и тоном; рассматривается проблема ударения в русском языке в произношении китайских студентов и тона в китайском языке в произношении русских студентов.

Ключевые слова: *Ударение, тон, слог, слово, акцент.*

В свое время крупнейший фонетист академик Л.В. Щерба ввел научный оборот метафору, которая очень полезна в науке и нуждается в терминологизации – речь идет о «фонологическом сите», очень необходимом и понятном понятии. Фонетисты пользуются этим выражением, однако его неполная терминологичность всегда оставляла впечатление определенной недонаучности. Но подчеркнем еще раз, что само по себе это понятие очень важно и необходимо для фонетической науки, особенно при сопоставлении фонетических систем в научных или прикладных целях, т.е. для преподавания языка как неродного. Именно в последнем случае происходит несовпадение «фонетического сита» (используем это расширение понятия), приводящее к интер-или «недоференции».

Л.В. Щерба ввел это понятие по преимуществу имея в виду систему звуков языка, однако такой подход может быть расширен и на суперсегментные единицы и средства, в частности – ударение. В разносистемных языках ударение также может быть типологически разным, что неминуемо влечет за собой проблемы при изучении иностранного языка.

Слоги, составляющие слово (точнее – фонетическое слово), бывают неодинаковы, если в слове больше одного слога. Один из слогов двухсложного или многосложного слова выделяется теми или иными фонетическими средствами среди других [3, С. 1997]. Такое выделение и представляет собой то, что называется ударением, точнее – ударением слова, или словесным ударением [1, С. 61]. В русском языке, как это было установлено окончательно в трудах Л.В. Бондарко, Л.В. Златоустовой, С.В. Кодзасова и других фонетистов [4, С. 435], ударение носит количественный (долготный) характер: «в современном русском языке основной признак ударности – это большая длительность гласного в ударном слоге по сравнению с гласными безударных слогов» [2, С. 158].

Тон в китайском языке – это ритмико-мелодический интонационный контур, определяющийся изменением частоты звукового сигнала. Тон характеризует весь слог целиком как фонологическую единицу, а не только его основной слогообразующий гласный, однако в записи тон ставится именно над основным гласным финали [5, С. 6], например: *zhù*, *jí*, *shā*, *pōng* и т.д.

Рассмотрим различия между ударением в русском языке и тонами в китайском языке.

Ударение в русском языке произносится большим напряжением и изменением длительности и выделяет тот слог, в котором ударный гласный выполняет функцию объединения слогов в фонетическое слово большей длительностью самого гласного, т.е. русскому языку свойственно количественное ударение, это позволяет считать ударение одним из основных внешних признаков самостоятельности русского звучащего слова. Однако, особенность тона в китайском языке в основном отражается в слоге, который равен слову, и характеристика тона имеет смысловозначительное значение: в целом в общенациональном китайском языке путунхуа имеется 4 тона:

1) Первый тон произносится высоко и ровно, при этом его высота определяется естественным тембром голоса.

2) Второй тон поднимается снизу до уровня первого тона. Интенсивность тона постепенно увеличивается к концу слога.

3) Третий тон имеет нисходяще-восходящую форму.

4) Четвертый тон резко падает вниз с высоты первого тона до самого низкого уровня модуляции голоса.

В общем случае если тон слова в русском языке по каким-то причинам изменяется, то значение слова не будет изменяться. Например, слово 'наушники' может тонально меняться в зависимости от эмоций, при этом не важно, как тонируется произношение, т.к. значение слова не изменяется, хотя тональный рисунок в русском языке способен передавать эмоциональное содержание. Тон в китайском языке выполняет смысловозначительную функцию, то есть один и тот же с точки зрения звукового состава слог-и-слово, произнесенное разными тонами, будет иметь разные значения. Например: *tāng*(汤)=суп, *táng*(糖)=сахар, *tǎng*(躺)=лежать, *tàng*(烫)=обжигать. Здесь 4 тона в слове с одинаковыми гласными и согласными выражают разные смыслы. Тон в китайском языке можно сравнить лишь частично с ударением в русском языке, если оно играет одну и ту же смысловозначительную роль: разные позиции ударения в русском слове иногда выражают разные значения, например: *мука́*, *му́ка* и под.

Но нельзя говорить, что в китайском языке нет ударения - в китайском языке также есть силовое словесное ударение, но оно используется только для того, чтобы сделать акцент в речи, т.е. совпадает с логическим ударением в русском языке. В данном случае, слог, произносимый более интенсивно, называется ударным, а все остальные произносятся слабее. Например: *Wǒ xiǎng nǐ* (во сян ни) = я **скупаю** по тебе (логическое ударение падает на слово **скупаю**). Если ударение падает на первый слог, то акцентно выделяется подлежащее, 'я' скупаю по тебе, не он/она/они; если ударение падает на последнем слоге, то акцентно выделяется дополнение, я скупаю по 'тебе', не по другому человеку. Но следует отметить, - несмотря на то, что ударение в таких контекстах динамически реализовано в каком-то слоге, все тоны слогов, равных словам, не изменяются.

Характеристика тона в китайском языке обычно выражается методом 'знаков квинта', созданных Чжао Юаньжэнем и отмечается графически продольной координатой, характеризующей движение тона. Для характеристики тона в китайском языке приходится рисовать вертикальную линию, разделенную на 4 части и отмечать соответствующие высоты тонов: квинта, кварта, терция, секунда и прима.

Таким образом, при освоении фонетического ударения в словах русского языка китайскими студентами и тона китайского языка русскими возникают много трудностей под влиянием «фонетического сита» родного языка. Чтобы их правильно преодолеть, следует учитывать особенности строения «фонетического сита», которое становится явным с помощью сопоставления двух языков.

Список литературы

1. Аванесов Р. И. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956. 61с.
2. Бондарко Л.В. Звуковой строй современного русского языка. М.: Просвещение, 1977. 175 с.
3. Киров Е.Ф. Фонология языка. Ульяновск, 1997. 447 с.
4. Язык и речь; проблемы и решения. /Сб. научных трудов к юбилею Л.В. Златоустовой. – М.: Макс-пресс, 2004. 435 с.
5. 新编汉语新目标. 第一册. 上/ 易福成主编.—北京: 教育出版社, 2012.

10.02.00

**А.В. Кириллова канд. филол. наук, Д.Е. Меренкова канд. филол. наук,
М.В. Шурупова канд. филол. наук**

Государственный гуманитарно-технологический университет,
кафедра английской филологии и переводоведения,
Орехово-Зуево, МО, dianamerenkova1979@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА СНИЖЕННОЙ ЛЕКСИКИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

В данной статье рассматриваются особенности перевода сниженной лексики, а также дается определение данному понятию. Данные слова всегда представляют собой определенную проблему в переводческом плане, так как они являются специфичными для каждого языка.

Ключевые слова: *перевод, сниженная лексика, разговорная речь, художественное произведение, разговорный язык.*

Сниженная лексика как лексическая, стилистическая и структурная единица языка существует у каждого народа. Отношение к ней в разные периоды существования человечества были неоднозначны. Издавна, употребление сниженной лексики считалось признаком необразованности.

С течением времени отношение к употреблению разговорной речи стало более лояльным. Это допустило использование сниженной лексики не только на разговорном уровне, но и в литературном жанре. Жаргон и сленг стали общепринятыми понятиями.

Профессионализмы, которые доступны узкому кругу, также считаются компонентами сниженной лексики. Они малопонятны посторонним и непосвященным людям, однако их использование не переходит установленных рамок.

Пытаясь решить проблему определения сниженной лексики, В.Д. Девкин дает следующее определение понятию «разговорность»: «Разговорность – это традиционное, весьма условное и собирательное название того, что предоставляет противоположность образцовому и идеальному научно-культурному стандарту.

Отступление от стандарта может проявляться в разных масштабах:

- минимальном (без нарушения литературности);
- среднесниженном (фамильярный слой);
- значительном (грубая и вульгарная лексика).

Сниженность оценочного, этического и эстетического порядка отличает разговорную речь от общепринятой. Также разговорная речь типична для неофициальной среды общения» [3, с. 15-16].

По мнению Н.И. Геза, к разговорному стилю принадлежат не только нейтральная лексика (общепринятая), но и любая лексика, обладающая эмоционально-экспрессивной окраской (ласкательные, бранные, иронические, шутливые и прочие слова) [2, с. 74-75].

Среди всех разновидностей сниженной лексики, можно выделить несколько особенностей:

- характеристикой разговорной лексики является сниженный набор своего состава по отношению к литературному стилю изложения;
- разговорная лексика противопоставляется художественной речи;
- разговорная лексика употребляется в быту, в сфере свободного общения, в обычной жизни каждого человека.

Нельзя не заметить, что «исследователи английского языка предпочитают говорить не о разговорной или сниженной лексике, а о неформальной лексике или сленге» [1, с. 106].

Говоря о функциях сниженной лексики в художественной речи, можно обратить внимание на работу В.И. Жельвиса «Поле брани. Сквернословие как социальная проблема», в ней он рассматривает инвективную лексику («лексика, унижающая честь и достоинство другого лица, выраженная в неприличной форме, которая контрастирует с принятыми в обществе нормами») [4, с. 110].

Он выделяет 27 функций ее использования. К основным функциям можно отнести [4]:

- средство понижения социального статуса адресата;
- средство установления контакта между равными людьми;
- средство дружеского подтрунивания или подбадривания;
- как средство вербальной агрессии.

Язык художественной литературы экспрессивен и эмоционален, индивидуализирован. Любой литературный язык можно охарактеризовать с позиций разнообразия функционально-стилевых регистров, одним из которых является разговорная речь и, в частности, сравнительно закрытые сниженные разговорные жанры (просторечие, жаргон, арг, сленг).

Творчество У.С. Моэма представлено частым использованием сниженной лексики. Используя разговорную речь, автор передает атмосферу чувств, переживаний и общего эмоционального настроения героев произведений. Читая литературу с близким ему словарным запасом, человек чувствует себя в гармонии с произведением и лучше воспринимает происходящие события.

Разговорная манера речи писателя проявляется в словарном составе и фразеологических средствах его произведений. Здесь мы поговорим и проведем анализ выражений разговорного, фамильярного, а иногда и грубоватого, вульгарного стиля, который сознательно противопоставляется гладкому и стандартному набору литературного языка.

Моэм большое внимание уделял каждому персонажу, каким образом он изъясняется, как он воспринимает окружающий мир, что чувствует по отношению к другим персонажам. Все это помогает нам проследить за ходом авторской мысли, понять, какую роль играет каждый герой.

Сниженная лексика встречается и в речи автора, и в речи персонажей. В речи последних разговорная лексика используется для социальной и психологической характеристики, демонстрации их эмоционального состояния, отношения субъекта к адресату, создания необходимой атмосферы, определения социальной принадлежности человека. Элементы разговорной речи можно встретить не только в речи персонажей, но и в речи автора.

В авторском повествовании крайне редко встречается лексика сниженного регистра, однако присутствуют фразеологические единицы разговорного характера. Рассмотрим некоторые из них.

She almost wished he wasn't going tomorrow so that she could have the pleasure of turning him bag and baggage («Theatre») [7].

- Она чуть ли не жалела, что завтра он уезжает, и она будет лишена удовольствия выгнать его («Театр» пер. М. Ермашевой) [6].

- Жаль, что он уезжает завтра сам. С каким удовольствием она выставила бы его за дверь со всеми его пожитками («Театр» пер. Г. Островской) [5].

“Now let's come down to brass tacks” («Theatre»). «Перехожу от сути к делу» («Театр», пер. Г. Островской) [5].

Переводчики часто предлагают очень разные варианты одного и того же текста. Рассмотрим выражение:

Oh, my pet, don't talk such nonsense («Theatre») [7].

В русскоязычных переводах мы встречаем следующие варианты:

Голубчик, что за вздор! («Театр», пер. М. Ермашевой) [6].

Полно, малыш, не болтай чепухи! («Театр», пер. Г. Островской) [5].

Как видно из переводов, оба варианта передают стилистические характеристики слова *pet*. Сохраняется сема ласкового значения. Важным остается тот факт, что английское *pet* содержит сему «любимый» и не включает сему «маленький», которая содержится в русском переводе. В другом переводе «голубчик» появляется сема фамильярности, которая отсутствует у английского *pet*. Отметим, что если слово *pet* часто употребляется в английской речи, то русское «голубчик» в современном русском языке достаточно редкое явление.

Таким образом, можно прийти к выводу, что переводчик хотел использовать слово, которое было бы непосредственно связанным со временем писателя. В таком случае употребление «голубчик» становится весьма уместным.

Исходя из сказанного, перевод такого типа лексики весьма проблематичен. Проблема перевода сниженной лексики в художественной литературе требует от переводчика учета различных факторов, определяющие выбор переводческих приемов.

Сниженная лексика хранит настроение, которое пытался передать автор. При переводе таких выражений следует учесть этот факт и полностью соответствовать мысли автора. Однако для полного соответствия переводчику необходимо досконально владеть не только научно-словарным запасом иностранного языка, но и быть хорошо знакомым с культурными особенностями нации, ее самобытностью, привычками, сильными и слабыми сторонами.

Список литературы

1. Борисова-Лукашанец Е.Г. Литературная норма в лексике и фразеологии. – М., 2003. – С. 104–120.
2. Гез Н.И. Устная речь // Очерки по методике обучения немецкому языку. (Для педагогических вузов) / Под ред. И.В. Рахманова: Учебное пособие. – М.: Высшая школа, 2004.
3. Девкин В.Д. Немецкая разговорная речь: синтаксис и лексика / В.Д. Девкин. – М.: Международные отношения, 2009.
4. Жельвис В.И. Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира Научное издание. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 2001.
5. Моэм С. Театр: роман. Рассказы (пер. Г. Островской). – М., 2007. – с. 37.
6. Моэм У.С. Театр // Современная английская новелла (пер. М. Ермашевой). М., 1969. – 372 с.
7. *Maugham W.S. Theatre* – [Электронный ресурс] – URL: <http://www.e-reading.club/book.php?book=127593> (дата обращения: 15.03.2018).

10.02.00

А.Ю. Константинова канд. филол. наук, О.Ш. Назаров

Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина,
филологический факультет, кафедра общего и русского языкознания,
Москва, AJuKonstantinova@pushkin.institute, orif_01@mail.ru

ОТРАЖЕНИЕ ЖАНРА ПОКАЗАНИЙ ПОТЕРПЕВШЕГО В ТЕКСТЕ ПРИГОВОРА СУДА

В статье рассматривается жанр показаний потерпевшего и его особенности. Авторами определяется 2 типа жанра показаний потерпевшего: в пользу виновности и в пользу невиновности подсудимого.

Ключевые слова: *жанр показаний; потерпевший; текст приговора.*

В современных исследованиях текст рассматривается как важный элемент коммуникативной системы и является основным объектом исследования лингвистов.

Приговор суда – это итог судебного разбирательства, который включает в себя данные различных экспертиз, показания потерпевших, свидетелей и т.д. Целью текста приговора является убеждение в обоснованности вывода суда. Перед судом, который пришёл к выводу о доказанности либо недоказанности обвинения, стоит обязанность убедить текстом приговора, что другой вывод по делу невозможен.

Согласно Уголовно-процессуальному кодексу потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинён физический, имущественный, моральный вред [2, с. 32].

Показания – один из видов доказательств, используемых для установления обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения гражданских и уголовных дел. Это жанр сообщения лица о фактических данных, полученное во время допроса [1, с. 395].

Показания потерпевшего – это устное сообщение о любых обстоятельствах, которые он излагает по ходу допроса. Данные показания фиксируются в протоколе судебного заседания, а в последующем отражаются в судебном решении, тексте приговора. По своей коммуникативной и социально-правовой роли потерпевший является активным и равноправным участником судебного разбирательства. Поэтому он в отличие от свидетелей может не только сообщать известные ему конкретные факты, но также давать оценку другим доказательствам. Все первичные жанры судебного исследования объединены вторичным жанром допроса, который прямо коррелирует с вторичным жанром приговора, но не отражает его зеркально, а модифицируется в ходе профессиональной и авторской деятельности судьи. Материалы показывают, что авторское творчество судьи имеет место во всех, даже предположительно в стандартных частях текста.

Коммуникативные условия и порядок допроса потерпевшего в суде отличаются от условий предварительного следствия. Допрос в суде происходит гласно, за исключением случаев, предусмотренных законом, с участием всех участников судебного разбирательства на основе состязательности и носит официальный характер. Условия и порядок дачи показаний потерпевшим строго регламентированы и установлены законом. Потерпевшему как стороне обвинения первым задаёт свои вопросы прокурор, а далее по статусу участники: защитник, представители, и подсудимый. Судья задаёт вопросы потерпевшему после его допроса сторонами.

Путём устного допроса потерпевшего суд получает одно из основных доказательств виновности или невиновности подсудимого, которое находит своё отражение в письменном виде в решении суда. Следует отметить, что потерпевший как заинтересованное в исходе дела лицо может завышать, например, количество похищенных вещей, преувеличивать грозившую ему опасность. Таким образом, в ряду других жанров очень активным

оказывается первичный жанр уточняющих вопросов, которые затем в обобщенном виде нарративно отражаются в тексте приговора. Приведем иллюстрацию. Вопрос прокурора потерпевшему: «В протоколе указано, что причинённый Вам материальный ущерб составил 23 тысячи рублей. На следствии Вы говорили, что сумка была стоимостью 1000 рублей. Поясните, во сколько Вы оцениваете похищенную барсетку: в тысячу или десять тысяч рублей?». Ответ потерпевшего: «Не знаю, мне кажется, я говорил, что сумка 10000 тысяч рублей стоит». Вопрос судьи потерпевшей: «Вы точно видели нож, можете описать?». Ответ потерпевшей: «Да, да видела, но не могу описать его».

Жанры показаний имеют две реализации: в пользу виновности подсудимого или в пользу его невиновности. От варианта зависит как сам репертуар доминантных жанров, так и языковые формы их реализаций, а также тональность общения. В тексте приговора в жанре изложения события преступления описывается его развитие и обстоятельства: время, участники, инструменты, место и свидетели. Приведем пример отражения в тексте приговора жанра показаний в пользу виновности подсудимого:

- Виновность К. и Н. в совершении преступления подтверждается следующими доказательствами.

Показаниями потерпевшей Р. о том, что 19.11.2016 примерно в 17 часов 00 минут ей на ее мобильный телефон позвонил ее знакомый по имени А. и сообщил, что он находится в районе Зябликово и хочет заехать к ней в гости, она была не против. Затем примерно в 19 часов 40 минут ей опять позвонил А. и сказал, что находится возле ее подъезда, спросил код от домофона, на что она продиктовала ему номер, открыла дверь в квартиру и пошла на кухню. Она услышала, что в квартиру кто-то зашел, вышла в коридор, где увидела А., так же рядом с А. стояли трое неизвестных ей молодых людей, которых ранее она никогда не видела. Она подошла к А. и стала спрашивать у А., кто эти вышеуказанные молодые люди, на что А. ответил, что это его друзья. Далее А. открыл дверь в комнату №1 осмотрел ее и сразу же закрыл дверь комнаты. Затем первый неизвестный молодой человек зашел в комнату, где она проживает, осмотрел ее и вышел в коридор. Она подошла к входной двери квартиры, открыла ее и стала просить А. и троих неизвестных выйти из квартиры, но А. сказал ей чтобы она успокоилась и закрыла дверь. В этот момент Н. схватил ее за волосы и потащил в комнату. Так же в комнату зашел и первый неизвестный молодой человек. А. вместе с третьим неизвестным остались стоять в коридоре перед входом в комнату, где она проживает. В момент когда Н. затащил ее в комнату брызнул ей в лицо газовым баллончиком, она почувствовала сильную боль в глазах и закрыла глаза. Далее в комнату к окну прошел третий неизвестный молодой человек, после чего она почувствовала, что у нее сорвали с шеи золотую цепочку стоимостью 15000 руб., на которой висел кулон в виде знака зодиака «Козерог», стоимостью 9000 руб. и с левой руки золотой браслет, стоимостью 14000 руб. Затем неизвестный оттолкнул ее и она упала на пол. Она стала кричать и звать на помощь А., но А. не реагировал и продолжал стоять в коридоре. В какой-то момент она открыла глаза и увидела, что третий неизвестный, который стоял у окна, взял с кровати два принадлежащих ей мобильных телефона «Нокиа Люмия-920» с вставленной сим-картой оператора «Билайн», с сим-картой оператора «Йота», стоимость телефона 7000 руб.. Также третий неизвестный забрал мобильный телефон марки «Сони» с вставленной сим-картой оператора «МТС», стоимость телефона 18 000 руб. 00 коп. После этого трое неизвестных и А. выбежали из квартиры. Ей был причинен материальный ущерб на сумму 63000 руб.

На данном примере продемонстрировано, что жанр показаний является объемным, четко структурированным в композиционном отношении. Ему присуща целостность, являющаяся главным признаком вторичного жанра. К первичным (элементарным) жанрам, конституирующим жанр показаний относятся *подтверждение, описание события преступления, вывод*. Жанр показаний отражается в приговоре в форме нарратива. Сами показания являются жанром диалогического общения. В приговоре всегда наличествует нейтральная тональность, соответствующая принципу беспристрастности российского суда.

В то же время сам жанр устных показаний может реализовываться в разных типах тональности. Унисонная тональность характерна, например, для коммуникативных ролей потерпевший – прокурор, а конфликтная или даже агрессивная для коммуникативных ролей подсудимый – прокурор, потерпевший - обвиняемый.

Далее в тексте приговора следует жанр оценки, которую дает суд. Приведем пример одного из стандартных вариантов такой реализации:

- Оценивая данные показания потерпевшей, суд пришёл к выводу: Оснований не доверять вышеуказанным показаниям потерпевшей и свидетелей судом не установлено. Их показаний суд признает их достоверными, поскольку они согласуются друг с другом и с материалами дела. Суд обращает внимание на незначительные противоречия в показаниях потерпевшей и свидетелей, при этом более полными и точными, а потому и достоверными признает показания данные ими на предварительном следствии, поскольку в то время они лучше помнили произошедшие события и подтвердили свои показания в суде. Оснований заинтересованности и оговора со стороны потерпевшей и свидетелей судом не установлено.

Примеры демонстрируют обязательную и при этом сложную взаимосвязь описываемых устного и письменного вторичных жанров показаний в рамках судебного исследования и приговора, на основании описания которых может быть построена коммуникативная модель общения в профессиональной судебной сфере [3].

Список литературы

1. Большой юридический словарь /Под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. М.:Инфра - М, 2001, с. 395.
2. Уголовно-процессуальный кодекс РФ. – У26 Москва: Проспект, КноРус, 2016. -2 56. по состоянию на 1 февраля 2016.
3. *Городецкий Б.Ю.* Моделирование вербального общения и типология коммуникативных актов // Труды международного семинара «Диалог- '2003» по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям. <http://www.dialog-21.ru>

10.02.00

Н.Н. Кузнецова д-р. филол. наук

Оренбургский государственный педагогический университет,
филологический факультет,
кафедра русского языка и методики преподавания русского языка,
Оренбург, Natlog65@mail.ru

ПОДТЕКСТ КАК ЧЕРТА ПОЭТИЧЕСКОГО ИДИОСТИЛЯ И.БРОДСКОГО

В работе представлены результаты изучения особенностей подтекста в творчестве И.Бродского. Поскольку подтекст распространяется на все ключевые аспекты художественного текста – образы, концептуальное содержание, основная идея, – постольку способы его ввода, особенности дешифровки, степень информативности и выразительности составляют основную специфику творчества того или иного автора.

Ключевые слова: *подтекст, эксплицитность, имплицитность, образ, смысл, ассоциативные связи.*

Целью данной работы является изучение одной из частных, но немаловажных проблем подтекста – подтекст как одна из основных черт идиостиля. Творчества целого ряда поэтов построено на подтексте. К таким поэтам, несомненно, относятся Б.Пастернак, М.Цветаева, О.Мандельштам, И.Бродский и др. В данной работе мы рассмотрим специфику подтекста в лирике И.Бродского.

Следует отметить, что основополагающие работы по данному вопросу, связанные с именами И.В.Арнольд, Н.Д.Арутюновой, И.Р.Гальперина, К.А.Долинина, Г.В.Колшанского, Т.И.Сильман и многих других, относятся к 1970-1980-ым годам XX века. В 1990-2000-ых годах проблема разрабатывалась в основном в диссертационных исследованиях и отдельных статьях, например, Голяковой Л.А. [2], Ермаковой Е.В. [3], Лелис И.И. [6], Шабалиной Е.Н. [7], и др.

Нами уже было предпринято исследование более общего характера, где мы рассмотрели такие теоретические вопросы, как категориальная принадлежность подтекста, виды информации в подтексте, а также создание подтекста единицами языка и речи различных уровней [4]. В дальнейшем нас интересовали прикладные аспекты данной темы [5]. Здесь мы преследуем и узко практическую цель – научить студентов филологического факультета видеть и находить подтекст в художественном произведении на занятиях по «Филологическому анализу текста», поскольку без этого невозможно его глубокое и адекватное понимание, а также последующая интерпретация на уроках в средней школе.

Как можно видеть по обзору литературы по данной проблематике, в последние годы интерес к ней несколько ослаб, а ряд открытых вопросов остался. В связи с этим, исследование подтекста в творчестве конкретных авторов, несомненно, обладает новизной и актуальностью.

У И.Бродского подтекст связан с целым рядом моментов. Обратимся к одному из текстов: *Время подсчета цыплят ястребом; скирд в тумане, Мелочи, обжигаящей пальцы, звеня в кармане; Северных рек, чья волна, замерзая в устье, Вспоминает истоки, южное захоlustье И на миг согревается. Время коротких суток, Снимаемого плаща, разбухших ботинок, судорог В желудке от желтой вареной брюквы; Сильного ветра, треплющего хоругви Листолобивоого воинства. Пора, когда дело терпит, Дни на одно лицо, как Ивановы-братья, И кору задирает жадный, бесстыдный трепет Пальцев. Чем больше пальцев, тем меньше платья [1].*

Хотя понимание основного содержания данного произведения не вызывает затруднений, однако большинство образов построены на подтексте. Так, первый же из них привлекает внимание читателя, поскольку создан при помощи трансформации фразеологизма. *Время подсчета цыплят ястребом* – несомненно, трансформация ФО *цыплят по осени считают*. Исходная формула имеет значение ‘нужно подождать окончательного результата’. В данном же контексте на первый план выходит семантика времени года – ‘осень’. При использовании данного приема подтекст всегда имеет место, поскольку читатель должен узнать, вспомнить исходную формулу и соотнести ее смыслы и образ с видоизмененной.

Интерес представляют собой вариации основного образа: *время коротких суток; разбухших ботинок; сильного ветра, треплющего хоругви листолюбивого воинства; пора, когда время терпит, дни на одно лицо*. При помощи данных авторских перифраз называются обычные явления и действия, хорошо знакомы читателю по его эмпирическому опыту: осенью укорачиваются дни, обувь намокает от постоянных дождей, понижается температура, дуют ветра и срывают листья с деревьев. Тем не менее для языка поэзии они являются свежими и необычными. Перифраз изначально построен на подтексте [4, с. 30], поскольку называет предмет в «зашифрованном» виде, подчеркивая то или иное его свойство. Однако данное средство создания выразительности поддается декодированию легче других, так как необходимым условием его существования является и то, что «зашифрованный» объект должен легко узнаваться. Среди названных перифраз особенно выделяется последний, построенный на контрасте, совмещающий в себе устаревшее слово *хоругви* и одновременно новое - окказионализм *листолюбивого*. Хотя он и не «уводит» образ в каком-то неожиданном для него направлении, тем не менее, сообщает ему свежесть и новизну.

В данном стихотворении мы можем наблюдать совмещение элементов бытового характера (таких, как *разбухшие ботинки, вареная брюква*) с элементами высокого стиля (*хоругви, воинство, трепет*). Следует отметить, что это соответствует не только общепозэтической тенденции XX-XIX веков к обытовлению образа, но характерно и для языка лирики именно И.Бродского, когда в пределах одного текста или строфы сочетаются книжные и разговорные элементы, даже вульгаризмы, например: *Один поток смета их следы, Их колбы -- доннерветтер! -- мысли, узы... И дай им Бог успеть спросить: "Куды?!" - И услышать, что вслед им крикнут Музы; Влезай, влетай в окно, птенец, Вдыхай амбре дерьма, Стрельба и смерть - один конец, А на худой – тюрьма* [1] и др. Это создает особенно напряженный эмоциональный фон.

Кроме того, подтекст в произведениях И.Бродского, на наш взгляд, часто возникает за счет нестандартности образов, которая в свою очередь связана с особенностями его мировидения и поэтического дара. Он умел увидеть и описать предмет с необычной, совершенно неожиданной стороны, раскрыть свойства, которые не лежат на поверхности, по-новому назвать его действия и признаки. Например: *«отскакивает мгла от окон школы, звонят из-за угла колокола Николы», «и по Морской летит троллейбус с любовью в запертом окне», «сны переполнены чем-то замузным, как вязким вареньем», «море поутру лежит щекой на волнорезе»* [1] и др. Подобная нестандартность образов, как правило, предопределяет значительную отдаленность того, что сравнивается, сопоставляется, с чем сравнивается. Читатель при помощи своего воображения, ментальных усилий должен эксплицировать для себя связь двух совершенно не связанных друг с другом предметов, признаков, действий, которая и составляет подтекст.

Так, в данном стихотворении такой особый взгляд на обычную вещь отличает метафору последних строк: *кору задирает жадный, бесстыдный трепет пальцев. Чем больше пальцев, тем меньше платья*. Речь по-прежнему идет об осени и о том, как по мере приближения зимы все более голыми становятся деревья. Однако ассоциации с первыми моментами интимности между мужчиной и женщиной совершенно меняют достаточно ровный эмоциональный фон произведения, заставляя читателя вспомнить, насколько острыми могут быть чувства, которые он мог переживать в подобной ситуации.

Выделенная метафора интересна еще и тем, что выглядит как сентенция, умозаключение, вывод, к которому лирический герой приходит в результате жизненных наблюдений. Изречения в форме максимы достаточно частотны в творчестве И.Бродского. При общей простоте высказывания (обычными словами, а не красочными метафорами или другими тропами) они, как правило, емки и информативны. В смысловом отношении подобные высказывания отличает философичность, многослойность, глубина, и поэтому немалую часть в них составляет подтекст. Например: «*смотри: осенние утраты даров осенних тяжелей*», «*навсегда – не слово, а вправду цифра, чьи нули, когда мы зарастаем травой, перекроют эпоху и век с лихвою*», «*ибо время – область фраз, а пространство – пища глаз*» [1] и др.

Итак, подтекст как стилеобразующая черта поэзии И.Бродского исходит из глубокого своеобразия образов. Они необычны, часто контрастны и всегда представляют совершенно новый взгляд на предмет речи. Поэтому всегда требуют максимальной активизации читательского восприятия для расшифровки. Кроме того, он часто возникает при выражении мысли в форме максимы, глубокий философский смысл которых предопределяет значительные ментальные усилия.

Список литературы

1. Бродский И. <https://rupoem.ru/brodskij/all.aspx>
2. Голякова Л.А. Онтология подтекста и его объективация в художественном произведении: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Пермь, 2006.
3. Ермакова Е.В. Имплицитность в художественном тексте (На материале русскоязычной и англоязычной прозы психологического и фантастического реализма): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Саратов, 2010. – 48 с.
4. Кузнецова Н.Н. Взаимодействие подтекста и образа в художественном тексте // Кузнецова Н.Н., Чеботникова Т.А., Якимов П.А. Язык, речь, образ: филологическое обеспечение профессиональной действительности: монография /. – Оренбург: ГБУ РЦРО, 2015. – С. 3-57.
5. Кузнецова Н.Н. Подтекст в лирике Б.Пастернака // Материалы конференции "Социально-гуманитарные проблемы современности: человек, общество и культура" - Современные исследования социальных проблем. Т. 9. - № 3-2. – Красноярск: Научно-Инновационный Центр. - С. 337-340.
6. Лелис И.И. Теория подтекста: учебно-методическое пособие. – Ижевск: изд-во «Удмуртский университета», 2011.
7. Шабалина Е.Н. Деформация как знак объективации подтекста: автореф. дис. ... к-та филол. наук. – Пермь, 2014.

10.02.00

Е.К. Кузьмина

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт филологии и межкультурной коммуникации им. Льва Толстого,
кафедра романской филологии,
Казань, lenysinka@yandex.ru

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ПАРАДИГМЕ

В настоящей статье рассматриваются исторические и современные предпосылки развития языкознания в современной парадигме. Автором анализируются исследования, которые имеют лингвистическую, социологическую, культурологическую ценность и оказывают определяющее воздействие на общественную жизнь, способствуют формированию мировоззрения народа. Автором отмечается, что междисциплинарный подход в современном языкознании актуален и состоит в соединении лингвистических, психологических, философских, методов изучения языка. При этом лингвисты и историки продолжают обсуждение проблемы происхождения славянской письменности, реконструкции языковых ситуаций прошлого.

Ключевые слова. *Языкознание, лингвистика, язык, лингвистическая концепция, развитие языкознания.*

Язык является важнейшим средством человеческого общения. Язык, как средство общения и как систему знаков, изучают многие науки. В современном обществе язык - это средство общения между людьми.

Как известно, современная наука состоит из трех составляющих: естествознания (изучает явления и законы развития существования природы); общественных (социальных) наук (изучают различные аспекты жизни) человеческого общества); философии (изучает общие законы функционирования и развития природы, общества и мышления). Языкознание, как наука о человеческом языке, принадлежит к числу общественных наук.

Значительная роль в разработке общих вопросов языкознания принадлежит французскому мыслителю Р. Декарту (1586-1650) и немецким ученым Г.В. Лейбницу (1646-1716) и В. Фон Гумбольдту (1767-1835). Гумбольдт заложил основы философии языка общей теории языка и речи [4].

Вначале XX века разрабатываются теории и методы формального направления. Внимание уделяют строению форм слова, а также строению словосочетания. В России формальное направление было представлено следующими школами: Московской, ее основателем является Ф.Ф. Фортунатов (1848-1914) и Казанской, основатель - И. А. Бодуэн де Куртенэ (1845-1929) [5].

Языкознание, на пути своего развития, представляет, постоянно расширяющееся, поле научных направлений. В процессе уточнения объекта происходит разделение новых аспектов исследования, а затем - новых научных отраслей. Так, например, новым направлением становится сравнительная этнолингвистика, ориентированная на сравнительное исследование национальных языков и культур, с точки зрения отражения в них проблем этнической идентификации, межэтнических контактов.

Направление этнолингвистики ранее подробно не рассматривалось, но в последние годы была создана международная комиссия по этнолингвистике, она объединила этимологов и диалектологов с фольклористами, этнологами, культурологами, что позволило создать общий подход к осмыслению связей языка и феноменов народной культуры, который был задан исследованиями С.М. Толстой, с акцентом на историческом и генетическом аспектах[6]. Так, явился первый в мировой славистике проект энциклопедического

этнолингвистического словаря «Славянские древности», подготовленный под руководством С.М. Толстой. Этот проект стал Реализацией концепции Н.И. Толстого.

В развитии теории языкознания особое значение имела деятельность Л.В. Щерба - создателя лингвистической концепции, опирающейся на лингвистическое наблюдение и эксперимент. В 1974 г. вышли избранные работы Л.В. Щербы под названием «Языковая система и речевая деятельность». В 1983 г. переиздана его книга «Русские гласные в качественном отношении» (1-е изд.- 1912) [7].

Нельзя не отметить ученика А.А. Шахматова и Л.В. Щербы - В.В. Виноградова. Он был крупнейшим представителем русского языкознания середины XX в. Известны работы В.В. Виноградова: «Очерки по истории русского литературного языка XVII - XIX вв.» (1934), «Русский язык. Грамматическое учение о слове» (1947). Работы Виноградова не утратили своей значимости, некоторые из них были переизданы: «Исследования по русской грамматике» (1975) и «Лексикология, и лексикография» (1977). Основой лингвистической концепции Виноградова являются слово и стиль языка в их системной, социальной и исторической обусловленности [2].

В этом же направлении проводили исследования А.А. Алексеев, Е.М. Верещагин. В их трудах продвигается текстология древнейших славяно-русских переводных памятников, исследуется история общеславянского литературного языка, славянского книжно-письменного наследия. Значительным явлением стала монография Е.М. Верещагина «Церковнославянская книжность на Руси» (2001). В центре внимания вопросы лингвистического источниковедения: исследован и введен в научный обиход и культурную среду корпус Кирилло-Мефодиевских источников: «Написание о правой вере», «Похвала Григорию Богослову», «Канон на обретение мощей Климента Римского», «Последование на Успение Кирилла», древние гимнографические произведения «Канон на Рождество Христово», фрагменты «Ильиной книги» и др. Были рассмотрены проблемы перевода с древних языков на церковнославянский, опосредованное влияние иврита на церковнославянскую книжность [1].

Сохраняют научную новизну вопросы индоевропейского и ностратического языкознания, теория отдаленного родства языков, интерес к реконструкции, дешифровке древних систем письма.

Трудами академика В.В. Иванова на рубеже XX-XXI веков была воссоздана отечественная индоевропеистика, получили развитие хеттология и исследование тохарских языков. Свидетельством чего стала монография «Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры», написанная совместно В.В. Ивановым и Т.В. Гамкрелидзе.

В современном мире, одним из актуальных аспектов индоевропеистики, является сравнительный анализ индоевропейских праформ в контексте семитских и ностратических языков, в рамках Московской школы ностратического языкознания [3]. Развитие ностратики обеспечивается сотрудничеством специалистов по языкам разных семей, под руководством академика В.А. Дыбо - организатора Ностратического семинара им. В.М. Иллич-Свитыча.

Значительны достижения ареальной лингвистики, о которых свидетельствуют регулярные конференции по проблемам ареальных исследований в языкознании и этнографии. Современные проблемы ареальной лингвистики разрабатывались на материале конкретных языков: индоевропейских (Э.А. Макаев), славянских (Т.И. Вендина, Г.П. Клепикова, Г.А. Цыхун и др.), романских (М.А. Бородина), иранских (Д.И. Эдельман).

Среди новых направлений можно отметить когнитивную лингвистику. Объектом исследования которой, является язык, как общий когнитивный механизм, инструмент кодирования и трансформирования информации.

К вопросам когнитивной лингвистики относятся: исследование базиса человеческого сознания и языка, «ментальные» основы понимания и продуцирования речи, изучение языка глухонемых, анализ связей человеческого языка с языками животных и др.

В настоящее время можно говорить о третьем поколении когнитологов (В. Иванс, А. Стефанович, С. Грис, Н. Н. Болдырев, Е. М. Позднякова, О. К. Ирисханова). Это свидетельствует о том, что когнитивная лингвистика и в будущем не утратит своих позиций. Однако, как и полагается в любом научном сообществе, у когнитивной лингвистики есть серьезные критики, как внутри нее самой, так и со стороны представителей других направлений. На страницах своих статей, Е. С. Кубрякова, постоянно ведет с ними полемику, предоставляя читателю возможность поразмыслить над спорными слабыми сторонами когнитивных исследований.

Лингвокогнитивистика современного этапа, обращается к функционированию, развитию концептов, их актуализации. Тексты, в которых актуализируется концепт, несут отпечаток социокультурных и политических условий их создания. Такой подход дает возможность рассмотреть процессы экстралингвистические, выявить аспекты взаимодействия между концептуальной картиной мира и широким культурным контекстом, что делает описание концептов более глубоким и обстоятельным.

Изменение предметного и исследовательского поля языкознания обусловлено рядом факторов: геополитическими и социальными сдвигами, происходящими на рубеже XX-XXI столетий; изменением территории распространения языков; сокращением числа языков, их дроблением и смешением; функционированием языков в сфере электронной коммуникации; воздействием религиозной составляющей и т.п.

Актуален междисциплинарный подход, который состоит в соединении лингвистических, психологических и философских методов изучения языка. В работах последнего десятилетия характерным является рассмотрение языковых фактов с позиций комплексного системно-функционального подхода. Преимущество данного подхода, авторы видят в совмещении традиционного структурно-грамматического строя с методами антропоцентрической направленности - психолингвистической, когнитивной, коммуникативной, прагматической, дискурсивной.

Список литературы

1. *Верещагин Е.М.* История возникновения древнего общеславянского литературного языка: Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников. М., 2001. С. 57-76.
2. *Виноградов, В.В.* О некоторых лингво-методических взглядах акад. Л.В. Щербы / В.В. Виноградов // Русский язык за рубежом. - 1970. - № 2. - С. 37- 53.
3. *Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. 1-П. Тбилиси, 1984.
4. *Гухман М.М.* Историческая типология и проблема диахронических констант. – М., 1980.
5. *Реформатский А.А.* Введение в языковедение. М.: АспектПресс, 2010. 536 с.
6. *Толстая С.М.* Этнолингвистика // Институт славяноведения. 50 лет. - М., 1996. - С. 241.
7. *Щерба, Л.В.* Избранные работы по языкознанию и фонетике / Л. В. Щерба. - Л. : Изд-во ЛГУ, 1958. - 182 с.

10.02.00

Н.В. Левчаева канд. филол. наук

ЧУ ВО «Мордовский гуманитарный институт»,
кафедра гуманитарных и естественно-научных дисциплин
Саранск, Levchaeva79@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПУБЛИЧНОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ В ЛИНГВО-КОММУНИКАТИВНОМ АСПЕКТЕ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕНИЯ

В наше динамичное и очень требовательное время современный человек для достижения поставленных целей должен обладать не только профессиональными качествами, но и уметь выступать публично, владея при этом правильной, логичной и красивой речью. В статье приводятся наиболее распространенные типичные риторические и грамматические ошибки, встречающиеся в публичных выступлениях.

Ключевые слова: культура общения; устная речь; письменная речь; ошибка; публичное выступление; оратор.

Современный этап развития общества, претерпевающий экономические процессы глобализации, интеграции, быстрые темпы изменения социально-экономических условий жизни и обострение национальных противоречий, возрастание объемов информации, внедрение коммуникационных технологий вывел на одно из первых мест проблему культуры общения, являющуюся основой межличностных отношений в изменяющемся мире, в котором каждый человек стремится быть успешным. Успех во многом зависит от самого человека: от уровня культуры устной и письменной речи; речеведческих понятий и совершенствования коммуникативно-речевых умений; способности производить первое впечатление (внешний вид — прическа, одежда и украшения, свидетельствуют об успешности и респектабельности). «Внешний вид ... должен соответствовать ситуации и характеру общения, вкусам аудитории и не отвлекать внимание слушателей» [11, с. 43]. Кроме того, первое впечатление о человеке, как правило, формируется на основании продемонстрированной собеседником речевой культуры. Культура общения человека, способность логично выражать свои мысли и чувства как в устной форме, так и на письме являются его визитной карточкой. Доказано, что люди, умеющие хорошо и красиво говорить смогут добиться значительных результатов благодаря своей практически уникальной способности выступать публично, поскольку «публичная речь произносится для того, чтобы проинформировать слушателей и оказать на них желаемое воздействие (убедить в чем-либо, внушить что-либо, призвать к чему-либо и т.д.) [12, с. 19]. В связи с этим некоторых людей можно слушать долго, не отвлекаясь, других — сложно выслушать до конца, поскольку появляется непреодолимое желание немедленно завершить процесс общения. Кроме того, умение говорить — основной показатель, который отличает человека от животного.

Речевое мастерство — это умение, соблюдая языковые нормы, для выражения мыслей и отношения из возможных вариантов выбирать наиболее удачный. Подчеркнем, что умение грамотно и сжато преподнести информацию, своевременно и правильно реагировать на изменения настроения и мысли собеседника (-ов), способствует не только адекватному взаимодействию отдельных людей, но и консолидации общества в целом. В связи с этим человек, обладающий культурой общения, становится востребованным в современных реалиях. Особенно наглядно это прослеживается в профессиях, для которых владение современным русским литературным языком является неотъемлемой составляющей, в частности для дипломатов, юристов, ведущих радио и дикторов телевидения, журналистов, преподавателей и руководителей различных уровней. Однако основами культурной речи должны владеть не только деловые и публичные люди, но и те, чья трудовая деятельность

непосредственно сопряжена с человеческим ресурсом. Так, особое значение культура речи приобретает для преподавателей и учителей, поскольку они "дают путевку в жизнь" подрастающему поколению. Таким образом, умение правильно (с соблюдением норм и закономерностей русского литературного языка) строить свое устное высказывание, убедительно отстаивать собственную позицию, необходимо всем, кто оказался в русле современного «жизненного водоворота».

Проблемами культуры речи занимались многие исследователи и ученые [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9]. Однако следует отметить, что современная публичная речь, к сожалению, весьма далека от удовлетворительного состояния. Тревогу вызывает, прежде всего, низкий уровень языковых способностей современной молодежи, который приводит к элементарным ошибкам в устной и письменной речи. Низкая речевая культура способствует не только снижению рейтинга современного делового человека, но и негативно влияет на оценку его профессиональной деятельности.

Основным компонентом культуры общения является культура речи – использование норм современного литературного русского языка, обуславливающего выбор и организацию языковых средств, позволяющих в конкретной ситуации при соблюдении этики общения обеспечить необходимый эффект в достижении поставленных задач публичной коммуникации. В связи с этим представляется актуальным рассмотрение вопросов, касающихся особенностей публичного выступления в лингвистическом и коммуникативном аспектах, а также связанных с ними разноуровневых языковых правил, относящихся к фонетике, лексике, грамматике.

К особенностям публичных выступлений в лингво-коммуникативном аспекте можно отнести следующие: очень часто встречается неправильное употребление предлогов с существительными, например: согласно приказу; вопреки здравого смысла и т.д. Особое внимание обращают на себя плеонастические выражения. «Плеоназм – это смысловая избыточность, недопустимая с точки зрения современного русского языка. Ниже приведем типичные плеонастические выражения: жестикулировать руками, коллега по работе, вернуться обратно, габаритные размеры, ладони рук, март месяц. Отметим, что среди плеоназмов встречаются исключения, которые являются допустимыми и вошедшими в разряд научных терминов, например букинистическая книга, денежные средства, информационное сообщение, экспонаты выставки и т.д» [10, с. 325]. Кроме того, типичной ошибкой в речи оратора является тавтология – повтор однокоренных или близких по звучанию слов в предложении, например: «Относительно данного высказывания следует заметить следующее», «яснее ясного»; «первый дебют»; «в протоколе запротоколировано» и т.д.

Довольно часто можно наблюдать за тем, что при великолепном выступлении оратора общее впечатление от содержания выступления теряется, «смазывается» из-за чрезмерного нарушения акцентологических норм русского языка — неправильной постановки ударения в общеупотребительных словах. Трудность русского ударения заключается в том, что оно является нефиксированным (ударной может быть любая часть слова: приставка, корень, суффикс, окончание) и подвижным. Примечательно то, что во всех словах русского языка с буквой Ё ударение согласно правилам ставится именно на нее (заём, свёкла, новорождённый). Ниже приведем слова, в которых наиболее часто ораторы допускают ошибки в ударениях: вероисповѣдание, опе́ка, премирова́ть, звони́т, краси́вее, пригово́р, катало́г, ходата́йствовать, кварта́л, мусоропрово́д, экспе́рт, облегчи́ть, завидно́, че́рпать.

Таким образом, в публичных выступлениях независимо от темы, коммуникативных намерений говорящего и ситуации общения умелое использование возможностей русского литературного языка, знание норм литературного языка и удачный выбор языковых средств будут способствовать высокому уровню формирования языковой и коммуникативной культуры выступающего.

В заключении следует отметить, что оратору необходимо продемонстрировать слушателям свои знания и опыт по освещаемым вопросам, поэтому он должен быть хорошо подготовлен к выступлению не только в лингвистическом (коммуникативном) аспекте, но и обладать достаточным запасом материала по данной теме и иметь непосредственное отношение к предмету общения.

Список литературы

1. *Апресян Г. З.* Ораторское искусство. М.: МГУ, 1978. 278 с.
2. *Введенская Л. А., Павлова Л. Г.* Культура и искусство речи. Современная риторика. Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1999. 576 с.
3. *Введенская Л. А., Павлова Л. Г.* Деловая риторика. Ростов н/Д: издательский центр «МарТ», 2002. 512 с.
4. *Введенская Л. А., Павлова Л. Г., Кашаева Е. Ю.* Русский язык. Культура речи. Деловое общение. М.: Кнорус. 2014. 424 с.
5. *Винокур Г. О.* Культура языка. М.: Федерация, 1929. 336 с.
6. *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. М.: Индрик, 2005. 1038 с.
7. *Гришина И. А.* Педагогические условия формирования речевой культуры студентов гуманитарного вуза: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. пед. наук. Казань, 2001 199 с.
8. *Лукасова Э. М.* Система параметров блока терминов "культура речи": автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Краснодар, 2000 18 с.
9. *Каган М.С.* Мир общения: Проблема межсубъектных отношений. М.: Политиздат, 1988. 319 с.
10. *Левчаева Н. В.* Литературный язык – основа культуры речи // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. №2-2(80). – С. 322-326.
11. *Левчаева Н. В.* Публичное выступление как эффективное средство повышения качества обучения студентов // Мир науки и образования. 2015. №1. С. 39–43.
12. *Левчаева Н. В.* Этапы формирования публичного выступления и его композиционные части // Мир науки и образования. 2016. №3(7). С. 19.

10.02.20

Н.В. Малышева канд. филол. наук, А.Е. БожедоноваСеверо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
Якутск, ninel_malysheva@mail.ru, bozhedonova2015@mail.ru**ФОНОСТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯКУТСКИХ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ,
ОПИСЫВАЮЩИХ «РЫЖУЮ» МАСТЬ ЛОШАДИ**

Взаимосвязь якутского языка и тюркских языков Южной Сибири является одним из актуальных вопросов в тюркологии. Статья посвящена исследованию фоноструктурных особенностей имён прилагательных, описывающих масти лошади в якутском языке с их эквивалентами в других тюркских языках: алтайском, хакасском и тувинском. В исследовании определены способы образования двухкомпонентных основ в якутском языке и описаны их морфологические признаки. Авторами сделана попытка определить характер изменчивости фоноструктурных особенностей рассматриваемых тюркских лексических параллелей.

Ключевые слова: якутские имена прилагательные, однокомпонентные основы, двухкомпонентные основы, тюркские языки Южной Сибири, фоноструктурные особенности, «рыжая» масть лошади.

Лошадь в традиционной культуре якутов имеет огромное значение не только в хозяйстве, культуре и в быте, но в духовной жизни как символ благосостояния, благополучия и достатка народа Саха. В этой связи лошадь для якутов является священным животным небесного происхождения, имеющая божественную созидательную энергию, которая связана с культом Солнца и огня у тюркских народов. Особое внимание якуты уделяли лошади «рыжей» масти, символизируя ее с Солнцем (см. Рис.). Поэтому лексика якутского языка богата многочисленными именами прилагательными, обозначающими разнообразные оттенки «рыжей» масти лошади, количество которых составляет 21 имя прилагательное, занимающее 12% из всей якутской лексики, обозначающей различные масти лошади. Сравнительный анализ позволит выявить отношение якутского языка к алтайскому, хакасскому и тувинскому языкам, представляющих тюркские языки Южной Сибири, в рамках тематической группы имен прилагательных, описывающих масти «рыжей» лошади.

Из 21 зафиксированного имени прилагательного в якутском языке, 11 основ имеют лексические параллели: в хакасском – 6 (55%); тувинском – 4 (36%), алтайском – 1 (9%), остальные 10 основ не имеют соответствий в исследуемых тюркских языках: 1) як. **бүтэй кугас** ‘полностью, сплошь рыжий’ [ТСЯЯ, т. IV, с. 426]; 2) як. **кугас маңаас** ‘рыжий с белой мордой’ [ТСЯЯ, т. IV, с. 426]; 3) як. **кугас саадыбай** ‘красно пестрый’ [ТСЯЯ, т. IV, с. 426]; 4) як. **кугас тураҕас** ‘гнедо-рыжий’ [ТСЯЯ, т. IV, с. 426]; 5) як. **кугас эриэн** ‘желто пестрый’ [ТСЯЯ, т. IV, с. 427]; 6) як. **моңул кугас** ‘темно-рыжий’ [ТСЯЯ, т. IV, с. 427]; 7) як. **өһөх кугас** ‘медно-рыжий’ [ТСЯЯ, т. IV, с. 427]; 8) як. **солондо кугас** ‘рыжий’ [ТСЯЯ, т. IV, с. 427]; 9) як. **туос кугас** ‘светло желтый’ [ТСЯЯ, т. IV, с. 427]; 10) як. **тымтык кугас** ‘соловый’ [ТСЯЯ, т. IV, с. 427]; 11) як. **чимэчи кугас** ‘цвета заболонт’ [ТСЯЯ, т. IV, с. 428].

Однокомпонентные

1) як. **кугас** ‘рыжий’ [ТСЯЯ, т. IV, с. 426] // алт. **јеерен** ‘рыжий’ [РАС, 1964, с. 672], алт. **кызыл сары** ‘рыжий’ [РАС, 1964, с. 672], хак. **позырах** ‘рыжий’ [ХРС, 2006, с. 375], хак. **чигир** ‘рыжий’ [ХРС, 2006, с. 962]; 2) як. **кугастыңы** ‘рыжеватый’ [ТСЯЯ, т. IV, с. 428] // тув. **шилгизимээр** ‘рыжеватый’ [ТРС, 2001, с. 409].

Двухкомпонентные

1) як. **сырдык кугас** ‘светло-рыжий’ [ТСЯЯ, т. IV, с. 426] // хак. **сабдар позырах** ‘светло-рыжий’ [ХРС, 2006, с. 422], хак. **ах сабдар** ‘светло-рыжий (желтый)’, кыз.диал. [ХРС, 2006, с. 450]; 2) як. **хараңа кугас** ‘темно-рыжий’ [ТСЯЯ, т. IV, с. 426] // хак. **күрөң** ‘темно-рыжий, бурый’ [ХРС, 2006, с. 218], хак. **хара күрөң түлгү** ‘темно-рыжая’ [ХРС, 2006, с. 218]; 3) як. **кугас ала** ‘рыжий белобокий’ [ТСЯЯ, т. IV, с. 426] // тув. **шилги-ала** ‘рыже-пегая’ [ТРС, 2001, с. 409]; 4) як. **кугас элэмэс** ‘пегий, пестрый, с рыжими пятнами’ [ТСЯЯ, т. IV, с. 427] // хак. **хызыл-чохыр** ‘красно-пестрый’ [ХРС, 2006, с. 993]; 5) як. **куочай кугас** ‘красновато-рыжий, полностью рыжий’ [ТСЯЯ, т. IV, с. 427] // тув. **шилги** ‘красновато-рыжий’ [ТРС, 2001, с. 409]; 6) як. **уоһах кугас** ‘красновато-желтый’ [ТСЯЯ, т. IV, с. 427] // хак. **санмыл сарыҕ** ‘красно-желтый’ [ХРС, 2006, стр. 450]; 7) як. **уот кугас** ‘огненно-рыжий’ [ТСЯЯ, т. IV, с. 427] // хак. **хызыл сабдар** ‘огненно-рыжий’ [ХРС, 2006, с. 157]; 8) як. **хоңор кугас** ‘солово-рыжий’ [ТСЯЯ, т. IV, с. 427] // тув. **сарыг-шилги** ‘солово-рыжая’ [ТРС, 2001, с. 264].

В данной статье подвергаются анализу фоноструктурные особенности лексических параллелей якутского языка в сравнительном плане с тюркскими языками Южной Сибири. Сравнительный анализ фоноструктурных особенностей однокомпонентных лексических параллелей проводится в следующем порядке: а) лексические параллели разделяются по структурным типам с целью установления количества лексем в отдельных структурных типах; б) при проведении структурного анализа определяется количество лексических параллелей в структурных типах: 1) однокомпонентных лексических параллелей структурные типы рассмотрены в следующем порядке: 1.1.) с абсолютным совпадением [CVC]→[CVC]; 1.2) с частичным совпадением [CVC]→[CV:C], [CVC]→[CV,C]; 1.3) подвергшиеся структурным изменениям (например, [CVC]→[VCC]; 2) в сложных двухкомпонентных лексических параллелях структурные типы рассмотрены по способу образования.

Количество однокомпонентных лексических параллелей с абсолютным совпадением в четырех языках составляет 2 единицы, из них двусложные основы со структурным типом CVCVC: як. **кугас** // алт. **јеерен**, хак. **позырах**, хак. **чигір**; четырехсложные основы со структурным типом CVCVCCVCV: як. **кугастыңы** // тув. **шилгизимээр**. Однокомпонентные основы, подвергшиеся структурным изменениям составили 2 лексические параллели: як. **кугас** // алт. **јеерен**, хак. **позырах**, хак. **чигір**; як. **кугастыңы** // тув. **шилгизимээр**.

Количество двухкомпонентных основ составляет 8 единиц, представленных следующими способами образования:

1. Апеллятив + прилагательное со значением цвета (3): як. **уоһах кугас** ‘красновато-желтый’ // хак. **санмыл сарыҕ** ‘красно-желтый’; як. **куочай кугас** ‘красновато-рыжий, полностью рыжий’ // тув. **шилги** ‘красновато-рыжий’; як. **уот кугас** ‘огненно-рыжий’ // хак. **хызыл сабдар** ‘огненно-рыжий’.

2. Прилагательное со значением цвета + прилагательное со значением цвета (3): як. **кугас ала** ‘рыжий белобокий’ // тув. **шилги-ала** ‘рыже-пегая’, кирг. **сары ала** ‘рыже-пегий’, кирг. **сарала** ‘рыже-пегий’; як. **кугас элэмэс** ‘пегий, пестрый, с рыжими пятнами’ // хак. **хызыл-чохыр** ‘красно-пестрый’; як. **хоңор кугас** ‘солово-рыжий’ // тув. **сарыг-шилги** ‘солово-рыжая’.

3. Прилагательное+прилагательное со значением цвета (2): як. **сырдык кугас** ‘светло-рыжий’ // хак. **сабдар позырах** ‘светло-рыжий’, хак. **ах сабдар** ‘светло-рыжий (желтый)’, кыз.диал., кирг. **сары** ‘светло-рыжая’, **ачык сары** ‘светло-рыжий’; як. **хараңа кугас** ‘темно-рыжий’ // хак. **күрөң** ‘темно-рыжий, бурый’, хак. **хара күрөң түлгү** ‘темно-рыжая’.

Таким образом, выявлено 37 имен прилагательных, описывающих масть лошади в рассматриваемых в тюркских языках, в том числе в якутском – 21, в тувинском – 5, в хакасском – 9, в алтайском – 2. Основная “рыжая” масть делится на несколько подмастей, высокий количественный показатель которой зафиксирован в якутском языке. Такое богатое количество подмастей, возможно, связано с тем, что рыжая масть у якутов является одним из основных, которая считалась священной и характеризовалась как самая резвая, энергичная и эмоциональная лошадь.

Список литературы

1. Антонов Н.К. Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск: Кн. Изд-во, 1971. – 174 с.
2. Алексеев Н.Д. Сылгыны өнүгүн дьүһүннээһиннэ номенклатура. Дьокуускай: Бичик, 2008.
3. Борисова И.З. Особенности номинации масти лошадей в якутском языке и их перевода на русский и французский языки // Вестник Бурятского государственного университета. 2013, с. 83-88
4. Кулаковский А.Е. Научные труды. Якутск: Кн. изд-во, 1979. – 484 с.
5. Левин Г.Г. Исторические связи якутского языка с древнетюркскими языками VII-IX. Якутск: Издательский дом СВФУ. 2013. – 468 с.
6. Саввина Е.В. Цвет в традиционной этнической культуре якутов / Автореферат кандидатской диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Якутск, 2001.
7. Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М., 1986. – 304 с.
8. Сидоров Е.С. Этюды по сравнительно-исторической лексикологии якутского языка// Сов. тюркология. – 1985. – №3. – с. 63.
9. Федорова К. И. Названия масти лошадей в якутском языке // Полярная звезда. Якутск, 1980. № 3. – 123 с.

Рис. – Якутская лошадь рыжей масти

10.02.00

Н.С. Морева канд. филол. наук

Дальневосточный федеральный университет,
Восточный институт – Школа региональных и международных исследований,
кафедра романо-германской филологии,
Владивосток, moreva.ns@dvfu.ru

ФРАНЦУЗСКИЙ ПРИЧИННЫЙ СОЮЗ *car* И ЕГО ПЕРЕВОДНЫЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ

*Статья посвящена исследованию французского союза *car*, одного из самых неоднозначных причинных союзов. Работа выполнена в русле сопоставительных исследований, проводимых на базе корпуса параллельных текстов. Выявляются переводные эквиваленты рассматриваемого союза, делается вывод о не полном соответствии их словарным эквивалентам.*

Ключевые слова: *причинный союз, логическое обоснование, причина, параллельный текст, переводной эквивалент.*

Настоящая статья посвящена исследованию одного из самых неоднозначных и дискутируемых причинных союзов французского языка – союза *car*. Его грамматическая природа и семантика до сих пор являются предметом анализа многих отечественных и зарубежных лингвистов [3; 6; 7]. Актуальность данной работы определяется тем, что она выполнена в русле сопоставительных исследований служебных слов, важность и необходимость которых подтверждается многими исследованиями, но в которых французские причинные союзы пока что мало представлены. Сопоставительный аспект исследования представляется нам как исключительно важный. Во-первых, потому (и здесь мы полностью разделяем мнение В. Г. Гака), что «сопоставление позволяет иногда выявить некоторые особенности иностранного и родного языков, ускользающие при их «внутреннем» изучении» [2, с. 10]; а во-вторых, позволяет установить межъязыковые соответствия, не всегда учтённые в словарях. Возможности проведения сопоставительного анализа в последнее время значительно расширились с использованием корпусной лингвистики и особенно с появлением параллельных корпусов текстов. По словам Д.О. Добровольского, исследование переводческих соответствий с использованием таких корпусов оказываются полезными, помимо теории перевода и лексикографии, и «для более детального описания семантики лексических единиц каждого из сопоставляемых языков» [1, с. 79]. Мы полагаем, что сопоставительное корпусное исследование поможет пролить свет на некоторые спорные моменты природы рассматриваемого союза.

Исходя из лексикографического толкования во французско-русских словарях, словарными соответствиями французского союза *car* являются русские причинные союзы *потому что, так как, ибо*. Целью же данной работы является выявление всех возможных средств перевода союза *car* на русский язык. Таким образом, в качестве объекта исследования мы определяем союз *car* и его русские переводные эквиваленты. Обозначая объектом анализа союз, мы отдаём отчёт, что, по сути, объектом является не только и не столько союз как лексическая единица, но те смысловые отношения, которые им выражаются. Не вдаваясь в тонкости этих отношений, отметим лишь, что в этом исследовании мы принимаем во внимание пока что два основных значения, традиционно приписываемых союзу *car* и сформулированных Е.А. Реферовской: выражение обоснования сообщения, содержащегося в предыдущем высказывании и указание на подлинную «причину» [5, с. 178-181].

Материалом исследования послужили 238 употреблений союза *car*, отобранных методом сплошной выборки из французско-русского параллельного корпуса текстов, который является составной частью Национального корпуса русского языка [4] и включает в себя в основном французские художественные тексты и их перевод на русский язык.

Анализ материала показал, что для передачи союза *car* и выражаемых им отношений используются различные языковые средства.

Примечательно и логично, что в абсолютном большинстве контекстов (153 ед.) сохраняется исходная синтаксическая конструкция, оформленная союзом. В большинстве случаев союз переведён словарными соответствиями, т.е. союзами *потому что*, *так как* и *ибо*. Однако наблюдается явное предпочтение союзу *ибо*: в количественном отношении он превалирует практически в пять раз – 91 употребление, союзы *потому что* и *так как* встречаются 22 и 21 раз соответственно. Интересным представляется факт перевода служебным словом *ведь*, не зафиксированным ни одним словарём как эквивалент. В количественном отношении употребление *ведь* (18 примеров) сопоставимо с использованием союзов *потому что* и *так как*. Один раз в качестве переводного эквивалента выступает союз *поскольку*, также не являющийся словарным соответствием союза *car*.

Во всех остальных случаях, а это одна треть примеров, союз *car* при переводе опускается, синтаксическая конструкция трансформируется. Семантика союза при этом либо передаётся другими средствами (52 примера), либо утрачивается (21 пример), либо переосмысливается (13 примеров).

Среди других средств наиболее частотным способом передачи выражаемых союзом *car* отношений является использование бессоюзных предложений, деепричастных оборотов, предложно-падежных форм.

Опущение союза при переводе с утратой выражаемого им значения наблюдается чаще всего в тех случаях, когда *car* начинает новое предложение после точки. Союз выступает в таких случаях в своём основном значении – обоснования, аргументации высказанного ранее сообщения и является, на наш взгляд, в большей степени дискурсивным связующим элементом. *Sa faute, oui, mais plus encore celle du traître qui, pour le séparer de son maître, pour retenir celui-ci à Hong-Kong, l'avait enivré! Car il comprit enfin la manoeuvre de l'inspecteur de police* [J. Verne. Le tour du monde en quatre-vingt jours] – *Это его вина, конечно, но в еще большей мере – вина того предателя, который напоил Паспарту, чтобы разлучить его с мистером Фоггом и задержать того в Гонконге. Наконец-то он разгадал маневр полицейского инспектора!* [4].

Переосмысление логического отношения, выраженного в исходном тексте союзом *car*, можно рассматривать как случаи интерпретации текста переводчиком. Причинные отношения заменяются при этом целевыми, временными, противительными отношениями и оформляются соответствующими русскими союзами: *Je suis rentré à pied, de l'appartement de Rocroy à mon hôtel, rue de Castiglione, car je voulais savoir si ma femme m'avait téléphoné* [P. Modiano. Quartier perdu] – *Я пешком вернулся из квартиры Рокруа в отель на улице Кастильоне, чтобы узнать, не звонила ли моя жена* [4].

Что касается соотношения выбранных средств перевода союза *car* с его значением, то в общих чертах можно говорить о следующих закономерностях: употребление союзов *ибо*, *поскольку*, союзной частицы *ведь* соотносится с выражением обоснования. Это может быть обоснование всего предшествующего высказывания в целом: *Avait-il voyagé? C'était probable, car personne ne possédait mieux que lui la carte du monde* [J. Verne. Le tour du monde en quatre-vingt jours] – *Путешествовал ли он? Весьма возможно, ибо никто лучше его не знал карты земного шара* [4]. Обоснование может также относиться, например, к выбору отдельного слова: *Ce voyage à travers l'Inde, au contraire, n'avait-il pas été entrepris par ce gentleman dans le but de rejoindre cette charmante personne? car elle était charmante!* [J. Verne. Le tour du monde en quatre-vingt jours] – *Или, быть может, самое путешествие через Индию было затеяно ради свидания с этой красавицей? А ведь она и вправду очаровательна!* [4].

Союзами *потому что* и *так как* союз *car* переводится и при выражении обоснования – *Alors elles sont à moi, car j'y ai pensé le premier* [A. de Saint-Exupéry. *Le petit prince*] – *Значит, moi, потому что я первый до этого додумался* [НК]. *"Je le souhaite, monsieur Fix, car il s'agit d'un vol important."* [J. Verne. *Le tour du monde en quatre-vingt jours*] – *Я был бы очень рад, мистер Фикс, так как дело касается крупной кражи* [4] – и при выражении причины: *Je viens d'aller consulter un médecin, car je ne pouvais plus dormir* [G. de Maupassant. *Le Horla*] – *Я посоветовался с доктором, потому что стал страдать бессонницей* [4]. ... *et tout l'appartement sentait un peu le moisi, car le plancher était plus bas que le jardin* [G. Flaubert. *Un coeur simple*] – ... *во всем доме чувствовался легкий запах плесени, так как полы были ниже уровня сада* [4].

Итак, обращение к параллельным текстам позволяет сделать вывод, что в качестве переводного эквивалента союза *car* используются не только словарные соответствия, но и служебные слова, не зафиксированные в качестве таковых в двуязычных словарях. Кроме того, достаточно распространённым способом перевода являются синтаксические трансформации, при которых союз просто опускается. Добавим также, что союз *car* и его значения могут быть источником переводческих потерь, что, в свою очередь, может свидетельствовать о сложности восприятия смысловых оттенков передаваемых этим союзом отношений, и приводит к изменению смысла текста оригинала.

Список литературы

1. Добровольский Д.О. Корпус параллельных текстов как инструмент сопоставительного описания языков // Русская сопоставительная филология: состояние и перспективы. Труды междунар. конф. – Казань: Каз. гос. ун-т, 2004. – С. 289-290.
2. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. Учеб. пособие.– Л.: Просвещение, 1977. – 300 с.
3. Кудрявцева Н.Б. Спорные вопросы грамматики: о составе союзов сочинения во французском языке // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. – 2010. – № 2. – С. 81–87.
4. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-para-fr.html> (дата обращения 15.02.2018).
5. Реферовская Е.А. Синтаксис современного французского языка. Л.: Наука, 1969. – 238 с.
6. Abeillé A. Les syntagmes conjoints et leurs fonctions syntaxiques // *Langages*. – 2005/4 (n° 160). – Pp. 42-66. URL: <https://www.cairn.info/revue-langages-2005-4-page-42.htm> (дата обращения 15.02.2018).
7. Simon A.C., Degand L. Connecteurs de causalité, implication du locuteur et profils prosodiques. Le cas de *car* et de *parce que* // *Journal of French Language Studies*. - 2007. № 17. – Pp. 323–341. URL: <https://doi.org/10.1017/S095926950700302X> (дата обращения 15.02.2018).

10.02.00

М.С. Попова канд. филол. наук, Д.С. Федорова

Иркутский государственный университет,
педагогический институт, отделение гуманитарно-эстетического образования,
кафедра иностранных языков и лингводидактики,
Иркутск, popova-mary@mail.ru, fedorowadasha1992@yandex.ru

**КОЛЛОСТРУКЦИОННЫЙ АНАЛИЗ КОНСТРУКЦИИ N_1VN_2 FROM GERUND В
СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

Статья посвящена изучению конструкции N_1VN_2 from Gerund с позиций коллострукционного анализа, определяется общее значение конструкции, выделяются группы глаголов, способных участвовать в образовании данной конструкции в V- и G-слотах.

Ключевые слова: *грамматика конструкций, коллострукционный анализ.*

В конце 80-х годов прошлого столетия в рамках когнитивной лингвистики благодаря идеям выдающегося американского лингвиста Ч. Филлмора возникла новая концепция, получившая название «грамматика конструкций». Согласно данной теории, основной единицей языка является конструкция (Конструкция – языковое выражение, у которого есть аспект плана выражения или плана содержания, не выводимый из значения или формы составных частей [2,19]). Каждая конструкция, в свою очередь, изначально обладает собственным особым значением, которое в той или иной мере накладывает ограничения на компоненты конструкции, что представляет собой особый интерес для исследователей [2].

На сегодняшний день в лингвистических работах, организованных в рамках данной теории и посвященных изучению разного рода конструкций, прослеживается тенденция к более активному использованию методов статистики, в частности, коллострукционного (Термин «коллострукция» (collostruction) происходит от сложения двух слов: collocation ‘коллокация’ и construction ‘конструкция’ [2, 35].) анализа.

Коллострукционный анализ – это статистический метод изучения структурной организации конструкций, разработанный Стефаном Грисом и Анатодем Стефановичем. Как отмечают сами авторы, главной целью такого анализа является выявление лексем, чаще всего встречающихся в определенной конструкции, а также степени их «тяготения» к тому или иному слоту данной структуры [6].

Настоящее исследование посвящено анализу каузативной конструкции N_1VN_2 from Gerund (далее – from-конструкция) в современном английском языке с позиций коллострукционного анализа. Отправной точкой нашей работы является определение значения постоянного элемента анализируемой конструкции – предлога *from - used to say what is prevented or forbidden* [5]. Принимая во внимание важность наличия данного предлога для конструкции, можно предположить, что значение этого предлога будет такой же неотъемлемой частью значения конструкции в целом [1]. Следовательно, в семантике данной конструкции заложено значение «предотвращение совершения/воплощения какого-либо действия». Так, в примере (1) речь идет о сотрудниках полиции, которые препятствовали проникновению фермеров в здание, а в высказывании (2) использование небольшого количества масла позволяет предотвратить слипание макарон во время варки:

(1) *Police blocked farmers from coming inside and they just stood in front shouting and calling messages over a loud hailer* [4].

(2) *Adding a little oil to the water prevents pasta from sticking together during cooking* [4].

Кроме того, from-конструкции формируется при участии еще двух обязательных элементов – глагольном и герундиальном слотах. Очевидно, что эти два непосредственно взаимосвязаны. При этом в первый слот конструкции (далее V-слот) входят глаголы, содержащие в своем значении сему «предотвращение действия», а второй слот (далее G-слот) занимают глаголы, обозначающие действия, которые с точки зрения агенса (Агенса –

активный участник ситуации, осуществляющий над ней контроль [3].) рассматриваются как нежелательные или неприятные.

Для того чтобы статистически установить взаимосвязи, существующие между лексемой₁ из V-слота, лексемой₂ из G-слота и исследуемой конструкцией, а также измерить силу «тяготения» лексических единиц к ее слотам, необходимо, согласно теории С. Гриса и А. Стефановича, провести ковариацию (Ковариация коллексем подразумевает анализ взаимосвязей между двумя словами из двух разных слотов одной конструкции, измерение частоты использования одной лексемы одновременно с другой и их силы связи [2].) коллексем.

Рассмотрим процедуру анализа ковариации коллексем на конкретном примере:

(3) *A pressing cloth prevents fabrics from becoming shiny* [4].

Заполним таблицу (1) для конструкции типа N_1 prevent N_2 from becoming известными данными из корпуса: а) общее количество случаев появления глагола *prevent* в первом слоте конструкции – 30; б) общее количество случаев появления герундия *becoming* во втором слоте конструкции – 3); в) общее количество случаев одновременного появления глагола *prevent* и герундия *becoming* в конструкции – 2); г) общее количество случаев употребления конструкции $N_1 V N_2$ from Gerund в корпусе – 77. На основании корпусных данных рассчитаем недостающие показатели путем выполнения простых математических действий.

Таблица 2 – Ковариация *prevent* и *become* в *from* - конструкции

	<i>become</i>	<i>other verbs</i>	<i>row totals</i>
<i>prevent</i>	2	28	30
<i>other verbs</i>	1	46	47
<i>column totals</i>	3	75	77

На следующем этапе необходимо вычислить «ожидаемую» частоту появления лексемы₁ (*prevent*) и лексемы₂ (*becoming*) в исследуемой конструкции.

Прежде всего, рассчитаем среднестатистическое употребление глагола *prevent* в V-слоте, т.е. процентное соотношение между общим количеством употреблений конструкций и количеством случаев, когда первый слот конструкции занимает глагол *prevent*: $30 \cdot 100\% : 77 = 38,961039\%$.

Для конструкции типа N_1 prevent N_2 from becoming должно быть верно такое же процентное соотношение, следовательно, на основе полученного результата и данных корпуса, вычислим «ожидаемую» частоту одновременного появления лексем *prevent* и *becoming* в конструкции: $3 \cdot 38,961039\% : 100\% = 1,16883117$.

Наконец, для того чтобы определить, тяготают ли данные лексемы к рассматриваемой конструкции, необходимо сравнить полученное число с данными из корпуса. Если количество реальных употреблений превосходит «ожидаемую» частоту, то считается, что лексемы «притягиваются» данной конструкцией, и, наоборот, если частота реальных употреблений оказывается ниже «ожидаемой», то делается вывод о том, что конструкция «отталкивает» данные лексемы.

В рассмотренном выше примере конструкции частота реальных употреблений превышает «ожидаемую» ($2 > 1,16883117$). Из этого следует, что в случае N_1 prevent N_2 from becoming конструкция «притягивает» лексемы *prevent* и *becoming* к первому и второму слотам соответственно.

Аналогично процедуре, описанной выше, мы изучили все 77 случаев употребления конструкции $N_1 V N_2$ from Gerund, зафиксированных в Британском Национальном Корпусе английского языка.

Анализ фактического материала исследования подтвердил наше предположение о том, что роль предиката в данной структуре способен выполнять далеко не каждый глагол. Во множество лексем, которые «притягиваются» к V-слоту конструкции, входят:

I. Глаголы с общей семантикой «препятствовать, предотвращать, прекращать» (62,3%), – *to stop, to block, to prevent, to obstruct, to deter, to keep, to hinder, to restrain, etc.*, ср.:

(4) *He argued, in essence, that the rule of law prevented government from exercising arbitrary powers* [4].

II. Глаголы с такими значениями, как «отговаривать» – *to discourage*, «отвлекать» – *to divert*, «не разрешать» – *to exclude*, «защищать» – *to protect* и другие (28,6%), ср.:

(6) *Undoubtedly behaviourism diverted people from thinking about fundamental issues, like the design of a brain that is capable of generating actions rather than reactions* [4].

III. Глаголы со значением «официально запрещать» (9,1%) – *to ban*, *to prohibit*, ср.:

(5) *No statute in terms prohibits offenders from telling their story or expressing their feelings* [4].

Множество лексем, притягивающихся к **G-слоту** конструкции, образовано глаголами с разнообразной семантикой. Данные глаголы можно условно разделить на следующие группы:

I. Глаголы движения (27,3%) – *to brandish*, *to come*, *to drive*, *to exercise*, *to go*, *to march*, *to open*, *to slide*, *to stay*, *to trample*, *to wave*, etc., ср.:

(7) *Similarly, a plate with a slight rim prevents food from sliding over the edge too easily* [4].

II. Глаголы говорения (10,4%) – *to ask*, *to insist*, *to recommend*, *to shout*, *to solicit*, *to speak*, *to swear*, *to tell*, etc., ср.:

(8) *The 'Yes to All' button stops Windows from asking you about every file* [4].

III. Глаголы состояния (9%) – *to see*, *to think*, etc., ср.:

(10) *Later, more houses were built obscuring the building from the street and the position of the office block prevented passers-by from seeing inside* [4].

IV. Глаголы коммерческих операций (7,8%) – *to borrow*, *to buy*, *to lend*, *to purchase*, *to sell*, etc., ср.:

(9) *"In theory, the US prudential rules prevented banks from lending more than 15 (later 10) per cent of their capital to any one borrower,..."* [4]

V. Другие глаголы (45,5%) – *to activate*, *to attempt*, *to evict*, *to gain*, *to increase*, *to limit*, *to rebuff*, *to receive*, *to spend*, *to supply*, *to wear*, etc., ср.:

(11) *In the rural areas, angry farmers prevented officials from evicting those who were in arrears with their mortgage payments* [4].

Таким образом, коллокационный анализ конструкции $N_1 V N_2$ from Gerund позволил нам изучить ее внутреннюю организацию и прийти к выводу, что данная структура категоризует ситуацию предотвращения действия или состояния. Поскольку данная конструкция обладает собственным значением, которое во многом определяется семантикой ее постоянного компонента (предлога *from*), то на комбинации пар лексем, заполняющих глагольный и герундиальный слоты, накладываются определенные семантические ограничения. Так, к V-слоту конструкции притягиваются синонимичные глаголы с общей семантикой «препятствовать, прекращать», «мешать, отвлекать», «официально запрещать». Тогда как, G-слот конструкции, могут заполнять глаголы различных семантических групп, включая глаголы движения, говорения, коммерческих операций, состояний и др.

Список литературы

1. Попова, М. С. Развитие конструкции N_1 force N_2 into Gerund в системе английского каузатива [Текст] / М. С. Попова // Вестник ИГЛУ. Серия: Филология. – 2012. – № 3. – С. 78-83.
2. Рахилина, Е. В. Лингвистика конструкций [Текст] / отв. ред. Е. В. Рахилина. – М.: Азбуковник, 2010. – С. 18-74.
3. Ярцева, В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / под ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 688 с.
4. BNC – British National Corpus. Available at: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (accessed 08 April 2018).
5. LDCE – Longman Dictionary of Contemporary English [Text]. 5th edition. – Longman, 2009. – 2081 p.
6. Stefanowitsch, A. Covarying collexemes [Text] / A. Stefanowitsch, S. Th Gries // Corpus Linguistics and Linguistic Theory. – 2005. – № 1. – P. 1-43.

10.02.00

¹М.В. Репина канд. филол. наук, ²Е.В. Сивакова, ²И.П. Назарова

¹ФГБОУ ВО Кубанский государственный медицинский университет
Министерства здравоохранения Российской Федерации,
стоматологический факультет, кафедра лингвистики,
²ФГБОУ ВО Кубанский государственный университет
физической культуры, спорта и туризма, кафедра иностранных языков
Краснодар, RepinaMarina@yandex.ru, helen.krasnodar@mail.ru

СИМВОЛИКА ЦВЕТА В РОМАНЕ Г. К. ЧЕСТЕРТОНА «ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОН КИХОТА»

Статья посвящена исследованию творчества Гилберта Честертона, а в частности его романа «Возвращение Дон Кихота». Целью статьи является выявление особенностей колоративной лексики, а также непосредственно связанной с нею сюжетной линии произведения. Анализ романа позволяет выделить два основных контекста использования цвета – «небесный» и «земной», которые сначала контрастируют между собой, но в итоге сливаются в единую цель.

Ключевые слова: *цветообозначения, колоративная лексика, красный цвет, конфликт, сюжетная линия, цветовая символика.*

Цвет играет значительную роль в творчестве Гилберта Честертон. В большинстве рассказов об отце Брауне, таких например как «Сломанная шпага», «Волшебная сказка отца Брауна», «Лиловый парик», «Летучие звезды», «Сапфировый крест», а также в романах и повестях цвет создает атмосферу произведения, подчеркивает чувства человека, помогает в раскрытии сюжета.

Некоторые эссе писателя («Сияние серого цвета», «Кусочек мела» и т.д.) полностью посвящены цвету, его влиянию на человека. В описании природы, одежды персонажей, окружающей обстановки Честертон часто использует яркие открытые цвета, которые характерны для детских рисунков. Как отмечает Н.Л. Трауберг: «...так видят в детстве... Прозрачность в этом мире сочетается не с бесцветностью, а с ярким или хотя бы чистым цветом: это драгоценный камень, леденец, освещенное огнем вино, утреннее или предвечернее небо...».[2, с. 35]

Задачей нашей статьи является исследование романа Честертон «Возвращение Дон Кихота» с целью анализа так называемой колоративной лексики, а также непосредственно связанной с нею сюжетной линии. В данном романе цвет и краски не только выполняют вспомогательную функцию, но являются основой, на которой строится произведение, целью поиска его героев.

Нами были выделены следующие цвета, имеющие наиболее высокую частотность употребления: красный и его оттенки, черный, зеленый, белый, пурпурный, а также незначительное количество цветообозначений, образованных от названий металлов, таких как серебряный, золотой и медный.

Основной цвет, который, на наш взгляд, является не только символом романа «Возвращение Дон Кихота», но и основой его сюжета – это красный цвет. Наиболее употребительное цветообозначение в оригинальном тексте – это прилагательное «red». Необходимо отметить наличие разнообразных вариантов данного слова в русскоязычном переводе: «красный», «алый», «огненный», «пламенеющий», «закатный» и т.д.

Анализ романа позволяет выделить два основных контекста использования цвета – «небесный» и «земной». Так, например, к «небесному» красному цвету следует отнести рисунок архангела с «пламенными крыльями» в книге, посвященной средневековым

миниатюрам. В данном случае – это цвет пламенной веры, Божественного огня. Обладатель «земного» красного – яркий галстук защитника профсоюзов Брейнтри, секретаря союза Углекопов. Здесь красный цвет – цвет бунта, борьбы, крови.

Красный цвет в «божественном» значении используется автором с такими дополнительными прилагательными как «нежный», «горячий», «пламенеющий»: «...a red vivid as if it were red-hot, and yet as delicate in its tint as a clear space in the sunset» [4, с. 6].

В следующем примере красный цвет символизирует Страшный суд: «...its tint glowed across the ages with a red that had the purity of flame...» [4, с. 26]. В переводе вместо него иногда встречается прилагательное «алый», что является на наш взгляд вполне обоснованным, так как для русского читателя алый цвет обладает более «романтическим» оттенком, нежели красный: «...многоголовое чудище из Апокалипсиса... сияет сквозь века алым светом чистого пламени» [3, с. 178].

В конце произведения красный цвет фигурирует рядом со святым Франциском, наиболее почитаемым Честертоном католическим святым: «...the rude outline showing a figure of St. Francis with a burning red angel behind him» [4, с. 121].

Небесное происхождение «божественного» цвета также подчеркивается сложностью его поиска на земле, поскольку для обычных людей его секрет утерян: «But we can't get the exact red they used now» [4, с. 71].

В свою очередь, красный в «земном» значении – это цвет красного галстука, который надевает из принципа один из героев романа, как символ революционности. Интересно, что Честертон так же использует эту деталь одежды в рассказе «Летучие звезды». В нем его носит молодой человек по имени Крук, романтик и социалист по убеждениям.

Кроме того, «земные» оттенки красного цвета – пурпурный, лиловый, багровый, малиновый – появляются уже на первой странице произведения как антитеза старине с ее «нежными тонами». Манере традиционного письма с тонким, изящным рисунком противопоставляется современный размашистый стиль, для которого нужны «ведра с яркими красками» и «огромные как швабра кисти» [3, с. 174].

Революционность красного цвета у Честертона так же неоднозначна. С одной стороны, в нем присутствует эпатажность, он привлекает внимание, предупреждает. С другой стороны, этот цвет олицетворяет дух мятежа, бунтарства, безудержного веселья. Следует отметить, что бунтарство в данном случае может быть как романтическим порывом к переменам, так и выражением стремления к вещам, деньгам.

Необходимо обратить внимание, что красный цвет в романе имеет, как правило, искусственное происхождение. В частности, он используется для окрашивания ткани (красный галстук, солдатские куртки) или для раскрашивания иллюстраций в книгах. В связи с этим, немаловажное значение приобретает собственно производство красок, как источника цвета.

Краски у Честертона также имеют двойственную природу. С одной стороны краски, способные максимально выразить «божественный» цвет. С другой стороны, это примитивные «земные» краски.

Можно выделить следующие отличия «небесных» и «земных» красок:

- 1) чистота – нечистота цвета.
- 2) долговременность – кратковременность служения (краски для тонкой работы на века и краски для временной, примитивной декорации).
- 3) аккуратность – небрежность способа их применения (стиль рисования, орудия труда).
- 4) ограниченность – неограниченность объема производства (крохотная мастерская доктора Хейндри, составляющего особый чистый цвет и огромные заводы по производству краски).

В конце произведения красный цвет ангела за спиной святого Франциска становится материальным – способным не только изливать свет, но и способным утолить жажду: «...so much was that great thirst for colour, which had filled his life, fed as from a goblet of flame...» [4, с. 122].

В итоге, следует выделить следующие результаты поиска «истинной» краски:

– обретение душой «сияющих и радостных цветов»: «his own imagination was already clouded with new colours more glowing and romantic than Hendry's Illumination Paints» [4, с. 122];

– понимание настоящей, истинной реальности: «Hendry's Illumination Paints were a real thing; as real as a wooden doll loved in the nursery or lost in the garden» [4, с. 123];

– осознание того, что даже революционный красный цвет галстука Брейнтри, становится сходным со средневековым цветом, если в бунтарстве человеке есть искренность, справедливость, жертвенность: «What a rage I was in with you and your red tie; and yet in a queer sort of way it turns out to have been the same sort of red...» [4, с. 123].

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать следующий вывод: в романе «Возвращение Дон Кихота» явно просматривается наличие конфликта «как столкновения и противостояния двух сил, взаимно дополняющих друг друга, а в конце произведения примиряющихся» [2, с. 23].

Помимо многочисленных противопоставлений следует отметить внутренний конфликт двойственной природы самих красок, а также основной конфликт между «земным» и «небесным» красным цветом, которые вначале контрастируют между собой, но в итоге сливаются в единую цель.

Список литературы

1. *Васильева Е.В.* Художественный мир романов Г.К. Честертона: дисс.канд.филол. наук, Воронеж, 2000. – 185с.
2. *Трауберг Н.Л.* Проповеди и притчи Гилберта Кийта Честертона // Честертон Г.К. Избранные произведения: Т. 1. – М.: Худ. лит., 1992. – 325 с.
3. *Честертон, Г.К.* Человек, который был четвергом. Возвращение Дон Кихота. Рассказы. Стихотворения. Эссе. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. – 836 с.
4. *Chesterton G. K.* The return of Don Quixote. – L.: Penguin Books, 1988. –125 с.

10.02.00

Д.А. Романов

Казанский национальный исследовательский технологический университет,
кафедра «Иностранные языки в профессиональной коммуникации»,
Казань, dimromanov@rambler.ru

ОШИБКИ ПЕРЕВОДА С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ЯЗЫК ИНФИНИТИВНОЙ КОНСТРУКЦИИ "PASSIVE VERB / LINK VERB + TO-INFINITIVE"

При переводе английских инфинитивных конструкций на русский язык студентами магистратуры технического профиля наиболее распространены ошибки, связанные с переводом конструкции "passive verb / link verb + to-infinitive". Типичными ошибками являются опущение (нулевой перевод) первого компонента и перевод глагола в личной форме сказуемым.

Ключевые слова: *английский язык, инфинитивная конструкция, перевод.*

Работа с иноязычной научно-технической литературой в техническом вузе, в частности, ее перевод, может быть, во-первых, частью процесса обучения иностранному языку, во-вторых – одним из видов профессиональной иноязычной коммуникации, к которой должен быть готов выпускник. К моменту, когда процесс обучения становится профессионально-ориентированным (уровень магистратуры), базовые знания и навыки в области перевода уже бывают необходимы. Однако вопросы переводоведения при обучении иностранному языку студентов бакалавриата целенаправленно и глубоко обычно не рассматриваются. Углубленное изучение перевода в техническом вузе возможно, как правило, в рамках программ профессиональной переподготовки (например, «Переводчик в сфере деловой коммуникации»), которые могут включать такие специальные дисциплины, как «Специализированный профессионально-ориентированный перевод», «Устный перевод», «Компьютерный перевод», «Практические основы перевода» [1, с. 77]. Такая переподготовка обычно осуществляется на этапе бакалавриата, однако далеко не все студенты ее проходят. В этой связи, переводческие ошибки на этапе магистратуры неизбежны.

Наблюдения, направленные на ошибки перевода, были начаты в 2010/2011 учебном году и продолжались в последующие годы. Рассматривались учебные переводы научных статей зарубежных авторов, выполненные письменно с английского языка на русский язык студентами магистратуры, обучавшимися по направлению подготовки «Химическая технология» и не проходившими дополнительную языковую подготовку в области перевода.

В данной статье рассматриваются нарушения правил перевода английской инфинитивной конструкции "passive verb / link verb + to-infinitive", которая характерна для научно-технической англоязычной литературы.

Интерпретация конструкции и перевод

При переводе английских инфинитивных конструкций наибольшее количество ошибок приходится на конструкцию «глагол в личной форме + инфинитив», стоящую за подлежащим. Здесь глаголы в личной форме – это глаголы определенной группы в страдательном залоге и некоторые глаголы-связки. В качестве первого компонента также используют некоторые словосочетания с глаголом be. В зарубежной литературе по грамматике английского языка данная конструкция преподносится, например, как "passive verb / link verb + to-infinitive clause" [5, с. 160, 164] или "subject + passive verb + to-infinitive" [7, с. 64]. По Докштейн и соавт. [2, с. 355] такая конструкция интерпретируется как особого рода сказуемое и называется «инфинитив как часть сказуемого». По Качаловой и Израилевич [3, с. 242] первый компонент такой конструкции считается сказуемым, а

инфинитив вместе с подлежащим образует сложное подлежащее, называемое оборотом «именительный падеж с инфинитивом». Несмотря на то, что синтаксическая роль компонентов данной конструкции может пониматься по-разному, их отношение к подлежащему понимается однозначно. Первый компонент синтаксически согласован с подлежащим, но не связан с ним по смыслу, обозначает неопределенно-личное отношение к высказыванию и поэтому переводится на русский язык вводным словом или фразой. Инфинитив связан по смыслу с подлежащим и должен переводиться на русский язык сказуемым.

Ошибки перевода и их обсуждение

Исходный текст: These polymers are well-known to have superior biocompatibility with mechanical properties ranging from soft and flexible to hard and rigid, with excellent toughness and fatigue resistance [9].

Перевод: Эти полимеры имеют прекрасную биосовместимость с механическими свойствами в диапазоне от мягких и гибких, до твердых и жестких, с превосходной прочностью и усталостной стойкостью.

Не переведен первый компонент *are well-known* (представленный глаголом в страдательном залоге) инфинитивной конструкции *are well-known to have*. Перевод лишен неопределенно-личного отношения к высказыванию («хорошо известно, что...»), которое передается с помощью первого компонента [2, с. 355–356].

Исходный текст: Unfortunately, all polymers appear to be susceptible to some form of biodegradation [9].

Перевод: К сожалению, все полимеры восприимчивы к той или иной форме биологического разложения.

Не переведен первый компонент *appear* (представленный глаголом в действительном залоге) инфинитивной конструкции *appear to be susceptible*. Перевод лишен неопределенно-личного отношения к высказыванию («оказывается»), которое передается с помощью первого компонента.

Опущение (нулевой перевод) первого компонента конструкции "passive verb / link verb + to-infinitive" встречается в учебных переводах часто, вероятнее всего, по причине непонимания, как лексическое значение глагола в личной форме правильно интегрировать в контекст. Такая ошибка способна по-разному исказить смысл высказывания.

Исходный текст: These phenol-based macrocycles have proven to be excellent ligands for the formation of thermodynamically stable metal complexes [4].

Перевод: Эти макроциклы на основе фенола доказали, что они являются прекрасными лигандами для образования термодинамически стабильных металлокомплексов.

Первый компонент *have proven* инфинитивной конструкции *have proven to be ... ligands* переведен лексически и синтаксически неправильно. В первую очередь обращает на себя внимание перевод глагола *prove* словом «доказывать», хотя в таких конструкциях он приобретает конкретное значение «оказываться» [2, с. 357]. Более того, перевод первого компонента сказуемым является ошибкой. В результате неопределенно-личное отношение к высказыванию («оказалось, что» или «как оказалось») заменено другим смыслом, который, однако, не повлиял на правильность передачи основной информации.

Исходный текст: Isoprene is not observed to form 3-methyl furan ... [8].

Перевод: Изопрен не наблюдается при образовании 3-метил фурана ...

Первый компонент *is not observed* инфинитивной конструкции *is not observed to form* переведен сказуемым с сохранением при нем отрицания, что является ошибкой [2, с. 357]. Неопределенно-личное отношение к высказыванию («согласно наблюдениям»), передаваемое первым компонентом, заменено другим смыслом, который сильно исказил смысл всего высказывания.

Перевод первого компонента конструкции "passive verb / link verb + to-infinitive" сказуемым может быть следствием ложного ощущения, что первый компонент по смыслу связан с подлежащим. В большинстве случаев такой перевод заканчивается искажением смысла высказывания, однако, как показывает практика, возможны и относительно удачные варианты. Для студента, не имеющего требуемой языковой подготовки, определяющим фактором, видимо, становится лексическое значение глагола, используемого в качестве первого компонента.

Исходный текст: The loss of biodiversity and human-induced climate change are environmental factors that are likely to create major pressures on human health outcomes [6].

Перевод: Потеря биоразнообразия и антропогенное изменение климата – это экологические факторы, которые в результате могут создать серьезные нагрузки на здоровье человека.

Первый компонент are likely (представленный словосочетанием с глаголом be) инфинитивной конструкции are likely to create переведен лексически неправильно. В результате отношение к высказыванию («вероятно», «по-видимому»), имеющее вероятностный оттенок (сообщаемый словосочетанием be likely, аналогично глаголам-связкам seem и appear в качестве первого компонента) заменено другим смыслом, который несколько исказил основную информацию.

Таким образом, при переводе конструкции "passive verb / link verb + to-infinitive", вследствие недостаточной языковой подготовки в области перевода, допускаются типичные ошибки – опущение (нулевой перевод) первого компонента и перевод глагола в личной форме сказуемым.

Список литературы

1. *Валеева Э. Э.* Развитие навыков академического письма на занятиях по иностранному языку // Высшее образование в России. 2016. № 12. С. 76–81
2. *Докштейн С. Я., Макарова Е. А., Радоминова С. С.* Практический курс перевода научно-технической литературы (английский язык). Изд. 3-е, исправл. М. : Воен. изд-во, 1973. 448 с.
3. *Качалова К. Н., Израилевич Е. Е.* Практическая грамматика английского языка с упражнениями и ключами : в 2 т. 8-е изд., перераб. и доп. К. Н. Качаловой. Киев : Методика, 2003. Т. 1. 363 с.
4. *Beer P. D. et al.* Acid-amide calixarene ligands for uranyl and lanthanide ions: synthesis, structure, coordination and extraction studies // J. Chem. Soc., Dalton Trans. 2002. Iss. 16. P. 3101–3111.
5. Collins COBUILD Student's Grammar : Self-study edition with answer key. 1st ed. London : HarperCollins Publishers, 1991. 263 p.
6. *Hall G. et al.* Potential environmental and population health impacts of local urban food systems under climate change: a life cycle analysis case study of lettuce and chicken // Agriculture & Food Security, 2014, Vol. 3, Iss. 6. P. 1–13.
7. *Hewings M.* Advanced Grammar in Use : A self-study reference and practice book for advanced learners of English. 8th printing. Cambridge : Cambridge University Press, 2002. 340 p.
8. *Sprengnether M., Demerjian K. L., Donahue N. M., Anderson J. G.* Product analysis of the OH oxidation of isoprene and 1,3-butadiene in the presence of NO // J. Geophys. Res. Atmos. 2002. Vol. 107, Iss. D15. P. ACH 8 1–13.
9. *Ward R., Anderson J., McVenes R., Stokes K.* In vivo biostability of polysiloxane polyether polyurethanes: Resistance to biologic oxidation and stress cracking // J. Biomed. Mater. Res. A 2006. Vol. 77. P. 580–589.

10.02.00

Ф.Г. Сабирова, А.Г. Садыкова д-р. филол. наук

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт филологии и межкультурной коммуникации им. Льва Толстого
(Высшая школа русской и зарубежной филологии), кафедра Германской филологии,
Казань, i.fairuza@mail.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА АНГЛИЙСКОЙ СКАЗКИ

В статье рассмотрены лингвокультурологические и семантические особенности языка английской сказки. Кроме того, представлен анализ стилистических особенностей англоязычного сказочного текста. В ходе исследования выявлена семантика сказочных образов с женской символикой (на примере сказочного образа «кошка»).

Ключевые слова: *лингвокультурологические, семантические особенности, английская сказка, женская символика, сказочный образ.*

Одним из уникальных явлений культуры и основных жанров устного народнопоэтического творчества является сказка.

Сказка – одна из наиболее богатых и ярких форм народного творчества, вечно ищущая правды и справедливости, любви и счастья, это душа народа, воплощённая в слове.

В настоящее время среди наиболее актуальных вопросов, рассматриваемых в языкознании, является определенный образ мира, который сложился в том или ином этносе, его национально-специфический и общечеловеческий компоненты, многообразие частных картин, входящих в его состав и действующих как составляющие глобального образования; их сходные и отличительные черты и характер взаимоотношений в том числе.

Отечественными и зарубежными лингвистами национальная картина мира, нашедшая отражение в языке, рассматривается с позиций когнитивной лингвистики, где она представлена как совокупность характерных для данного языка концептов. Различными авторами разрабатываются вопросы, связанные со способностью отдельных подсистем языка аккумулировать представления человека об окружающем мире.

Определенный образ мира складывается также в сказках, а сама сказка является одним из древнейших жанров словесности, который содержит исторический, культурный и социальный опыт народа, своеобразно отражает народную мудрость, знания об окружающем мире. Кроме этого, сказка несет в себе значимый для культуры этический и эстетический свод правил.

Народная сказка дает представление не только об особенностях среды обитания народа, его традициях и обычаях, но и выражает наиболее яркие черты национального менталитета.

Новизна исследования обусловлена насущной потребностью в более глубоком исследовании лингвокультурологических и семантических особенностей английских сказок с целью выявления культурных доминант национальной концептосферы, образующих национальное культурное пространство, а также интересом к изучению сказочного дискурса.

Целью работы является исследование лингвокультурологических и семантических особенностей языка английской сказки.

Методами исследования в данной работе послужили: на этапе сбора материала – методы сплошной выборки; на этапе исследования – метод компонентного анализа с использованием словарных дефиниций.

Из существующих определений сказки в своем исследовании мы отдаем предпочтение утверждению А.И. Никифорова, который выдвинул идею изучения народной сказки: сказки – это устные рассказы, бытующие в народе с целью развлечения, имеющие содержанием

необычные в бытовом смысле события (фантастические, чудесные или житейские) и отличающиеся специальным композиционно-стилистическим построением[2].

Данное положение ученого, как и его идея, в дальнейшем разработанная В.Я. Проппом в работах «Морфология волшебной сказки» и «Исторические корни волшебной сказки», выступают основополагающими при анализе сказок в нашей работе.

Как известно, фольклорный текст поддается структурированию. Применительно к жанру сказки обратимся к высказыванию А.К. Жолковского и Ю.К. Щеглова о поэтике произведений искусства и подчеркнем, что правильным может быть разложение текста сказки только на такие составляющие, из которых его потом можно было бы собрать по некоторым общим правилам [1]. Так рождается метаязык для описания выразительной структуры художественных произведений.

В нестандартных формах в тексте английских сказок всех жанров очень четко представлено пространственно-временное членение повествования. Сказки отражают индивидуальную ориентацию в пространстве и во времени и социальную категорию пространства, символизирующую территориальную организацию нации.

Сказочная концепция времени соотносится с тем, что сказка всегда подразумевает генезис, становление, жизнь во времени, действие, историю, повествование.

Традиционный алогичный зачин прослеживается и во многих английских народных сказках («Jack and his golden snuffbox», «The well of the world's end»):

Once upon a time, and a very good time it was, though it was neither in my time nor in your time nor in any one else's time[3].

Шуточный зачин наиболее распространен в сказках о животных, например, в сказке «TheStoryoftheThreeLittlePigs»:

Once upon a time when pigs spoke rhyme and monkeys chewed tobacco...[3]

С помощью подобных зачинов автор сказки погружает читателя в особый, волшебный мир со своими сказочными канонами.

Концовка же сказки с такими формулировками, как:

And they all lived happy and died happy, and never drank out of a dry cappy или *And that's just about the end of my tale, except to tell you this, my friend: if you believe even half of this fine old nonsense, you're more of a fool than I am!*[3] символизируют возвращение к реальной действительности.

Если смотреть на английские сказки различных жанров в целом, то в текстах сказок преобладает конкретная информация, констатация неких фактов. Это значит, что сказки у англичан не такие уж сказочные и волшебные, в большинстве случаев это, скорее, просто грустные поучительные истории, иногда довольно жестокие, с не всегда хорошим концом, в которых главный герой ходит по свету и наблюдает за какими-то событиями.

Среди лингвостилистических особенностей текста английской сказки мы выделяем различные средства художественной выразительности, включая повторы, эпитеты, оценочную лексику и др.

Сказочные образы с женской символикой возникли не случайно. В их основе заложены традиции и верования предков, но эти представления претерпели метафорические трансформации, которые можно объяснить сложным когнитивным процессом – концептуальной интеграцией. Самое загадочное и таинственное животное, с которым когда-либо олицетворялась женщина, – это кошка. Красота, изящество, грациозность, независимость, хитрость, способность в долю секунды перемещаться с одного места на другое тысячелетиями завораживали и привлекали людей.

Но едва ли, кроме Англии, есть страна, где кошку почитают как человека. На Туманный Альбион животное завезли римляне. Во времена англосаксов продажа кошек регламентировалась законодательством, причем их стоимость составляла значительные суммы. Кроме того, протекция кошек обеспечивалась специальными законами – за кражу и убийство животного назначалось серьезное наказание.

В связи со своей ролью в истории и в жизни англичан, образ кошки в английском сказочном дискурсе довольно распространен. За редким исключением героем сказочного повествования становится кот, а не кошка («The King of the Cats»), или бесполое животное с обращением «it» («The Cottager and his Cat»), в остальных же случаях упоминается именно женский персонаж.

В волшебной сказке «The White Cat» кошка частично выполняет функцию лягушки из русской сказки. Данная аналогия прослеживается и в сюжетной линии, и в атрибутах самих героев сказок.

Один из трех братьев попадает, как говорится в русских сказках, в «дремучий лес», но наталкивается там не на «избушку на курьих ножках», а на великолепный замок с золотыми дверями и фарфоровыми стенами, по воле случая оказывающийся кошачьей обителью:

Instantly the door opened, and in came a tiny figure covered by a long black veil... At first, the astonished prince thought he was dreaming, but the little figure came up to him and threw back its veil to reveal the loveliest little white cat imaginable...[4].

Как видно из примера, женская красота и загадочность прослеживаются в таких эпитетах, как: *the loveliest little cat imaginable ; a lovely princess; mysterious cat.*

Кошка три раза приходит на помощь главному герою. В английской сказке также подчеркивается и мудрость главной героини. В основном с помощью лексемы *wise* и сравнительной степени прилагательного *clever*: *She was cleverer than a cat has any right to be.*

Таким образом, мы исследовали лингвокультурологические и семантические особенности языка английской сказки. Особое внимание уделили сказочной концепции времени, среди лингвостилистических особенностей текста английской сказки мы выделили различные средства художественной выразительности, включая повторы, эпитеты, оценочную лексику, также мы проанализировали сказочный образ «кошка» в английском сказочном дискурсе, являющийся многозначным и наиболее используемым.

Список литературы

1. Жолковский А. К., Щеглов Ю. К. О возможностях построения структурной поэтики // Симпозиум по структурному изучению знаковых систем. Тезисы докладов. - М.: Наука, 1962. С. 89-92.
2. Никифоров А. И. Русская детская сказка драматического жанра // Сказочная комиссия в 1927 году. - Л., 1928 С. 12.
3. Briggs K. M. A Sampler of British Folk-Tales. - London & Henley: Routledge & Kegan Paul, 2011. - 321 p.
4. Keding D., Douglas A. English Folktales. Westport. - London, 2012. - 567 p.

10.02.00

Ф.К. Сагдеева канд. филол. наук, А.Я. Хусаинова канд. филол. наук, А.А. Бадртдинова

ГУ Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ,
Казань, fauzija.sagdeewa@yandex.ru; Husainova_Alina@mail.ru; badrtdino-alsu@rambler.ru

ФОНЕТИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В УСЛОВИЯХ ДВУЯЗЫЧИЯ (НА ПРИМЕРЕ СОГЛАСНЫХ)

В статье рассматривается фонетическая система согласных татарского языка, представляющая собой потенциальное поле интерференции. Результат взаимодействия фонетических систем татарского и русского языков, проявляющийся в речи, показывает, что татарские согласные обладают разной степенью трудности усвоения для русскоязычных и некоторых билингвов-татар, которые связаны с реализацией специфических татарских согласных.

Ключевые слова: *фонетическая система согласных, потенциальное поле интерференции, согласные, консонантизм, татарский язык, русский язык, двуязычие.*

В системе татарского и русского консонантизма имеются определенные различия. Согласные татарского языка можно разделить на следующие группы: 1) согласные, почти полностью соответствующие аналогичным согласным русского языка (*б, в, г, д, ж, з, й, к, л, м, н, п, р, с, т, ф, х, ц, ч, ш*); 2) специфические согласные татарского языка, почти не имеющие аналогии в русском языке (*з, к, жс, н, h, һәмзә*) [Газизов 1977: 13].

Количество согласных русского языка превышает количество согласных татарского языка. Но не все согласные татарского языка находят соответствия в русском. Следует предположить, что основным источником интерференции являются согласные татарского языка, неэквивалентные русским.

В обоих языках широк набор используемых дифференциальных признаков: есть противопоставление согласных по участию голоса; по способу образования: различаются смычные, щелевые, аффрикаты, сонорные; звуки по участию органов речи в их образовании делятся на губные и язычные. Из числа типов оппозиции согласных, известных в русском языке, в татарском нет оппозиции мягких и твердых.

Практика показывает, что значительные нарушения татарской произносительной нормы в условиях русско-татарского и активного татарско-русского двуязычия связаны с реализацией в речи согласных.

Очень часто интерферентные явления в татарской речи связаны с сверхдифференциацией в системе согласных русского языка. Некоторые информанты переносят на татарскую речь правила русской произносительной нормы, связанные с имеющимся в русском языке противопоставлением по твердости-мягкости, т.е. отсутствующему в татарском языке дифференциальному признаку. Например, татарские переднеязычные смычные [*т, д, н*], которым есть соответствия в русском языке, характеризуются более задней артикуляцией по сравнению с аналогичными согласными русского языка. Поэтому и их палатализованные варианты производят акустическое впечатление более твердых, чем в русском языке. Иногда в татарской речи эти согласные перед гласным [*и*] и другими гласными переднего ряда произносятся как русские [*т', д' н'*]: *ә[н'и]* (мама), *[д'иңгез]* (море), *[т'ип]* (пот). Также зафиксированы случаи, когда [*т, д*] перед гласными переднего ряда не только сильно смягчаются, но и приобретают типичную для русских [*т', д'*] аффрицированность (с кратким круглощелевым элементом).

При произношении согласных в некоторых случаях заметна излишняя мягкость [*р*] перед гласными переднего ряда: [*р'әсем*] (рисунок), [*р'әсми*] (официальный). В отличие от русского нормативного согласного [*р'*], который часто артикулируется как краткий щелевой, татарский [*р*] в этой позиции остается дрожащим.

Также нередко наблюдается излишне мягкое произношение [л] в абсолютном конце и в сочетаниях с согласными в середине закрытого слога: [ил'] (страна), [ка°мил'] (совершенный), [Ил'нур] (имя собственное), [ил']куләм (общегосударственный).

Отсутствие в татарском алфавите графического отражения некоторых фонем создает при их реализации определенные трудности. В связи с этим частым случаем речевой интерференции является субституция.

Так, например, несовпадение противопоставления по месту образования щелевых звонких [w] в татарском языке и [в] в русском имеет следствием то, что многими информантами [w] в соответствии с написанием реализуется как [в]. Примеры: в м. [w]акыт (время) произносится [в]ак,ыт, в м. а[w]ыл (деревня) – а[в]ыл и т.п. В конце слога [w] передается при помощи букв у, ү. Несмотря на то, что акустически звук [w] ближе к гласным у, ү, чем к согласному [в], в татарской речи носителей русского языка наблюдаются ошибки в произношении [w] в конце слога: да[w] (дәү) (большой, -ая, -ое) произносится д[э]в.

Вместо увулярных [к,г] многие русские и некоторые билингвы-татары довольно часто подставляют заднеязычные [к,г]. Например: в м. [к]ар (снег) произносят [к]ар, в м. а[г]ым (течение) – а[г]ым.

Не всем информантам легко дается произношение татарского [ң], которое сходно с произношением русского [н], но в нос, и язык при этом не касается неба. Звук [ң] акустически напоминает сочетание звуков [нг] [Газизов, 1977, 15]. Этим объясняется тот факт, что иногда в татарской речи [ң] реализуется как русский [н] или – как сочетание [нг]. Примеры: ми[нг]а в м. ми[ң]а (мне), ки[ң] в м. ки[ң] (широкий).

Среди акцентных черт, вызванных артикуляционными навыками русского языка, следует отметить подмену щелевого глубокозаднеязычного [h] русским щелевым заднеязычным [x]. Так, например, некоторые информанты произносят не шә[h]әр (город), а шә[x]әр, или не [h]ава (небо), а [x]ава и т.п. Татарский [h] в речи реализуется с отчетливым придыханием.

Практика показывает, что некоторые нарушения татарской произносительной нормы связаны с реализацией в речи шипящих [жс], [ч]. Некоторые информанты вместо смягченного согласного [жс] артикулируют более твердый, похожий на русский [жс] звук: [жс]ыр в м. [жс]ыр (песня), [жс]ир в м. [жс]ир (земля). В ряде случаев такое произношение объясняется тем, что действуют правила аккомодации гласных и согласных в слоге: перед гласными заднего ряда в татарском языке возможны только твердые согласные. Очень часто татарский щелевой [ч] реализуется в речи как русская аффриката [ч'], произносимая со взрывным элементом: например, в м. [ч]иләк (ведро) произносится [ч']иләк.

Недодифференциация на практике проявляется при произношении, например, звука ['].

Специалисты утверждают, что ['] «состоит из паузы, при которой голосовые связки смыкаются, а артикуляторные органы переходят в нейтральное положение, и гортанного взрыва, образуемого вследствие резкого размыкания голосовых связок» [Ибрагимов, 1990, 150]. Речевой тракт оказывается в таком положении, который соответствует артикуляции [e]. Импульс шума также образует звук, похожий на [e]. Отсюда следует, что ['] реализуется в составе звука [e]. Различительную функцию при этом выполняет, в основном, пауза.

Очень часто неразличение ['] приводит к тому, что в таких словах как мәэмин (правоверный), тәэмин (обеспечение), тәэсир (влияние) и т.п. гласные, стоящие перед этим звуком реализуются излишне долго. Звук ['] может образоваться и при произношении некоторых словосочетаний. Например: [кил'энем] (иди, братишка), [кире'этә] (толкает назад). Если в артикуляции каждого из этих словосочетаний после первого слова не делать паузу, то смысловое значение словосочетаний изменится: [киленем] (моя сноха), [киртә] (преграда).

Следовательно, в одних случаях неразличение ['] может восприниматься как акцентная особенность речи, а в других – приводит к изменению смыслового значения словосочетания.

Исследователи отмечают, что в фонетической интерференции должны различаться собственно фонологические и связанные с ним фонетические явления. Они в различных языках неодинаковы и зависят от общих и отличительных моментов в пределах двух языков.

Правила дистрибуции татарских согласных также не совпадают с русскими. Одним из фонетических закономерностей как в русском, так и в татарском языке является ассимиляция согласных. Однако по характеру действия она в каждом из этих языков различна. В русском языке ассимиляция имеет регрессивный характер: уподоблению подвергается предшествующий согласный по следующему ряду признаков – глухости (звонкости, мягкости) твердости, способу образования. Для татарского языка не характерно уподобление согласных по признаку мягкости - твердости. В татарском языке выделяется прогрессивная ассимиляция по месту образования, что несвойственно для русского языка. Этим и объясняется тот факт, что в некоторых случаях в татарской речи информантов наблюдаются отклонения, связанные с нарушением носовой и губной ассимиляции согласных, например: произношение *урма[нл]ар* вм. *урма[нн]ар* (леса), *уты[нд]ан* вм. *уты[нн]ан* (из дров), *у[нб]ер* вм. *у[мб]ер* (одиннадцать), *у[нб]иш* вм. *у[мб]иш* (пятнадцать). Следует отметить, что действие закона регрессивной ассимиляции по существующим правилам татарской орфографии на письме не отражается.

Таким образом, система согласных татарского языка, как и система татарских гласных, представляет собой потенциальное поле интерференции. В системе консонантизма могут иметь место следующие типы интерференции: недодифференциация, сверхдифференциация, субституция. Недодифференциация и субституция может проявляться при произношении специфических согласных, не имеющих соответствия в русском. Сверхдифференциация может быть связана с тем, что количество дифференциальных фонемообразующих признаков в русском языке больше, чем в татарском.

Список литературы

1. *Газизов Р.С.* Сопоставительная грамматика татарского и русского языков. – Казань: Тат. Кн. Изд-во, 1977. – 271 с.
2. *Ибрагимов Г.И.* К определению состава фонем татарского языка // Языковые уровни и их взаимодействие. – Казань, 1990. – С. 143-153.
3. *Татар грамматикасы: өч томда.* –Тулыландырылган нче басма. – Казан:ТӘһСИ, 2015.- Т.1. – 51 б.

10.02.00

С.Н. Саможенов канд. филол. наук

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А.Добролюбова,
факультет романо-германских языков,
кафедра теории и практики немецкого языка,
Нижний Новгород, samozh@lunn.ru

СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Работа посвящена анализу семантико-стилистических особенностей определений и определительных конструкций в немецком языке. В статье рассматривается специфика согласованных, несогласованных, адъективных, субстантивных и распространенных определений.

Ключевые слова: согласованные и несогласованные определения, определительные конструкции, семантико-стилистические особенности.

На сегодняшний день все большую актуальность приобретают вопросы, связанные с исследованием специфики языковых (в т.ч. лексических, синтаксических, стилистических и др.) норм немецкого языка в рамках процесса межкультурной коммуникации и интегрирования культурной компоненты в лингводидактику [8, с. 12-19]. Это обуславливается целым рядом факторов: во-первых, необходимостью поиска решений острых противоречий в современной социокультурной ситуации в мире; во-вторых, важностью изучения языковых особенностей, которые сегодня все больше выходят за рамки узколингвистического понимания, приобщая к себе (в процессе изучения данных вопросов) целый круг проблем, связанных, например, с принципами логико-семантического анализа предложений, осложненных второпричастным компонентом, и способами их представления (моделирования) на логико-семантическом уровне [6, с. 5-9], либо со статусом теории стиля и текста при изучении функционирования языка в рамках гносеологии [5, с. 4-8]. Другими словами, изучение языковых особенностей немецкого языка раскрывает многие актуальные вопросы.

Особый интерес в рамках данной проблемы вызывает вопрос семантико-стилистических особенностей современного немецкого языка, анализ которых позволяет обогатить представления о различных номинативных, коннотативных, изобразительных и интерпретирующих возможностях языка, что данную проблему в ряд наиболее актуальных.

Семантико-стилистические особенности немецкого языка изучались многими отечественными и зарубежными авторами. Так, например, общим вопросам стилистики посвящены работы Н.К. Боргардта, Ю.И. Бажановой [8], Н.В. Ушковой [9], Л.В. Фадеевой [10] и др. В исследовании Е.В. Беспаловой стилистика немецкого языка рассматривается в контексте маркированного словосложения [1]. Работа Т.А. Бурковой посвящена функционально-стилистическому варьированию антропонимов в немецком языке [3]; исследование А.В. Коковой – формированию стилистических норм немецкого языка в историческом контексте [5]. Семантические особенности немецкого языка рассматриваются в работах Е.Н. Ветошкиной, Е.Н. Турбаевой [4], А.В. Прокаева [6] и др. Однако семантико-стилистические особенности современного немецкого языка в рамках процесса межкультурной коммуникации рассмотрены недостаточно полно, что приводит к целому ряду трудностей (например, на уровне определения подходов и методов изучения данной проблемы).

Все вышеизложенное и обуславливает выбор предмета и цели статьи. Предмет – семантико-стилистические особенности определительных конструкций в современном немецком языке (именно анализ специфики определений – членов предложения, грамматически зависимых от главного члена, на наш взгляд, позволит выявить ряд тенденций, характерных для процесса межкультурной коммуникации). Цель статьи –

исследовать семантико-стилистические особенности немецкого языка на примере определений и определительных конструкций.

Итак, определение является второстепенным членом предложения, который характеризует предмет с точки зрения его качества, признака и принадлежности. В немецком языке определение отвечает на следующие вопросы: *was für ein?*, *welcher?*, *wessen?*, *wieviel*, *der wievielte?* [2, с. 93-99]. Определение может относиться к любому члену предложения, выраженному существительным или любой субстантивированной частью речи. Таким образом, с целью выявления места определения в иерархии второстепенных членов предложения используется синтаксический критерий.

По месту относительно определяемого слова определения в немецком языке делятся на согласованные и несогласованные [3, с. 17-24]. Согласованные могут выражаться прилагательными (*eine schwere Aufgabe*), числительными (*der Erste Mai*), причастиями (*die entwickelte Industrie*). Несогласованные, в свою очередь, могут выражаться в основном прилагательными в несклоняемой форме. В современном немецком языке они обособляются, им характерна постпозиция. Препозиция для немецкого языка является исключением (*liebes Kind*).

Определения в немецком языке могут быть адъективными и субстантивными [3, 25-38]. Адъективные определения (*adjektivische Attribute*) – прилагательные, местоимения, порядковые числительные, причастия – играют роль согласованных определений (*der errungene Sieg*). Следует отметить, что адъективные слова, выполняя функцию согласованного определения, согласуются в роде, числе и падеже с определяемыми существительными. Как правило, адъективные согласованные определения стоят перед определяемым словом (*Er sah auf ein großes Sportstadion und schnurgerade, moderne Straßen mit vielen neuen Wohnhäusern*), однако в ряде случаев такого рода определения могут и следовать за определяемыми существительными. В этом случае определение обособляется (*Der Vater kannte alle Pilzarten, eßbare und giftige*). Постпозитивный тип употребления согласованных адъективных определений является правилом, когда речь идет о каком-либо постоянном эпитете при имени собственном (*Alexander der der Große*).

Субстантивные определения (*substantivische Attribute*) зачастую выступают в родительном падеже или представляют собой предложное сочетание слов [8, с. 49-55]. Определение в родительном падеже в современном немецком языке обычно следует за определяемым словом, но если определение является именем собственным, то оно чаще предшествует определяемому существительному (*Rosenbergs Familie machte sich auf den Weg*). Если имя собственное, которое выполняет функцию несогласованного определения, выступает с артиклем, то, соответственно, определение будет следовать за определяемым (*Die Gedichte des Heinrich Heine*). Иногда имя собственное без артикля также может стоять в постпозиции (*Gedichte Schillers*). Следует также отметить, что различные предложные группы, которые выступают в функции определений, следуют за определяемыми существительными (*Es ist ein Buch mit Gedichten*) и т.д.

Безусловно, специфика употребления определений и определительных конструкций в немецком языке формирует определенные правила и с точки зрения общей стилистики. Так, например, распространенные определения, представляющие собой согласованные определения с пояснительными словами, всегда стоят между артиклями (или заменяющими их словами) и существительными, причём согласованные определения, выраженные Partizip-II, Partizip-I, реже прилагательными, стоят всегда в конце распространенных определений, замыкая их [7, с. 21-30]. Также следует отметить, что распространенные определения отрывают артикли или заменяющие их слова от существительных, к которым они относятся: *mit einer hellen, der Welt offen zugekehrten Fläche* («Brief einer Unbekannten» von Stefan Zweig); *der permanent steigende Druck* («Die Russland-Deutschen» von Alfred Eisfeld).

Кроме того, распространенные определения и определительные конструкции в немецком языке могут выражаться разными сочетаниями прилагательных. Сочетаниями прилагательных являются предикаты, определения, а также отдельные группы с различными синтаксическими функциями. Составные части и их положения могут изменяться, исходя из того, где они находятся в предложении [9, с. 81-94]. Целый ряд прилагательных способны образовывать сочетания при предикативном употреблении, например, сочетания с *als* могут зависеть только от предикативных прилагательных (*Meine Schwester ist viel jünger als ich*).

Следует отметить, что зависимые от предикативных прилагательных существительные в косвенных падежах стоят перед прилагательными, предложные же сочетания могут стоять как перед, так и после предикативных прилагательных (*Sie ist stolz auf ihre Leistungen/ auf ihre Leistungen stolz*). Распространенные определения входят в структуру предложений вместе с определяемыми существительными и поэтому не имеют непосредственных синтаксических отношений с другими членами предложения [9, с. 82-94]. Это и указывает на то, что определения не являются компонентами структурных схем предложений, определения – это зависимые члены субстантивных словосочетаний.

Что касается семантико-стилистических особенностей определений современного немецкого языка в контексте межкультурной коммуникации, то, прежде всего, следует отметить, что знание данных особенностей позволяет установить определенные правила использования речевых средств в определенный период развития литературного языка, в т.ч. правила словообразования, морфологии, употребления традиционно сложившихся грамматических, стилистических и пр. языковых средств, принятых в общественно-языковой практике. Данные особенности формируют нормы, которые обязательны как для устной, так и для письменной речи и охватывают все стороны немецкого языка. Кроме того, они отображают закономерные процессы и явления, которые происходят в языке, и поддерживаются межкультурной речевой практикой [4, с. 71-73].

Таким образом, правильное словоупотребление в сочетании с правильным произношением, интонацией, использованием синтаксических и стилистических норм языка определяет точность, ясность и выразительность межкультурного речевого общения.

Список литературы

1. Беспалова Е.В. Статус стилистически маркированного словосложения в современном немецком языке // Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Самара, 2002. 18 с.
2. Боргардт Н.К. Синтаксис простого предложения современного немецкого языка // Учебно-методическое пособие по грамматике. – Барнаул: АлтГПА, 2010. – 121 с.
3. Буркова Т.А. Функционально-стилистическое варьирование антропонимов в немецком языке // Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Уфа, 2010. 45 с.
4. Ветошкина Е.Н., Турбаева Д.Ю. Лексико-семантические особенности австрийского варианта немецкого языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. №7(73). С. 71-73.
5. Кокова А.В. Формирование стилистических норм языка немецкой газетной прессы XIX столетия // Дисс. ... докт. филол. наук. Абакан, 2000. 362 с.
6. Прокаев А.В. Семантическая структура предложений с осложненной предикативностью в современном немецком языке // Дисс. ... канд. филол. наук. Минск, 2004. 158 с.
7. Проскура Я.В. Атрибутивные конструкции в немецком языке: когнитивные и функциональные аспекты // Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2006. – 22 с.
8. Стилистика немецкого языка. Практикум к семинарским занятиям // Автор-составитель Ю.И. Бажанова. Рязань: РГУ им. С.А. Есенина, 2015. 93 с.
9. Ушкова Н.В. Стилистика современного немецкого языка // Учебное пособие. Тамбов: ТГУ, 2012. 129 с.
10. Фадеева Л.В. Стилистический потенциал немецкого синтаксиса // Вестник МГИМО. 2013. №4. С. 312-316.
11. Щекотова А.М., Артюшкина А.Д., Захаренков А.А. Языковая норма: понятие, виды // Новая наука: стратегии и векторы развития. 2016. №6-2(88). С. 183-186.

10.02.04

Е.Г. Сулова канд. филол. наук

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
гуманитарный факультет,
кафедра немецкого, романских и скандинавских языков и перевода,
Санкт-Петербург, eksuslova@yandex.ru

КОННОТАЦИИ УСТНОЙ КУЛЬТУРЫ, ПОВТОР И ГРАДАЦИЯ В РАННЕМ РЫЦАРСКОМ РОМАНЕ

В работе представлены результаты исследования речевых эпизодов в раннем рыцарском романе с точки зрения выявления и описания техник порождения повествовательного и персонажного дискурса. В ранних образцах произведений используются приемы, заимствованные из устной традиции, оказавшей значительное влияние на формирование немецкого рыцарского романа в целом. Основной фокус статьи направлен на такие приемы, как повтор и повышение (градация).

Ключевые слова: *история немецкого языка, коннотации устной культуры, немецкий рыцарский роман.*

Ранний рыцарский роман возникает на стыке эпической и куртуазной традиций, нашедшем свое отражение в том, что в сложившейся ранее эпической форме излагается новое идейное содержание, развитие которого постепенно приведет к изменению манеры изложения. Переход от устной традиции к письменной сопровождается перенесением в нее техник и средств устного повествования, которые позднее уйдут на второй план. Наиболее заметно это в тех случаях, когда сохранились разновременные версии на один и тот же сюжет. Ранний рыцарский роман дает возможность проследить техники производства письменного текста с точки зрения проявления в нем коннотаций устной культуры.

Рыцарский роман «Тристант» Эйльхарта фон Оберга — это первое полное изложение известной истории на немецком языке. Сохранилось лишь три фрагмента конца XII - начала XIII в., полный текст дошел в трех рукописях XV в. [3]. Повествование ведется динамично в сухом, сжатом, «шпильманском» стиле и прерывается редкими краткими комментариями. Начиная с пролога, в романе делается акцент на непосредственный контакт рассказчика и слушателей. Письменная форма у Э. фон Оберга «по концепции и по стилю близка к устной традиции» [2]. Объясняется это по-разному, тем не менее, с уверенностью можно сказать, что манера повествования в «Тристанте» связана с устной традицией.

Коннотациями устной культуры в письменном тексте традиционно считаются обороты с глаголами говорения и слушания. В процессе повествования рассказчик ссылается на устные источники: *man sagt* (62), *hort ich sagen* (1188) [1]. Вводные обороты с глаголами говорения (*sagen, sprechen*), слушания (*vernemen, hoeren*), запоминания (*mercken*), а также глаголами зрительного восприятия (*sehen*) используются для управления вниманием аудитории и встречаются как в речи рассказчика, например, «*Verniempt, so will ich úch sagen*» (51), «*ir sult vernemen mere*» (342), «*Merckent recht den sinn*» (48) [1], так и в прямой речи, например, «*Bitt den vatter din/merck recht weiß*» (204-205), «*Merk, waß mir daß tög*» (223) [1].

Наряду с этим, обращают на себя внимание повторы, которые также должны быть отнесены к коннотациям устной культуры в письменном тексте. В то время как повторы на небольших отрезках текста носят случайный характер: «*ich sag úch für war*» (422), «*und hieß im sagen für war*» (432), «*daß sagt im für war*» (452) [1], повторы оценочных прилагательных, особенно это касается отрицательных характеристик, являются одной из особенностей шпильманского стиля, например, повторы прилагательного *böse* в прологе «Тристанта» *mit bösem willen, boßhait, böß syt, die böß sind* [1].

Использование той же техники прослеживается в диалогах персонажей. Это касается иницирующих реплик, повторяющихся от одной речевой сцены к другой. С точки зрения прагматики, они в большинстве случаев выражают побуждение: просьбу, совет, поручение. В них повторяются глаголы директивной семантики *bitten, bevelhen, begern, râten, widerrautten, gebieten* [1]. Иницирующие реплики иной семантики представлены в меньшем количестве и специализированы, например, вызов на поединок, клятва/обет. Кроме того, повторы в иницирующих репликах развиваются и переходят в повторы средств выражения согласия в ответных репликах: «*den edelin man des gewerte*» (1189), «*ich nach dinem willen tuo*» (239), «*daß war schier getaun*» (318), «*suss volgt er im mit der taut*» (520), «*so getauner bett/müg ich dir nicht folgen*» (886) [1].

Повтор глагола, указывающего на директивность высказывания, сочетается с повышением, когда директив передается по цепочке от одного говорящего к другому и т.д. Здесь используется та же техника повтора с повышением, что и в описании охотничьей процессии, состоящем из отдельных картин, которые отличаются друг от друга лишь возрастанием признака. Такие повторы с повышением используются как техника производства текста как в речи рассказчика, так и в речи персонажей, где они выглядят следующим образом: «*und sprach «dîn bîchteger Ugrîm sendit dir desin brîf und entbût dir, ab he dir sî lîf zu einem bîchtegêre, daz dû vornimest dese mêre, swaz dar ane geschrebin sî, und entbût dir dâ bî daz he dir wol heiles gunde: vor alle dîne sunde wil he dir zu bûze gebin, sô mochtestû daz gerne nemen. ouch entbût he dir dar zû: swaz dû dar umme willest tûn, daz saltû morgin schrîben lân»»* (4804 – 4817) [1].

В романе имеют место повторы фрагментов текста, например, речевых сцен в персонажном дискурсе, в отдельных эпизодах «Тристранта». При повторе текст обнаруживает незначительные изменения в результате градации. В раннем рыцарском романе сюжетные эпизоды «нанизываются» на нить повествования. В пределах сюжетного эпизода речевые сцены следуют одна за другой. Эпизод открывает речевая сцена, которая разрабатывается участниками. Затем в следующем речевом эпизоде повторяется начало сцены, иницирующая и ответная реплика. Таким образом, две сцены отличаются только составом участников: «*lieber junckherr min, bitt den vatter din, merck recht weiß, daß er dir gund deß, daß du besehest fremde land. Du haust die dinen wol erkant, die dienen dir all gern. dir tougt nit ze empern, dir werden ouch ander land kunt*» (203-211) [1]. В следующей речевой сцене инициатива переходит к отвечающему, который обращается с побуждением к другому собеседнику: «*lieber vatter, geruoch lassen riten mich. lenger baitten ist mir schädlich. ich will besehen fremde land. mich haben nit vil lût erkant, wann die in dinem hoff sind. die tuond all gern den willen min. merck waß mir daß tög: by fremden lûten ich mich zög, ob ich der dick sâch vil baid zuo ernst und ze spil. eß dôrft mir nicht wesen laid, ob ich nun hett arbeit und ouch in miner jugent besehe, wie man pfläge in fremden richen. darumb tuo eß willenglichen, lieber vatter, gewer mich, daß beger ich an dich und hilff, daß ich främd dir sy. Dir zuo lang won ich by*» (216-236) [1]. В отличие от рассмотренных ранее видов повтора, повтор фрагментов текста обусловлен сюжетом и не является регулярной техникой производства текста.

В приведенном выше фрагменте, кроме иницирующей директивной реплики, которая повторяется, говорящим называются причины, обосновывающие побуждение. Структура аргументации повторяется в речевых сценах в «Тристранте» и строится из описания ситуации как несоответствующей нормам и предлагаемой концепции действий, которая позволит привести ситуацию в соответствие с нормами [4]. Градация реализуется в детализации аргументации. При первом предъявлении называется два общих основания: «*Du haust die dinen wol erkant, die dienen dir all gern. dir tougt nit ze empern, dir werden ouch ander land kunt*». В следующей сцене первый аргумент повторяется: «*mich haben nit vil lût erkant, wann die in dinem hoff sind. die tuond all gern den willen min*». Второй аргумент разворачивается: «*ob ich der dick sâch vil baid zuo ernst und ze spil. eß dôrft mir nicht wesen laid, ob ich nun hett arbeit und ouch in miner jugent besehe, wie man pfläge in fremden richen*».

В «Тристранте» градация как техника аргументации регулярно проявляется в обоснованиях из трех аргументов: «*nain herr guot durch uwern hohen muot land den wigand genesen. - <...> - deß en will ich nymmer gesehn daß der allir beste man deß kund ich ye gewann suß vorlißen sal den lip und ein alß ain frumß wib. - <...> - und ir mugt me kainen tag in rechten frovden leben daß ir so ser begunt streben nauch irm so jämerlichen verderben» (4165-4181) [1].*

Еще один вид повторов – это повтор в конце иницирующей реплики после аргументации директивного высказывания или директива с аргументацией. Повторы в этих случаях являются средством когезии и указывают на окончание речевого хода: «*nû vare mit mir zu lande, / alsô wil ich dich flêhen/... daz dû kêrest dînen mût und lâzest den kamp sîn/ gedenke an den lip dîn!/... ich wil dich machen rîche/... hîr um saltû dîn vechtin lân.» (810 -830) [1].*

Таким образом, персонажный дискурс в раннем рыцарском романе создан с помощью двух приемов, заимствованных у устной традиции - повтора и повышения (градации). В «Тристранте» Э. фон Оберга имеют место лексические повторы, повторы директивов, повторы фрагментов текста, а также повторы на прагматическом и функциональном уровнях. Повторы обнаруживаются в ткани текста как в речи рассказчика, так и в речи персонажей и являются генерирующим свойством текста раннего рыцарского романа. Градация сопровождает повторы, а также используется как техника в персонажной аргументации.

Список литературы

1. Eilhart von Oberg. *Tristrant und Isalde*. - Greifswald: Reineke-Verlag, 1993. - 282 p. В статье указывается номер строки в источнике.
2. *Hübner G.* Erzählform im höfischen Roman: Studien zur Fokalisierung im «Eneas», im «Tristan». – Tübingen, Basel: A. Francke Verlag, 2003. – P. 286.
3. *Schausten, M.* Der Tristanroman Eilharts von Oberg // *Erzählwelten der Tristangeschichte im hohen Mittelalter. Untersuchungen zu den deutschsprachigen Tristanfassungen des 12. u. 13. Jahrhunderts.* - München: Wilhelm Fink Verlag, 1999. - P. 93.
4. *Urscheler A.* Kommunikation in Wolframs «Parzival»: eine Untersuchung zu Form und Funktion der Dialoge. – Bern: Lang, 2002. – P. 315.

10.02.00

Г.Н. Фахретдинова

Казанский национальный исследовательский технологический университет,
кафедра иностранных языков в профессиональной коммуникации,
Казань, gulnaz_khamidull@mail.ru

ЭКСПРЕССИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ В ТАТАРСКОЙ РЕКЛАМЕ

В статье анализируются различные эмоционально-экспрессивные приемы, используемые в татарской рекламе. Приводятся примеры наиболее часто употребляемых фигур речи, свойственных татарским рекламным текстам. Автор рассматривает особенности применения тропов для придания выразительности рекламируемым объектам.

Ключевые слова: татарская реклама, троп, экспрессивные приемы.

Словарный состав татарского языка располагает большим количеством синонимов, что дает возможность придавать речи различную экспрессивную и стилистическую окраску. Наличие эмоционально-экспрессивной окраски слова дает говорящим и пишущим богатую возможность подобрать из общенародного языка наиболее подходящие для данного случая, обстановки, ситуации синонимы, способные наиболее полно и ярко передать выражаемый смысл.

Для выражения тех или иных чувств по отношению к товарам или услугам, а также более точной психологической оценки рекламируемого объекта в текстах рекламы часто используется эмоционально-экспрессивная лексика. Для представления емкой, четкой, а самое главное убедительной информации, усиления выразительности и изобразительности зачастую создатели рекламы используют лексические образные средства – тропы, то есть те обороты речи, в которых слова и выражения употреблены в переносном значении, тем самым делая язык рекламы более оригинальным и за счет этого более действенным. Рассмотрим те тропы, которые являются наиболее частотными в татарских рекламных текстах:

а. Эпитет определяется как разновидность определения, отличающиеся от обычного экспрессивностью, переносным характером [3]. Рекламному тексту присуща насыщенность прилагательными, что объясняется необходимостью охарактеризовать рекламируемый товар. Использование прилагательных с положительным оттенком представляет товар в выгодном и привлекательном свете, они призваны заинтересовать потребителей [4]. Использование эпитетов способствует созданию образа товара, вызывает конкретные ассоциации, представления. В татарских рекламных текстах эпитеты используются часто:

Жаваплылыгы чиклэнгән «Биләр су» эҗәмгыяте бөтен Татарстан халкын Яңа ел белән тәбрикли! Бабаларыбыз эчкән изге Биләр суы яңа елда да тәнегезгә шифа, күңелегезгә тынычлык бирсен! 297-30-70. «Биләр суы» – изге су! (Общество с ограниченной ответственностью «Биляр су» поздравляет жителей Татарстана С Новым годом! Пусть святая Биллярская вода, которую пили наши предки принесет исцеление вашему телу, спокойствие вашей душе! 297-30-70. «Биляр су» - святая вода!) [радиостанция «Татар радиосы»]. Например, в данной рекламе метафорический эпитет «изге су» (святая вода) имеет значение не только «святое, доброе», но и дополнительные оттенки значения, которые возникают в результате контекстного взаимодействия с другими словами. Актуализируются такие значения слова как «тэнгә файдалы, шифалы» (полезная для тела, исцеляющая вода), «бабаларыбыздан, үткәннән сакланып калынган су» (вода, сохранившаяся от наших предков, прошлого).

Употребление ярких, образных эпитетов, в целом, не совсем характерно для татарской рекламы. Большой популярностью пользуются определения, дающие логическую оценку рекламируемому товару, такие как *матур* (красивый), *ышанычлы* (надежный), *тамле* (вкусный), *файдалы* (полезный), *куңелле* (веселый), *кызыклы* (интересный).

б. Олицетворение, когда свойства человека переносятся на неодушевленные предметы и отвлеченные понятия. Неодушевленным предметам приписываются свойства и признаки одушевленных, такие как дар речи, способность вступать в отношения и другие [2]. Объект рекламы в этом случае получает осязаемую предметность и как бы включается в сферу нашей жизни. Данный прием также является эффективным средством актуализации лексики в татарском рекламном тексте. Существуют несколько способов создания олицетворения в рекламных сообщениях на татарском языке:

- наименование марка выступает в качестве субъекта действия: *«Алмаз Холдинг» зәркән компаниясе барыгызны да Яңа ел белән тәбрик итә һәм үз кибетләренә чакыра.* (Ювелирная компания «Алмаз Холдинг» поздравляет всех с Новым годом и приглашает в свои магазины) [радиостанция «Татар радиосы»];

- наименование марки напрямую отождествляется с человеком: *«Гардиан» – сезнең йортыгызның ныклы сакчысы!* (Гардиан – надежный защитник вашего дома!) [районная газета «Безнең Чирмешән», 2015];

- используются личные местоимения для обозначения фирмы-производителя или товара: *«Алмаз Холдинг» – гүзәллек иленә безнең белән!* («Алмаз Холдинг» - с нами в мир красоты!) [радиостанция «Татар радиосы»];

Таким образом, благодаря приему олицетворения у адресата формируется яркий образ, усиливается воздействие на потенциального потребителя, рекламный образ воспринимается живее, чем простое представление товара или услуги.

в. Метафора – троп, состоящий в употреблении слов и выражений в переносном смысле на основании сходства и аналогии [1]. В приведенном примере рекламодатели прибегают к метафоре для придания экспрессивности рекламируемому объекту, чтобы подчеркнуть его уникальные и отличительные свойства: *Яңа биеклекләр яулау өчен затлы агач баскыч кемгә кирәк? «Яфрак» фирмасыннан шәп баскычлар озак елларга ышанычлы терәк!* «Яфрак» фирмасы – һәр зәвыкка, һәр мөмкинлеккә туры килерлек классик һәм заманча стильдәге интерьер баскычлары! «Яфрак» фирмасы – «Новинка» сәүдә үзәге, Короленко урамы, 28. (Кому нужны роскошные деревянные лестницы для покорения новых вершин? Отличные лестницы от фирмы «Яфрак» это – надежная опора на многие годы! Фирма «Яфрак» - это классические и современные интерьерные лестницы, подходящие каждому по вкусу и по карману! Фирма «Яфрак» - торговый центр «Новинка», Короленко, 28) [радиостанция «Татар радиосы»]. В рекламном сообщении рекламируемый объект «баскыч» (лестница) не просто обычная часть интерьера, а средство, помогающая достичь чего-то большего. Метафорически оформленное рекламное сообщение внедряет в подсознание потенциальных потребителей идею надежности, уникальности и других достоинств рекламируемой продукции.

г. Образное **сравнение** также встречается в текстах татарской рекламы, акцентируя внимание потребителей на выгодных качествах продукта. Рекламодатели в текстах татарской рекламы обращаются к различным видам сравнения как на уровне морфологии, так и на лексическом уровне: *Салдым өй, алдым дача, кирәк ишек-тәрәзә! «Столяров» кибетенә бар, анда гүя күргәзмә, ишек, тәрәзә дисеңме – жиңел эзләп табарга. Бәяләр дә кыйммәт түгел, бары кирәк сайларга. Нариманов урамы, 155.* (Построил дом, купил дачу, нужны дверь и окна! Сходи в магазин «Столяров», там словно выставка, хочешь дверь или окно, там легко найти. И цены не дорогие, только лишь нужно выбрать. Нариманова, 155) [радиостанция «Татар радиосы»]. Сравнение позволяет констатировать, что продукт является лучшим по каким-то показателям в своей товарной категории и используется для оригинального звучания, для осуществления функции воздействия рекламы на адресата.

д. Гипербола – фигура речи, которая заведомо преувеличивает, и усиливает выразительность, в текстах татарской рекламы создает более четкий рекламный образ, подчеркивает особые свойства объекта, его исключительность: *Врачларга да йөрмим, даруларны да белмим, чөнки минерал тозларга бай табигать суы эчәм. Хәзер сулар күп диярсең, мин берсен генә беләм! Мәңге яшим «Раифский источник» белән! Татарстанның иң тәмле суы «Раифский источник»!* (Не хожу по врачам, забыл о лекарствах, так как пью воду, богатую минеральными солями. Скажешь, сейчас много разных вод, я знаю только одну. Вечно живу с «Раифским источником»! Самая вкусная вода Татарстана «Раифский источник») [радиостанция «Татар радиосы»].

е. Аллюзия содержит указание или намёк на некий известный литературный или исторический факт в тексте или разговорной речи также присутствует в текстах татарской рекламы: *Нәкъ Казан артында бардыр иң кунакханә – «Дубай» диләр; бөтен шарты, табигате һәркемгә уңай диләр! Бу хозурлыкка килеп, бильярд уйна, сыйлан, шаярт, мунча кереп, ял итәрсең хәл жьеп күккә карап!* «Дубай» кунакханә комплексы! (Есть гостиница вблизи Казани, по названию «Дубай», все условия, природа придет каждому по душе! Приезжай в это блаженное место, играй в бильярд, угощайся, веселись, сходи в баню и отдохни! Гостиничный комплекс «Дубай»!). Эта реклама – очевидная аллюзия на известное произведение татарского поэта Габдуллы Тукая «Шүрәле» (Шурале). Этот стилистический прием используется в рекламе для усиления поэтичности, после прослушивания или прочтения рекламы у адресата сразу же возникает нужное восприятие образа, тем самым реклама запоминается быстрее и возникает интерес потребителя к товару или услуге.

Таким образом, в тексте татарской рекламы используются различные экспрессивно-стилистические приемы для иллюстрации основной мысли и идеи. Специфика употребления данных средств в том, что главная идея рекламы при их использовании запоминается намного быстрее, чем при сухом рациональном изложении.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 2007. – С. 231.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 2007. – С. 286.
3. Современный толковый словарь русского языка. – СПб.: Норинт, 2005. – С. 955.
4. Хамидуллина Г.Н. Особенности использования языковых средств в татарских рекламных текстах. Вестник Казанского технологического университета. Т. 14. № 24; М-во образования и науки России, Казан. нац. исслед. технол. ун-т. Казань: КНИТУ, 2001. С. 318

10.02.04

Н.И. Хомутская канд. филол. наук, А.М. Шабанова

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области
«Государственный социально-гуманитарный университет»,
Коломна, ouughj@mail.ru

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ НЕМЕЦКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Данная статья посвящена различному восприятию языковой картины окружающего мира. В зависимости от языка, на котором говорят люди, какие культурные особенности и традиции они имеют, у них формируется свое уникальное, неповторимое мировосприятие. Для более глубокого понимания и приобщения к менталитету представителей иного языка и иной культуры, формирование знаний о ней следует начинать уже на школьном этапе обучения иностранному языку.

Ключевые слова: *языковая картина мира, фразеологизм, социокультурная компетенция.*

Так уж сложилось исторически, что испокон веков языковая картина мира является отражением менталитета того или иного этноса и источником мировоззрения конкретного народа. Географическое и климатическое местоположение, культурно – исторический опыт, образ жизни, национальный характер, традиции, обычаи, религия, а также сформированная языковая система помогли каждому народу собственную, отражающую свою индивидуальность картину мира. Тесная взаимосвязь и взаимовлияние культуры и языка определенных, отдельно взятых, народов стали поводом для появления такого понятия как «языковая картина мира».

В конце XVIII - начале XX веков немецкая филология выдвинула гипотезу существования национально-специфических языковых картин мира. В. Гумбольдт, в своих трудах, выдвигал идею о том, что различное мировосприятие окружающего мира разными народами обусловлено различием самих языков, что формирует свою, неповторяющуюся картину мира. Согласно его концепции представление людей о мире зависит от языка, на котором они говорят. С этой точки зрения можно проследить различное членения мира, например, в индоевропейской семье языков. Так, русскому слову «рука» соответствуют два немецких слова: «die Hand» (кисть) и «der Arm» (часть руки от кисти до предплечья). Так же, если взять русский глагол «мыть», то в немецком языке, в зависимости от контекста, будет употребляться конкретный глагол, например, если мы захотим сказать «мыть посуду», то будем использовать фразу «das Geschirr abspülen», однако, если речь пойдет об окнах, то это будет выражаться с помощью другого глагола: «die Fenster putzen», в другой ситуации нам может понадобиться глагол «waschen».

По его концепции, у каждого народа образуется свой языковой круг, из которого человек может выйти только, вступив в другую языковую среду, при это он подчеркивает, что осуществляется сильное влияние интерференции, которая менее заметна при изучении языков со схожей картиной мира, например, русский, украинский, белорусский языки.

Согласно С.Г. Тер – Минасовой языковая картина мира – это образ мира, преломленный в сознании человека, то есть мировоззрение человека, создавшееся в результате его физического опыта и духовной деятельности. А культурная (понятийная или концептуальная) картина мира - это отражение реальной картины через призму понятий, сформированных на основе представлений человека, полученных с помощью органов чувств и прошедших через его сознание, как коллективное, так и индивидуальное [4, с. 41, 47].

Итак, «путь от внеязыковой реальности к понятию и далее к словесному выражению неодинаков у разных народов, что обусловлено различиями истории и условий жизни этих народов, спецификой развития их общественного сознания. Соответственно, различна ЯКМ

у разных народов. Это проявляется в принципах категоризации действительности, материализуясь и в лексике, и в грамматике» [4, 47-48].

С.Г. Тер-Минасова предполагает, что основой любой языковой картины мира служит её метафорическое представление и сравнивает ее с зеркалом окружающей действительности, которая на основе речевого общения создает уникальное представление о мире конкретно взятого народа [4, 38].

Следует так же отметить, что в рамках бурно развивающегося процесса межкультурной коммуникации и языкового многообразия в центр языковой картины и мировосприятия становится антропоцентризм. С точки зрения данной парадигмы, человек – это мерило языковых явлений, он познает мир через осознание себя, часто в метафорическом значении, и этому можно найти множество подтверждений в языке. Например, «пришла весна», «снежинки пляшут», «Mutter Grün» (Матушка-природа), die Nacht öffnen (открыть занавес).

Исходя из приведённых двух положений, нами будет рассматриваться немецкая языковая картина мира через призму фразеологизмов данного языка. Следует подчеркнуть, что именно в школе, на уроках иностранного языка, начинает формироваться первое осознанное представление об окружающей действительности и складываться представление о стране и об изучаемом языке. При формировании социокультурной компетенции всегда отводится важная роль способности обучающихся осуществлять выбор языковых форм, использовать их и преобразовывать в соответствии с контекстом, правильный выбор фразеологических выражений является тем средством, которое помогает лучше проникнуть в языковую среду и понять менталитет представителей страны изучаемого языка. Итак, фразеологическая единица – это устойчивое сочетание лексем с полностью или частично переосмысленным значением, например: «das Ei des Kolumbus»; «das sind kleine Fische», «nach jmds. Pfeife tanzen [2, с.8]. Похожее определение предлагает автор основополагающих работ по фразеологии немецкого языка известный российский германист И.И. Чернышева. Она считает, что фразеологизмы – это устойчивые словесные комплексы различных структурных типов с единичным соединением компонентов, чье значение возникает в результате полной или частичной семантической трансформации компонентного состава [5, с. 29]. Известный немецкий германист – Гаральд Бургер [6, с. 11], основными вопросами исследования которого являются современный немецкий язык, фразеология и лексикология, предложил следующее определение понятию «фразеологизм»: сочетание двух или более слов только тогда является фразеологичным, если слова образуют единство, не объяснимое исключительно посредством синтаксической и семантической связи, а также, если словосочетание употребляется в языковом сообществе как единая лексема, например: «nach jmds. Pfeife tanzen».

Для реализации коммуникативного акта в процессе реального общения необходимо, чтобы понимание смысла высказывания коммуникантом соответствовало тому смыслу, который был заложен в момент порождения высказывания. В этом случае можно говорить о национальной специфичности фразеологизмов. И только знакомство с историей, экономической жизнью, особенностями развития городов, ремесел и т.п. поможет определить, в чем состоит национальное своеобразие той или иной единицы [3, с. 15]. Фразеологизмы играют существенную роль в акте коммуникации и являются неизменным атрибутом речи любого человека, невзирая на уровень его образования. Они чаще представляют собой уникальный лингвистический феномен, который отличается яркой выразительностью, образностью, эмоциональностью, что ещё раз подчеркивает актуальность и необходимость их применения на уроках иностранного (немецкого) языка особенно при обучении говорению и чтению.

Во фразеологических единицах отражается мировоззрение, менталитет и национальные черты народа. Например, все черты национального характера немцев можно проследить во фразеологизмах, которые условно можно разделить на несколько основных групп [1]:

1. Отношение к делу, к работе.
 - Fleiß macht aus Eisen Wachs. – Прилежание делает из железа воск.
 - Ohne Fleiß kein Preis. – Без труда не вынешь рыбку из пруда.
 - Arbeit gibt Brot, Faulheit gibt Not. – Работа дает хлеб, лень-нужду.
 - Guter Anfang ist halbe Arbeit. – Хорошее начало – половина дела.
 - Arbeit macht das Leben süß. – Работа делает жизнь сладкой.
 - Arbeit ist eine Ehrensache - Труд – дело чести.
 - Wie die Arbeit, so der Lohn. (посл.) - По работе и плата.
 - Übung macht den Meister. (посл.) - Навык мастера ставит.
2. Любовь к порядку.
 - Alles muß sein Ordnung haben. – Всё должно иметь свой порядок.
 - Ordnung ist das halbe Leben – Порядок – основа жизни.
 - Ordnung muss sein – Порядок должен быть.
3. Немецкая бережливость.
 - Sparen ist verdienen – экономить - значит зарабатывать.
4. Пунктуальность.
 - Besser eine Stunde zu früh, als eine Minute zu spät. - Лучше на час раньше, чем на минуту позже.
 - Jedes Ding hat seine Zeit. – Каждое дело имеет свое время.
 - Zeit ist Geld. - Время-деньги.
5. Осторожность.
 - Vorsicht ist die Mutter der Weisheit - Осторожность – мать мудрости.
 - Vorsicht ist die Mutter der Porzellanke. шутл. Осторожность произвела на свет фарфоровую посуду.

Для формирования целостной картины мира народа изучаемого языка, можно использовать ряд упражнений на уроках немецкого языка на разных ступенях обучения и этапах урока.

Использование фразеологизмов помогает решить разнообразные задачи на начальной, средней и старшей ступени обучения немецкому языку, например, при отработке чтения и произношение дифтонгов: *etw. in den Schornstein schreiben müssen, seine Siebensachen packen*, или просто отдельных звуков: *j-m einen Floh ins Ohr setzen*.

Применение устойчивых словосочетаний и выражений при формировании грамматических навыков, например: при изучении придаточных предложений – *Ist der Wein im Manne, ist der Verstand in der Kanne*, использование глагола-связки: *Muß ist eine harte Nuß; Der Hunger ist niemandes Freund*; при построении придаточных предложений: *Willst du lang' leben und bleiben gesund, iß wie die Katze und trink wie der Hund*. Все выше указанные фразеологизмы, имеют ярко выраженную национально окрашенную специфику.

Особенно актуально использование разговорно окрашенных фразеологизмов при обучении говорению, задания могут быть следующего вида: составить диалог или полилог, например, на тему «*Der Appetit kommt beim Essen*», или описать картинку, используя предложенные фразеологические единицы, также можно предложить ученикам выразить своё мнение о том, какой фразеологизм из предоставленного списка, может передать смысл всего текста.

Итак, языковая картина мира является отражением культуры, традиций и менталитета определенного народа, при этом как, утверждает С.Г. Тер-Минасова, имеет за собой метафорическую основу. Формирование языковой картины мира – мира носителей изучаемого языка, следует начинать уже на ранних этапах обучения иностранному языку, эффективнее всего, на наш взгляд, этого можно сформировать на уроках иностранного языка, в нашем случае немецкого, применяя фразеологизмы. Фразеологические единицы помогают сделать обучение немецкому языку разнообразным и отработать все виды речевой деятельности у обучающихся, а также помогают развитию не только коммуникативной, но и социокультурной компетенции.

Список литературы

1. *Бинович Л.Э.* Немецко-русский фразеологический словарь. – М., 1959 г. – 900с.
2. *Кунин А.В.* Курс фразеологии современного английского языка: Учебник. М.: Феникс, 1996. – 381с.
3. *Мальцева Д.Г.* Страноведение через фразеологизмы. Пособие по немецкому языку: Учеб. пособие. - М.: Высш. шк., 1991. –173с.
4. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация: Учеб. Пособие — М.: Слово/Slovo, 2000. — 624 с.
5. *Чернышева И.И.* Фразеология современного немецкого языка. – М.: Высш. Школа, 1970. – 200 с.
6. *Burger G.* Phraseologie: Eine Einführung am Beispiel des Deutschen. – ESV, 2010. – 239 S.

АННОТАЦИИ
ABSTRACTS

Ю.З. Богданова

ДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ
ОЦЕНОЧНОЙ ЛЕКСИКИ (НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК)

Ключевые слова: Немецкая отрицательная оценочная лексика, пейоративы, языковая картина мира, интерференция.

Данная статья посвящена проблеме дидактического потенциала отрицательной оценочной лексики немецкого языка. Выявлены особенности пейоративов в немецкой картине мира. Объяснены механизм и необходимость использования пейоративов в программах обучения немецкому языку.

Y.Z. Bogdanova

DIDACTIC POTENTIAL OF NEGATIVE SENTIMENT
LEXICON (GERMAN)

Keywords: German negative evaluative vocabulary, pejorative, language picture of the world, interference.

This article is devoted to the problem of didactic potential of negative evaluation vocabulary of the German language. The peculiarities of pejorative in the German picture of the world. Explained the mechanism and the need to use pejoratives in German language training programs.

Е.Н. Дьячкова

МРАВСТВЕННО-ФИЛОСОФСКИЕ ИСКАНИЯ В
СОВРЕМЕННОЙ МОРДОВСКОЙ ПОЭЗИИ

Ключевые слова: современная мордовская поэзия, философская лирика, нравственно-философские искания, лирический герой, поэтика.

В статье обозначены преобладающие доминанты нравственно-философских исканий в современной поэзии Мордовии. Выявлены основные проблемно-тематические и стилистические особенности многовекторных смыслов и способов в освоении поэтической реальности. На примере произведений А. В. Арапова, Н. И. Ишуткина, Р. К. Орловой прослеживается глубинное единство окружающего мира и внутреннего состояния лирического героя.

E.N. Dyachkova

MORAL-PHILOSOPHICAL TRENDS IN CONTEMPORARY
MORDOVIAN POETRY

Keywords: contemporary mordovian poetry, philosophical lyrics, moral and philosophical searches, lyrical hero, poetics.

The article describes the prevailing dominant moral and philosophical searches in the contemporary poetry of Mordovia. The author reveals the main problem-thematic and stylistic features of multi-vector meanings and methods in the development of poetic reality. On the example of the works of A. V. Arapov, N. I. Ishutkin, R. K. Orlova the author traces the deep unity of the surrounding world and the internal state of the lyrical hero.

Н.В. Захарова

РОМАН ШИ ЮЙКУНЯ «ТРОЕ ХРАБРЫХ, ПЯТЕРО
СПРАВЕДЛИВЫХ» И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ЭВОЛЮЦИЮ
АВАНТЮРНОГО ЖАНРА В ЛИТЕРАТУРЕ КИТАЯ В
НАЧАЛЕ XX В.

Ключевые слова: литература Китая, рыцарская проза, жанр «уся», роман Ши Юйкуня.

В статье анализируется влияние романа Ши Юйкуня (1810-1871) «Трое храбрых, пятеро справедливых», соединившего два поджанра: судебной и рыцарской прозы, на повествования о рыцарях/благородных разбойниках, ставших популярными в начале XX в.

N.V. Zakharova

THE NOVEL OF SHI YUKUN «THREE BRAVE, FIVE FAIR»
AND ITS INFLUENCE ON THE EVOLUTION OF THE
ADVENTUROUS GENRE IN THE LITERATURE OF CHINA
IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY

Keywords: Chinese literature, knightly prose, "wusia" genre, novel by Shi Yukun.

The article analyzes the novel of Shi Yukun (1810-1871) «Three Brave, Five Fair», which combined two subgenres: judicial and knightly prose, and its influence on the narratives of knights / noble robbers, which became popular in the early twentieth century.

М.И. Очиллова

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЦЕННОСТЬ ТОЛКОВАНИЯ «АЛЬ-
КАШШАФ» ЗАМАХШАРИ

Ключевые слова: Тафсир, Коран, Замахшари, аль-Кашишаф, мутазилитское течение, толкование.

В статье рассматриваются анализ структуры и содержания одного из наиболее авторитетных комментариев к Корану «аль-Кашишаф» аз-Замахшари. Автор опираясь на источник, а также на труды исследователей дает оценку литературным и филологическим аспектам данного тафсира.

M.I. Ochilova

STYLISTIC FEATURES AND THE ARTISTIC VALUE OF
ZAMAKHSHARI'S INTERPRETATION OF "AL-KASHSHAF"

Keywords: Tafsir, Koran, Zamakhshari, al-Kashshaf,

Mutazilite current, interpretation.

The article considers the analysis of the structure and content of one of the most authoritative comments on the Quran "al-Kashshaf" az-Zamakhshari. The author bases on the source and the works of the researchers, gives an assessment of the literary and philological aspects of this tafsir.

Д.А. Сухоева

ОСОБЕННОСТИ ИЗОБРАЖЕНИЯ ГОРОДА В ЛИРИКЕ
В.Ф. ХОДАСЕВИЧА ПЕРИОДА ЭМИГРАЦИИ

Ключевые слова: В.Ф. Ходасевич, город, интроспекция, образы блеска и тьмы, тема творчества.

Статья посвящена исследованию урбанистической лирики В.Ф. Ходасевича, созданной в эмигрантский период творчества. В качестве особенностей изображения города в работе выделяются интроспекция, связь темы города с темой творчества, сочетание блеска и тьмы. В заключении автор статьи приходит к тому, что город в лирике Ходасевича не маркирован и организован деструктивно.

D.A. Sukhoveva

THE PECULIARITIES OF THE CITY IMAGE IN THE
POETRY OF V.F. KHODASEVICH IN EMIGRATION

Keywords: V.F. Khodasevich, city, introspection, images of shining and darkness, the theme of writing .

The article researches the urban poetry written by V. Khodasevich at the time of his emigration. It examines introspection, the connection between the theme of the city and the theme of writing, the combination of shining and darkness as the specificities of the depiction of the city. The author of the article concludes that the city in Khodasevich's poetry is deconstructively organised and not marked.

Д.Н. Фатеев

РЕЧЕВАЯ НОМИНАЦИЯ ФУТБОЛЬНЫХ КОЛЛЕКТИВОВ
МОСКВЫ И САНКТ-ПЕТЕРБУРГА В КРИЧАЛКАХ
БОЛЕЛЬЩИКОВ И СМИ (ЧАСТЬ I: ФК «ДИНАМО», ФК
«ЗЕНИТ», ФК «ЛОКОМОТИВ»)*Ключевые слова: футбол, сленг, номинация, болельщики,
кричалки, мем.*

В работе рассмотрены основные номинации футбольных коллективов Москвы и Санкт-Петербурга в средствах массовой информации и фанатской среде. Объясняются причины возникновения конкретных «имен-спутников». Также уделено внимание некоторым особенностям данного явления – специфике бытования, оценке объектов и т.д.

D.N. Fateev

SPEECH NOMINATION OF MOSCOW AND ST-
PETERSBURG FOOTBALL CLUBS IN FAN CHANTS AND
MASS MEDIA

(PART I: FC "DINAMO", FC "ZENIT", FC "LOKOMOTIV")

Keywords: football, slang, nomination, fans, chants, meme.

Main nominations of Moscow and St-Petersburg football clubs in mass media and fan environment examines in the article. Occasion reasons of specific "names-attendants" explains. As well, attention is paid to some particular qualities of this phenomenon - existence specificity, objects' evaluation etc.

Д.А. Филатова, С.А. Ларин

«В ЦЫГАНСКОМ ТАБОРЕ...»: МАТЬ И ДОЧЬ В ПЬЕСЕ
А.Н. ОСТРОВСКОГО «БЕСПРИДАННИЦА»*Ключевые слова: А.Н. Островский, драматургия, мать и дочь,
матримониальные мотивы, суицидальное поведение.*

В статье рассматриваются образы центральных женских персонажей пьесы А.Н. Островского «Бесприданница». Особое внимание уделяется анализу комплекса «цыганских» мотивов, возникающих в различных точках сюжета и связанных с ключевыми героями драмы. Анализ указанных элементов, как представляется, позволит выявить некоторые новые аспекты художественного мира А.Н. Островского, приблизиться к осмыслению подлинных истоков трагедии Ларисы Дмитриевны, к пониманию причин ее гибели.

D.A. Filatova, S.A. Larin

«IN THE GYPSY CAMP...»: MOTHER AND DAUGHTER IN
A. N. OSTROVSKY'S PLAY «BESPRIDANNITSA»*Keywords: A.N. Ostrovsky, drama, mother and daughter,
matrimonial motives, suicidal behavior*

The article deals with the problem of images of the central female characters of A. N. Ostrovsky's play «Bespridannitsa». Special attention is paid to analysis of the complex of «Gypsy» motives arising in different points of the plot and associated with the key characters of drama. The analysis of these elements, it seems, will allow to reveal some new aspects of A. N. Ostrovsky's art world, to come closer to understanding of the real origins of Larisa Dmitrievna's tragedy and the reasons of her death.

Б.Б. Шагдарова

БУРЯТ-МОНГОЛЬСКИЙ КОМИТЕТ ПО ДЕЛАМ
РАДИОВЕЩАНИЯ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД (1931-1933 ГГ.)*Ключевые слова: радиовещание, радиофикация, пропаганда,
радиопрограмма.*

В работе исследуется история зарождения проводного радиовещания в Бурятии, оформленного в организационной структуре комитета по делам радиовещания. С первых дней существования местное радиовещание осуществлялось на двух языках – русском и бурятском, агитационно-пропагандистское обращение большинства материалов было продиктовано проведением в жизнь решений первого пятилетнего плана.

B.B. Shagdarova

BURYAT-MONGOLSK COMMITTEE ON BROADCASTING
IN THE PRIMARY PERIOD (1931-1933)*Keywords: broadcasting, radio, propaganda, radio program.*

In the article the history of the origin of wire broadcasting in Buryatia in the 1930s. Broadcasting management was entrusted to the Committee on Broadcasting. Broadcasting from the very first day was conducted in Russian and Buryat languages. At that time all policy in the country was subordinated to the implementation of the national economic plan for the industrialization of the country. The content of radio materials was mainly aimed at their propaganda.

Г.Т. Аллаhverдиева

ПОЛЕ «БОЛИ» И «СТРАДАНИЯ» В РУССКОМ И
АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКАХ*Ключевые слова: боль, страдание, русский язык,
азербайджанский язык, концепт, когнитивный признак,
неприемлемость.*

Статья посвящена проблемам современной лингвистики, лексическим системам русского и азербайджанского языков. Делается попытка дифференцировать такие термины, как понятие, концепт, денотат. Отмечается, что денотат как типизированное представление о предмете довольно сложно отграничить от концепта, который от понятия отличается как раз наличием культурно-исторического содержания. Может ли быть типизированное представление вне концептуального содержания. В центре внимания стоит вербализация концептов «боль» и «страдание». Исследование показывает, что не всегда концептуальное содержание адекватно отражается в языках. Существующие словари также отражают обыденные представления об этих явлениях.

G.T. Allahverdiyeva

FIELD OF "PAIN" AND "SUFFERING" IN RUSSIAN AND
AZERBAIJANI LANGUAGE*Keywords: pain, suffering, Russian language, Azerbaijani
language, concept, cognitive sign, unacceptability.*

The article is devoted to the problems of modern linguistics, lexical systems of Russian and Azerbaijani languages. An attempt is made to differentiate such terms as concept, concept, denotat. The focus is on the verbalization of the concepts "pain" and "suffering." Research shows that not always the conceptual content is adequately reflected in languages. The existing dictionaries also reflect everyday ideas about these phenomena.

Амитирова-Тургенева Дарья Львовна

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ИЗУЧЕНИИ РАЗЛИЧИЙ
МЕЖДУ БРИТАНСКИМ И АМЕРИКАНСКИМ
ВАРИАНТАМИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ*Ключевые слова: британский английский, американский
английский, отечественная лингвистика.*

Автор рассматривает эволюцию изучения британо-американских различий в отечественной лингвистике, начиная с

D.L. Amitirova-Turgeneva

STUDY OF DIFFERENCES BETWEEN BRITISH ENGLISH
AND AMERICAN ENGLISH IN RUSSIAN LINGUISTICS.
MAIN TRENDS*Keywords: British English, American English, Russian
linguistics.*

The author looks at the evolution of the study of differences between British and American English in Russian linguistics since the middle of the last century. Much attention is paid to the

середины прошлого века до наших дней. Подробно рассмотрены основные подходы к изучению регионально маркированной лексики в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы. Предлагаются перспективы дальнейших исследований в этой области.

Н.С. Андрианова
РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА GUERRE
ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИМИ СРЕДСТВАМИ
ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: паремии; концепт; когнитивные признаки; оценочные суждения; метафорическая модель.

В статье рассматриваются особенности реализации концепта Guerre (война) паремиологическими средствами французского языка. Данные средства включают в себя пословицы, поговорки, афоризмы и паремии библейского происхождения. Паремиологическая зона исследуемого концепта имеет антропоцентрическую направленность, а также содержит новые метафорические модели концептуализации исследуемого явления.

Б.Б. Базарова
ИНТЕРПРЕТИРУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ НЕОЛОГИЗМОВ

Ключевые слова: английский язык, когнитивная неология, неологизмы, когнитивные модели.

В статье рассматриваются языковые инновации в английском языке с точки зрения концептуализации меняющейся картины мира и отражения этих процессов в неологизмах. В работе обращается внимание на когнитивное направление в неологии. В качестве материала исследования взяты примеры из ресурса WordSpy.

Е.В. Белова, О.В. Ермоленко
МОДЕЛЬ АРГУМЕНТАЦИИ В БЫТОВОМ КОНФЛИКТЕ

Ключевые слова: аргументация, расхождение во мнениях, бытовой конфликт, ошибки аргументации.

В статье поясняется понятие Расхождение во мнениях и его составляющие. Дается пример анализа бытового конфликтного дискурса по модели С. Тулмина. Указаны типичные ошибки аргументации, совершаемые оппонентами во время конфликтного взаимодействия.

У.А. Боретцака
СПОСОБЫ И СРЕДСТВА ОТРАЖЕНИЯ РЕАЛЬНОСТИ В
ЖАНРЕ АНГЛИЙСКОЙ НАРОДНОЙ БАЛЛАДЫ

Ключевые слова: баллада, жанр, эпос, лирика, драма.

В статье рассматривается каким образом специфика балладного жанра определила особенности композиции текста английской народной баллады. Проводится сопоставительный анализ текста баллады с точки зрения его родства с эпическим, лирическим и драматическим жанрами. При обобщении данных жанровых особенностей в тексте баллады стало возможным полное отражение действительности.

И.А. Борисенко, И.В. Уварова
ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК В ФОРМИРОВАНИИ
ОБЩЕКУЛЬТУРНЫХ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ
КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА

Ключевые слова: коммуникация, профессиональная компетентность, иностранный язык.

Возросший интерес к языковой картине мира при обучении иностранному языку продиктован современной практикой общения. Дидактическая коммуникативность становится одним из ведущих аспектов, так как предполагает формирование профессиональной направленности, когда на первый план выступает овладение иностранным языком как специфической профессионально-коммуникативной деятельностью.

main approaches to the study of the regionally marked lexical units within the framework of cognitive discursive paradigm. The prospects for further research in this area are outlined.

N.S. Andrianova
REALIZATION OF THE GUERRE CONCEPT BY
PAREMIOLOGICAL MEANS OF THE FRENCH
LANGUAGE

Keywords: paroemias; concept; cognitive features; evaluation; metaphorical model.

This article presents the features of Guerre (war) concept realization by paremiological means of the French language. Here belong proverbs, sayings, aphorisms and paroemias of biblical origin. Paremiological zone of the concept under discussion has an anthropocentric orientation, and contains new metaphorical models for conceptualization of the covered phenomenon.

B.B. Bazarova
INTERPRETING POTENTIAL OF NEOLOGISMS

Keywords: English, cognitive neology, neologisms, cognitive models.

This paper presents the results of the work with new words in modern English. Wordspy was addressed to study neologisms from cognitive perspective.

E.V. Belova, O.V. Ermolenko
MODEL OF ARGUMENTATION IN THE EVERYDAY
CONFLICT

Keywords: argumentation, disagreement, everyday conflict, argumentation mistakes.

The article explains the concept of disagreement in opinions and its components. The author gives an example of an analysis of domestic conflict discourse based on the model of S. Toulmin. Typical errors of argument made by opponents during the conflict interaction are indicated.

U.A. Boretckaia
SPECIFIC MEANS OF THE REALITY'S REFLECTION IN
THE ENGLISH FOLK BALLAD

Keywords: ballad, genre, epic, lyric, drama.

The article covers the specific features of the ballad genre which literary belonging has defined the peculiarities of the composition of the English folk ballad. The comparative analysis of ballads' texts is made from the point of view of its connection with epic, lyric and drama genres. Full reflection of the reality in the ballad texts has become possible by means of the synthesis of these genres' peculiarities.

I.A. Borisenko, I.V. Uvarova
FOREIGN LANGUAGE IN FORMING CULTURAL AND
PROFESSIONAL COMPETENCES IN MEDICAL STUDENTS

Keywords: communication, professional competence, foreign language.

Increasing interest to the linguistic world-view is determined by communication experience. Didactic communication is becoming one of the leading aspects of education as it gets the foreign language as a specific professional and communication activity.

Н.В. Горохова

КАТЕГОРИАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЗНАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПОДЪЯЗЫКА ТРУБОПРОВОДНОГО ТРАНСПОРТА)

Ключевые слова: динамический фрейм, категориальный узел, категориальная сетка, профессиональное знание, вершинный слот, терминальный слот.

На материале английского подъязыка трубопроводного транспорта в статье анализируются особенности категориального членения профессиональных представлений о конъюнктуре познания. В качестве параметра хранения такой информации используется динамический фрейм, структура которого включает в себя значимые семантические координаты, относящиеся к исследуемому разделу практической профессиональной сферы деятельности.

N.V. Gorokhova

CATEGORICAL DIVISION OF THE PROFESSIONAL KNOWLEDGE (ON THE BASIS OF PIPELINE TRANSPORT LANGUAGE)

Keywords: dynamic frame, categorical unit, categorical net, professional knowledge, top slot, terminal slot

The article examines the main features of categorical divisions of professional knowledge on the material of pipeline transport language. Dynamic frame is used as the key condition of storage of such information and as a basic parameter of a frame structure including meaningful semantic coordinates of one of a professional spheres of human activity.

Е.И. Григорьев, Л.Г. Карандеева

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ПРОЦЕССЕ УСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Ключевые слова: устная коммуникация; прагматика; речевая ситуация; речевое воздействие; просодия.

Статья посвящена выявлению специфики реализации речевого воздействия в устно-речевом дискурсе. Сравнительный анализ устной и письменной форм коммуникации позволил выявить их как общие, так и отличительные черты, а также установить, что динамичный характер устного взаимодействия определяет ситуативно обусловленную вариативность форм речевого воздействия и интралингвистическое построение устной речи, где особо важную роль для формирования прагматической направленности высказывания играет речевая просодия.

E.I. Grigorjev, L.G. Karandeeva

FEATURES OF REALIZATION OF SPEECH INFLUENCE IN THE PROCESS OF ORAL COMMUNICATION

Keywords: oral communication; pragmatics; speech situation; speech effect; prosody.

The article is devoted to revealing the specifics of the realization of speech influence in oral-communication discourse. A comparative analysis of oral and written forms of communication has allowed to identify both common and distinctive features, as well as to establish that the dynamic nature of oral interaction defines situational variability of forms of speech influence and interlinguistics build of oral language, where a particularly important role for the formation of the pragmatic orientation of the statement plays the speech prosody.

Д.А. Демидкина, И.В. Марзоева

О СООТНОШЕНИИ АСПЕКТУАЛЬНОГО И РЕФЕРЕНЦИАЛЬНО-ВРЕМЕННОГО СТАТУСОВ ВРЕМЕННЫХ ФОРМ СО ЗНАЧЕНИЕМ АОРИСТА ВО ФРАНЦУЗСКОМ, АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Ключевые слова: аорист, референциальная точка, тонкальное предшествование, аспектуальный статус.

В статье представлены результаты сравнительно-типологического анализа функционирования временных форм с аористическим значением в языках, принадлежащих трем языковым группам: германской, романской и славянской. В отличие от традиционного подхода, в работе делается акцент не на системном употреблении вышеуказанных форм, а на выявлении того или иного их статуса в процессе функционирования в речи.

D.A. Demidkina, I.V. Marzoeva

ABOUT THE RELATION OF ASPECTUAL AND REFERENTIAL-TEMPORAL STATUS OF AORISTIC TEMPORARY FORMS IN FRENCH, ENGLISH AND RUSSIAN

Keywords: aorist, the point of reference, tuncal precedence, aspectual status

This paper presents the results of aoristic temporary forms functioning comparative-typological analysis in languages belonging to three different groups: Germanic, Romanic and Slavic. Unlike the traditional approach, the authors do not emphasize the system aoristic tenses use but reveal their status during their functioning in the discourse.

Л.М. Дзуганова, Ф.М. Ордокова, Л.А. Пхешхов

ЧАСТНЫЕ КЛАССИФИКАЦИИ ТЕРМИНОВ ЭКОНОМИКИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Ключевые слова: терминология, классификация, термин.

В работе представлены частные классификации, описывающие разноаспектно отраслевую терминологию. С помощью терминов из различных областей знания мы покажем их различия. В дальнейшем, применим эти положения к терминологии экономики сельского хозяйства.

L.M. Dzugznova, F.M. Ordokova, L.A. Pksheshkhov

PRIVATE CLASSIFICATIONS OF THE TERMS OF ECONOMICS OF AGRICULTURE

Keywords: terminology, classification, term.

Private classifications are presented describing differently the branch terminology in this paper. We will show their differences with the help of terms from different areas of knowledge. In future we will apply these provisions to the terminology of terms of the economy of agriculture.

А.Е. Жижина

К СУПЕРСТРУКТУРЕ И МАКРОСТРУКТУРЕ ТЕКСТОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРЕДВЫБОРНОГО ДИСКУРСА В.В. ЖИРИНОВСКОГО)

Ключевые слова: политический дискурс, суперструктура, макроструктура, прагматическая лингвистика, речевые стратегии и тактики.

Статья посвящена актуальной теме изучения структуры политического дискурса с учетом индивидуальных черт конкретной языковой личности. Приводятся такие ключевые понятия, как «суперструктура», «макроструктура», «макропропозиция». Автором приводятся наиболее частотные примеры семантической и прагматической макроструктур в предвыборном дискурсе В.В. Жириновского.

A.E. Zhizhina

TOWARDS THE SUPERSTRUCTURE AND MACROSTRUCTURE OF POLITICAL TEXTS (BASED ON THE PRE-ELECTORAL DISCOURSE OF V.V. ZHIRINOVSKIY)

Keywords: political discourse, superstructure, macrostructure, pragmalinguistics, speech strategies and speech tactics

This paper is devoted to a relevant study of the structure of political discourse while taking into consideration individual aspects of a certain language personality. Key notions such as «superstructure», «macrostructure», «macroproposition» are stated in the paper. The author states the most frequent examples of semantic and pragmatic macrostructures found in the pre-electoral discourse of V.V. Zhirinovskiy.

Инь Сяо

УДАРЕНИЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ТОНЫ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

*Ключевые слова: Ударение, тон, слог, слово, акцент.**В статье описываются ударение в русском языке и тон в китайском языке; изучаются различия между ударением и тоном; рассматривается проблема ударения в русском языке в произношении китайских студентов и тона в китайском языке в произношении русских студентов.*А.В. Кириллова, Д.Е. Меренкова, М.В. Шурупова
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА СНИЖЕННОЙ ЛЕКСИКИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ*Ключевые слова: перевод, сниженная лексика, разговорная речь, художественное произведение, разговорный язык.**В данной статье рассматриваются особенности перевода сниженной лексики, а также дается определение данному понятию. Данные слова всегда представляют собой определенную проблему в переводческом плане, так как они являются специфичными для каждого языка.*А.Ю. Константинова, О.Ш. Назаров
ОТРАЖЕНИЕ ЖАНРА ПОКАЗАНИЙ ПОТЕРПЕВШЕГО В ТЕКСТЕ ПРИГОВОРА СУДА*Ключевые слова: жанр показаний; потерпевший; текст приговора.**В статье рассматривается жанр показаний потерпевшего и его особенности. Авторами определяется 2 типа жанра показаний потерпевшего: в пользу виновности и в пользу невиновности подсудимого.*

Н.Н. Кузнецова

ПОДТЕКСТ КАК ЧЕРТА ПОЭТИЧЕСКОГО ИДИОСТИЛЯ И. БРОДСКОГО

*Ключевые слова: подтекст, эксплицитность, имплицитность, образ, смысл, ассоциативные связи.**В работе представлены результаты изучения особенностей подтекста в творчестве И.Бродского. Поскольку подтекст распространяется на все ключевые аспекты художественного текста – образы, концептуальное содержание, основная идея, – постольку способы его ввода, особенности дешифровки, степень информативности и выразительности составляют основную специфику творчества того или иного автора.*

Е.К. Кузьмина

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ПАРАДИГМЕ

*Ключевые слова. Языкознание, лингвистика, язык, лингвистическая концепция, развитие языкознания.**В настоящей статье рассматриваются исторические и современные предпосылки развития языкознания в современной парадигме. Автором анализируются исследования, которые имеют лингвистическую, социологическую, культурологическую ценность и оказывают определяющее воздействие на общественную жизнь, способствуют формированию мировоззрения народа. Автором отмечается, что междисциплинарный подход в современном языкознании актуален и состоит в соединении лингвистических, психологических, философских, методов изучения языка. При этом лингвисты и историки продолжают обсуждение проблемы происхождения славянской письменности, реконструкции языковых ситуаций прошлого.*

Yin Xiao

THE STRESS IN THE RUSSIAN LANGUAGE AND TONE IN THE CHINESE LANGUAGE

*Keywords: Accent, tone, syllable, word, accent.**The article describes the stress in the Russian language and the tone in the Chinese language; the differences between stress and tones are studied; the pronunciation problem of Chinese students with "stress" in the Russian language and the problem of Russian students with "tone" in the Chinese language is considered.*A.V. Kirillova, D.E. Merenkova, M.V. Shurupova
THE PECULIARITIES OF TRANSLATION OF LOWER WORDS IN FICTION*Keywords: translation, vulgar words, colloquial speech, fiction, spoken language.**This article deals with the peculiarities of translation of vulgar words, also it gives the definition of this term. These words represent a specific problem in translation, as they are nationally specific.*A.Yu. Konstantinova, O.Sh. Nazarov
REFLECTION OF THE GENRE TESTIMONY OF THE VICTIM IN THE TEXT OF THE SENTENCE*Keywords: genre of the testimony; victim; text of the sentence.**The article discusses the genre of testimony of the victim and their features. The author defines 2 types of a genre of indications of the victim: in favor of guilt and in favor of innocence of the defendant.*

N.N. Kuznetsova

SUBTEXT AS A FEATURE OF POETIC IDIOSTYLE OF I. BRODSKY

*Keywords: subtext, explicitness, implicitness, image, meaning, associative connections**The paper presents the results of studying the features of the subtext in the works of I. Brodsky. The subtext in fiction is a total phenomenon, but it is undoubtedly associated with the use of various techniques and linguistic means for each author. Since the subtext is extended to all key aspects of the artistic text - images, conceptual content, the main idea - the methods of its input, the features of decoding, the degree of informativeness and expressiveness constitute the main specificity of the creativity of one or another author.*

E.K. Kuzmina

TRENDS OF LINGUISTIC DEVELOPMENT IN THE MODERN PARADIGM

*Keywords. Linguistics, linguistics, language, linguistic concept, development of linguistics.**In this article, we consider the historical and modern prerequisites for the development of linguistics in the modern paradigm. The author analyzes studies that have a linguistic, sociological, cultural value and exert a determining influence on public life, contribute to the formation of the people's world outlook. The author notes that the interdisciplinary approach in modern linguistics is relevant and consists in combining linguistic, psychological, philosophical, methods of language learning. At the same time, Linguists and historians continue to discuss the problem of the origin of the Slavic script, the reconstruction of the language situations of the past.*

Н.В. Левчаева

ОСОБЕННОСТИ ПУБЛИЧНОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ В
ЛИНГВО-КОММУНИКАТИВНОМ АСПЕКТЕ КУЛЬТУРЫ
ОБЩЕНИЯ

Ключевые слова: культура общения; устная речь; письменная речь; ошибка; публичное выступление; оратор.

В наше динамичное и очень требовательное время современный человек для достижения поставленных целей должен обладать не только профессиональными качествами, но и уметь выступать публично, владея при этом правильной, логичной и красивой речью. В статье приводятся наиболее распространенные типичные риторические и грамматические ошибки, встречающиеся в публичных выступлениях.

N.V. Levchaeva

FEATURES OF PUBLIC SPEECH IN THE LINGU-
COMMUNICATIVE ASPECT OF CULTURE OF
COMMUNICATION

Keywords: culture of communication; oral speech; written speech; error; public speaking; speaker.

In our dynamic and very demanding time, a modern person must possess not only professional qualities to achieve the set goals, but also be able to speak publicly while possessing the correct, logical and beautiful speech. The article contains the most common typical rhetorical and grammatical errors encountered in public speeches.

Н.В. Малышева, А.Е. Божедонова

ФОНОСТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯКУТСКИХ ИМЕН
ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ, ОПИСЫВАЮЩИХ «РЫЖУЮ» МАСТЬ
ЛОШАДИ

Ключевые слова: якутские имена прилагательные, однокомпонентные основы, двухкомпонентные основы, тюркские языки Южной Сибири, фоноструктурные особенности, «рыжая» масть лошади.

Взаимосвязь якутского языка и тюркских языков Южной Сибири является одним из актуальных вопросов в тюркологии. Статья посвящена исследованию фоноструктурных особенностей имён прилагательных, описывающих масти лошади в якутском языке с их эквивалентами в других тюркских языках: алтайском, хакасском и тувинском. В исследовании определены способы образования двухкомпонентных основ в якутском языке и описаны их морфологические признаки. Авторами сделана попытка определить характер изменчивости фоноструктурных особенностей рассматриваемых тюркских лексических параллелей.

N.V. Malysheva, A.E. Bozhedonova

PHONOSTRUCTURE FEATURES YAKUT ADJECTIVES,
DESCRIBING THE "RED" SUIT HORSES

Keywords: Yakut adjectives, one-component stems, two-component stems, Turkic languages of South Siberia, features of the phonological structure, "red" horse color.

The interrelation of Yakut and Turkic languages of Southern Siberia is one of the topical issues in Turkic studies. The article is devoted to the study of the features of phonological structure of the adjectives that describe the horse coat color in the Yakut language with their equivalents in other Turkic languages: Altai, Khakass, Tuvin and Kirghiz. The methods of formation of two-component stems in the Yakut language are defined and their morphological features are described. The authors made an attempt to determine the variability of features of the phonological structure of considered Turkic lexical parallels.

Н.С. Морева

ФРАНЦУЗСКИЙ ПРИЧИННЫЙ СОЮЗ CAR И ЕГО
ПЕРЕВОДНЫЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ

Ключевые слова: причинный союз, логическое обоснование, причина, параллельный текст, переводной эквивалент.

Статья посвящена исследованию французского союза car, одного из самых неоднозначных причинных союзов. Работа выполнена в русле сопоставительных исследований, проводимых на базе корпуса параллельных текстов. Выявляются переводные эквиваленты рассматриваемого союза, делается вывод о не полном соответствии их словарным эквивалентам.

N.S. Moreva

FRENCH CAUSAL CONJUNCTION CAR AND ITS
TRANSLATION EQUIVALENTS

Keywords: causal conjunction, cause, argumentation, parallel corpus, translation equivalent.

The article is devoted to the studies of the French conjunction car, one of the most disputable causal conjunctions. The contrastive analysis is based on the material from the parallel French-Russian corpus. The paper identifies the translation equivalents of the analyzed conjunction and shows that several examples do not coincide with the dictionary equivalents.

М.С. Попова, Д.С. Федорова

КОЛЛОСТРУКЦИОННЫЙ АНАЛИЗ КОНСТРУКЦИИ N₁VN₂
FROM GERUND В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: грамматика конструкций, коллострукционный анализ.

Статья посвящена изучению конструкции N₁VN₂ from Gerund с позиций коллострукционного анализа, определяется общее значение конструкции, выделяются группы глаголов, способных участвовать в образовании данной конструкции в V- и G-слотах.

M.S. Popova, D.S. Fedorova

COLLOSTRUCTURAL ANALYSIS OF THE
CONSTRUCTION N₁VN₂ FROM GERUND IN
CONTEMPORARY ENGLISH LANGUAGE

Keywords: construction grammar, collostructional analysis.

The article is devoted to the collostructional analysis of the construction N₁VN₂ from Gerund. Authors define the meaning of the construction and form the groups of the verbs from V- and G-slots.

М.В. Репина, Е.В. Сивакова, И.П. Назарова

СИМВОЛИКА ЦВЕТА В РОМАНЕ Г. К. ЧЕСТЕРТОНА
«ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОН КИХОТА»

Ключевые слова: цветообозначения, колоративная лексика, красный цвет, конфликт, сюжетная линия, цветовая символика.

Статья посвящена исследованию творчества Гилберта Честертон, а в частности его романа «Возвращение Дон Кихота». Целью статьи является выявление особенностей колоративной лексики, а также непосредственно связанной с нею сюжетной линии произведения. Анализ романа позволяет выделить два основных контекста использования цвета – «небесный» и «земной», которые сначала контрастируют между собой, но в итоге сливаются в единую цель.

M.V. Repina, E.V. Sivakova, I.P. Nazarova

SYMBOLISM OF COLOR IN G. K. CHESTERTON'S NOVEL
«THE RETURN OF DON QUIXOTE»

Keywords: color markings, color vocabulary, red color, conflict, storyline, color symbols.

The article is devoted to the study of Gilbert Chesterton, in particular his novel "the Return of don Quixote." The purpose of the article is to reveal the peculiarities of colorative vocabulary, as well as directly related to it the storyline of the work. Analysis of the work allows us to draw the following conclusion: the main colors of the novel "earthly" and "heavenly" red first contrast with each other, but eventually merge into a single goal.

Д.А. Романов

ОШИБКИ ПЕРЕВОДА С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА
РУССКИЙ ЯЗЫК ИНФИНИТИВНОЙ КОНСТРУКЦИИ
"PASSIVE VERB / LINK VERB + TO-INFINITIVE"*Ключевые слова: английский язык, инфинитивная конструкция, перевод.**При переводе английских инфинитивных конструкций на русский язык студентами магистратуры технического профиля наиболее распространены ошибки, связанные с переводом конструкции "passive verb / link verb + to-infinitive". Типичными ошибками являются опущение (нулевой перевод) первого компонента и перевод глагола в личной форме сказуемым.*

D.A. Romanov

CASES OF INCORRECT TRANSLATION OF THE
INFINITIVE STRUCTURE "PASSIVE VERB / LINK VERB +
TO-INFINITIVE" FROM ENGLISH INTO RUSSIAN*Keywords: English, infinitive structure, translation*
In case of translating English infinitive structures into Russian by Master's degree students majoring in engineering, the most common are errors related to the "passive verb / link verb + to-infinitive" structure. Typical errors are omitting the first (verb) component, and translating the passive or link verb as subject-related.

Ф.Г. Сабирова, А.Г. Садыкова

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА АНГЛИЙСКОЙ СКАЗКИ*Ключевые слова: лингвокультурологические, семантические особенности, английская сказка, женская символика, сказочный образ.**В статье рассмотрены лингвокультурологические и семантические особенности языка английской сказки. Кроме того, представлен анализ стилистических особенностей англоязычного сказочного текста. В ходе исследования выявлена семантика сказочных образов с женской символикой (на примере сказочного образа «кошка»).*

F.G. Sabirova, A.G. Sadykova

LINGUOCULTURAL AND SEMANTIC FEATURES OF THE
LANGUAGE OF ENGLISH FAIRY TALES*Keywords: lingvocultural, semantic features, English fairy tale, female symbols, fabulous image.*
*This article deals with the description of lingvocultural and semantic features of the language of English fairy tales. It is also devoted to the analysis of stylistic features of the text of English fairy tales. In the process of the research were revealed semantics of fabulous images with female symbols (as example was taken fabulous image of a cat).*Ф.К. Сагдеева, А.Я. Хусаинова, А.А. Бадрутдинова
ФОНЕТИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В УСЛОВИЯХ
ДВУЯЗЫЧИЯ (НА ПРИМЕРЕ СОГЛАСНЫХ)*Ключевые слова: фонетическая система согласных, потенциальное поле интерференции, согласные, консонантизм, татарский язык, русский язык, двуязычие.**В статье рассматривается фонетическая система согласных татарского языка, представляющая собой потенциальное поле интерференции. Результат взаимодействия фонетических систем татарского и русского языков, проявляющийся в речи, показывает, что татарские согласные обладают разной степенью трудности усвоения для русскоязычных и некоторых билингов-татар, которые связаны с реализацией специфических татарских согласных.*F. Sagdeeva, A. Khusainova, A. Badrutdinova
PHONETIC INTERFERENCE OF CONSONANTS WITHIN
THE CONTEXT OF BILINGUALISM (ON THE EXAMPLE
OF CONSONANTS)*Keywords: phonetic system of consonants, potential field of interference, consonants, consonantism, the Tatar language, the Russian language, bilingualism.*
The article considers the phonetic system of consonants in the Tatar language, which represents the potential field of interference. The result of Tatar and Russian phonetic systems interaction, appearing in speech, demonstrates that Tatar consonants have different degrees of digestion for both Russians and bilingual Tatars, which are connected with realization of specific Tatar consonants.

С.Н. Саможенов

СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ
НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ*Ключевые слова: согласованные и несогласованные определения, определительные конструкции, семантико-стилистические особенности.**Работа посвящена анализу семантико-стилистических особенностей определений и определительных конструкций в немецком языке. В статье рассматривается специфика согласованных, несогласованных, атрибутивных, субстантивных и распространенных определений.*

S.N. Samozhenov

SEMANTIC-STYLISTIC FEATURES OF DEFINITIONAL
STRUCTURES IN MODERN GERMAN LANGUAGE*Keywords: consistent and inconsistent definitions, design structures, semantic-stylistic features.*
The article is devoted to the analysis of semantic-stylistic features of attributes and attributive constructions in the German language and deals with specificity of agreed and non-agreed attributes as well as with adjective, substantive and extended attributes.

Е.Г. Сулова

КОННОТАЦИИ УСТНОЙ КУЛЬТУРЫ, ПОВТОР И
ГРАДАЦИЯ В РАННЕМ РЫЦАРСКОМ РОМАНЕ*Ключевые слова: история немецкого языка, коннотации устной культуры, немецкий рыцарский роман.**В работе представлены результаты исследования речевых эпизодов в раннем рыцарском романе с точки зрения выявления и описания техник порождения повествовательного и персонажного дискурса. В ранних образцах произведений используются приемы, заимствованные из устной традиции, оказавшей значительное влияние на формирование немецкого рыцарского романа в целом. Основной фокус статьи направлен на такие приемы, как повтор и повышение (градация).*

E.G. Suslova

CONNOTATIONS TO THE ORAL TRADITION, THE USE
OF REPETITION AND GRADATION IN THE EARLY
CHIVALRIC ROMANCE*Keywords: the history of the German language, connotations to the oral tradition, the German chivalric romance.*
The paper presents the results of the study of speech scenes in the early German chivalric romance with a view to exposure and description of techniques used in the narrative and character's discourse. Techniques used in the early versions of the German chivalric romance were borrowed from the oral tradition, which influenced the development of the German chivalric romance. Our primary focus is on repetitions and gradations treated as connotations to the oral tradition.

Г.Н. Фахретдинова
ЭКСПРЕССИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ В
ТАТАРСКОЙ РЕКЛАМЕ

Ключевые слова: татарская реклама, троп, экспрессивные приемы.

В статье анализируются различные эмоционально-экспрессивные приемы, используемые в татарской рекламе. Приводятся примеры наиболее часто употребляемых фигур речи, свойственных татарским рекламным текстам. Автор рассматривает особенности применения тропов для придания выразительности рекламируемым объектам.

Н.И. Хомутская, А.М. Шабанова
ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ НЕМЕЦКИХ
ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Ключевые слова: языковая картина мира, фразеологизм, социокультурная компетенция.

Данная статья посвящена различному восприятию языковой картины окружающего мира. В зависимости от языка, на котором говорят люди, какие культурные особенности и традиции они имеют, у них формируется свое уникальное, неповторимое мировосприятие. Для более глубокого понимания и приобщения к менталитету представителей иного языка и иной культуры, формирование знаний о ней следует начинать уже на школьном этапе обучения иностранному языку.

G.N. Fakhretdinova
EVOCATIVE AND STYLISTIC DEVICES IN TATAR
ADVERTISING

Keywords: Tatar advertising, figure of speech, expressive devices.

The paper analyzes various emotional and expressive techniques used in Tatar advertising. It shows the most frequent examples of figures of speech that are common for Tatar advertising texts. The author examines the features of using verbal tropes to increase expressiveness of an advertising object.

N.I. Khomutskaya, A.M. Shabanova
LINGUISTIC WORLDVIEW REFLECTION IN GERMAN
PHRASEOLOGICAL UNITS

Keywords: linguistic worldview, phraseological unit, social and cultural competence.

The present article explores the differences in the perception of the world through language. The language spoken by the people, their cultural peculiarities and traditions result in a unique worldview of the nation. In order to understand the mentality of a given nation more deeply, it is vital to start developing the required competences as early as on the school level.

Публичный лицензионный договор-оферта

Редакция журнала «Казанская наука» предлагает Вам присылать свои статьи для публикации на страницах журнала, а также на сайте Научной электронной библиотеки (НЭБ). Предоставление Автором своего произведения является полным и безоговорочным акцептом, т.е. данный договор считается заключенным с соблюдением письменной формы. Присылая для публикации произведение, Автор также предоставляет Редакции журнала права на использование произведения и гарантирует, что он обладает достаточным объемом прав на передаваемое произведение. Также Автор предоставляет редакции журнала право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему Договору права третьим лицам без выплаты Автору вознаграждения. Все авторские права регулируются в соответствии с действующим законодательством России.

Договор публичной оферты по обработке персональных данных

В процессе осуществления выпуска журнала «Казанская наука» ООО «Казанская наука» и ООО «Казанский Издательский Дом» осуществляется обработка персональных данных, предоставленных авторами статей в рамках сообщения своих регистрационных данных для осуществления публикации в журнале (имя, фамилия, отчество, адрес автора, контактный телефон и e-mail приводятся в регистрационной форме, заполняемой авторами при отправке статьи в журнал). Обработка осуществляется редакцией журнала для целей надлежащей отправки журнала автору и возможности связи с автором лиц, заинтересованных в результатах труда автора статьи. Под обработкой персональных данных в контексте настоящего согласия понимаются действия редакции по сбору, систематизации, накоплению, хранению, использованию, распространению, уничтожению персональных данных, а также действия по их дальнейшей обработке с помощью автоматизированных систем управления базами данных, и иных программных средств, используемых редакцией журнала. Настоящее согласие автора на обработку персональных данных является бессрочным и может быть отозвано в любой момент путем отказа автора от получения журнала и дальнейшей обработки его персональных данных.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№4 2018

www.kazanscience.ru

Лицензия ПИ № ФС77-59615

Подписано в печать 03.05.2018

Формат 60 x 84 1/8. Печать цифровая.

9,0 усл.печ.л. 10,4 уч.изд.л. Тираж 900 экз. Заказ 2034.

Учредитель: ООО «Казанская наука»:

420021, г. Казань, ул. З.Султана, д.17а.

Адрес издательства, типографии – ООО «Казанский Издательский Дом»:

420102, г. Казань, ул.2-ая Юго-Западная, 3

Цена - договорная

© Казанский Издательский Дом

тел.(843) 290-60-15

Отпечатано с готового оригинал-макета

ООО «Казанский Издательский Дом»